

Л. К. ЧУКОВСКАЯ — В. М. ЖИРМУНСКИЙ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ (1966—1970)

В настоящую публикацию вошло более пятидесяти писем Лидии Корнеевны Чуковской к Виктору Максимовичу Жирмунскому и пять писем к ней академика Жирмунского. Переписка между ними началась в 1966 году, несколько месяцев спустя после смерти Ахматовой. В это время и Чуковская и Жирмунский готовили к изданию ее первые посмертные сборники: Жирмунский — для большой серии Библиотеки поэта, Чуковская — для Лениздата (отдел поэзии в сборнике «Стихи и проза»). Оба — многолетние друзья Анны Андреевны, исследователи и знатоки ее творчества на протяжении десятилетий. Оба — члены Комиссии по ее литературному наследию. И разговор в письмах идет о своей работе, которая стала для них общей, о текстах Ахматовой — обнаруженных, необнаруженных, подлинных и подцензурных, о своих находках, открытиях, и, разумеется, — о посмертной судьбе поэта, о судьбе архива, об ахматовских творческих тетрадях с десятками неопубликованных стихотворений, ее записных книжках.

Поразителен в письмах дух братства в обоих исследователях — щедрость, открытость, добросовестность, с которыми они делятся своими находками: Жирмунский — в московских и ленинградских архивах, Чуковская — материалами своего домашнего «ахматовского архива»: рукописями, автографами, полученными от Анны Андреевны, записями в своем дневнике, который она вела, встречаясь с Ахматовой. Многие из этих записей вошли впоследствии в ее трехтомные «Записки об Анне Ахматовой».

Переписка кончилась со смертью Жирмунского в 1971 году. После смерти Виктора Максимовича папка с его письмами была передана его вдове, Нине Александровне Жирмунской (по ее просьбе), а к Лидии Корнеевне вернулись ее собственные письма. В архиве Чуковской осталось всего восемь писем Жирмунского, пять из которых и вошли в настоящую публикацию.

Несколько слов о судьбе ахматовских сборников, над которыми они работали.

Сборник «Стихи и проза» после двух корректур был подписан к печати и должен был выйти в 1969 г. Но к этому времени имя Лидии Чуковской, автора «Письма Шолохову» и других открытых писем, оказалось на родине под запретом. Сборник вышел в 1976 г. в том же издательстве. Составителем отдела стихов обозначен издательский редактор. «Освобожденная не от плодов моего труда, но от моего имени, —

© Электронная публикация состоит из двух частей: 1. Стр. 1—93: Опубликовано в «Я всем прощение дарую...», Ахматовский сборник, Альянс-Архео, Москва — Санкт-Петербург, 2006 (UCLA Slavic Studies. Vol. V). Вступит. заметка, подготовка текста и примеч. Ж. О. Хавкиной. 2. Стр. 94—120: Опубликовано в журнале «Знамя» № 1, 2007. Вступительная заметка, подготовка текста, публикация и примечания Е. Ц. Чуковской.

© <http://imwerden.de> — некоммерческое электронное издание, 2008.

рассказывает Лидия Чуковская в очерке литературных нравов «Процесс исключения», — книга Ахматовой не только вышла в свет, но даже двойным тиражом, чему я, разумеется, рада».

Сборник Ахматовой в «Библиотеке поэта» вышел в том же 1976 г. (спустя пять лет после смерти Виктора Максимовича), и тоже «освобожденный» — не только от имени Лидии Чуковской, на которую Жирмунский добросовестно ссылался в своих комментариях, но и от его вступительной статьи: книге было предпослано предисловие Ал. Суркова.

Все письма, вошедшие в эту публикацию, хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ).

Большое место в переписке занимала судьба ахматовского архива и суд по этому поводу между сыном и наследником Анны Ахматовой — Львом Николаевичем Гумилевым, который хотел передать архив Пушкинскому Дому, и фактическими владелицами бумаг И. Н. Пуниной и А. Г. Каминской. Оба корреспондента встали на сторону Л. Н. Гумилева. Их позиция уже частично освещена в печати (см.: Корней Чуковский — Лидия Чуковская. Переписка. 1912—1969. М.: НЛО, 2003. С. 424—426, 431; а также: Чуковская Л. «После конца» // Знамя. 2003. № 1. С.154—167). Размеры настоящей публикации не позволили включить письма, также относящиеся к этой теме.

Остается надеяться, что будут разысканы в архиве многочисленные письма В. М. Жирмунского к Л. К. Чуковской и впоследствии эта содержательная и существенная для ахматоведения переписка будет представлена в полном виде.

В письмах сокращены бытовые подробности (все места сокращений указаны отточием). Даты поставлены в начале каждого письма.

Благодарю Елену Цезаревну Чуковскую за материалы из архива ее матери.

Приношу благодарность сотруднице Отдела рукописей РНБ Наталии Ивановне Крайневой за деятельную помощь и полезные советы при подготовке этой публикации.

1. В. М. Жирмунский — Л. К. Чуковской

Комарово, 18.VII.1966 г.

Дорогая Лидия Корнеевна!

Пишу Вам, как старому другу А. А. Ахматовой, в надежде на совет и на помощь.

1) «Библиотека поэта» поручила мне издание «Собрания стихотворений Анны Ахматовой» для большой серии. По плану книга должна выйти в свет в 1968 г. и быть сдана в конце 1967 г. Я отношусь к этому делу как к святому долгу и думаю отдать на него столько времени и сил, сколько потребуется. Посоветовавшись с В. Н. Орловым (который, по-видимому, покидает место руководителя «Библиотеки»)² мы решили, что это будет в принципе *полное собрание* стихотворений (в пределах достижимого), со всеми существенными вариантами — «научным» по своей подготовке и по аппарату. И таким я буду; его *готовить*: выбросить то или иное всегда будет возможно — в соответствии с обстановкой 1968 г.

<II> Полное собрание это значит: 1) все, что вошло в сборники; 2) все, что печаталось, но в сборники не вошло; 3) все ненапечатанное — по мере достижимости.

В отношении последнего, в особенности я хотел бы надеяться на Вашу помощь. По слухам, Вы многое записывали, переписывали, получали в дар от А. А. Я хотел бы узнать у Вас, что Вы могли бы предоставить мне для этого издания — разумеется, в копиях. Я думаю, что речь может идти не только о новых стихотворениях, но об интересных вариантах уже известных. Если Вы мне захотите помочь, я с удовольствием приеду в Москву, чтобы поговорить с Вами лично. Но раньше я хотел бы получить от Вас <принципиальный> ответ, т. к. слухам не всегда можно верить. <...>

Дружески

Ваш В. Жирмунский

Поделитесь, пожалуйста, содержанием моего письма с М. С. Петровых, если Вы с ней встречаетесь³.

2. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

19.VII.66

Дорогой Виктор Максимович.

Большое Вам спасибо за письмо и за доверие. Я сама хотела писать Вам, но как-то не решалась.

На первый Ваш вопрос — о моем архиве — мне отвечать легко. Я не берусь судить, велик ли он или мал, представляет ценность или нет. Судите сами.

I. Автографы:

1) «Поэма без героя», вариант 1940—42. Школьная тетрадка; рукою А. А., карандашом, записана вся поэма. На титульном листе дарственная надпись мне⁴. (Ташкент)

2) Строфы из «Решки», вписанные рукою А. А. в подаренный ею мне машинописный экземпляр «Поэмы» 1962 года (4 строфы)

3) Цикл стихотворений «Черепки» (всего — семь); цикл, параллельный Реквиему и писавшийся тогда же; подарено мне (с дарственной надписью) несколько лет тому назад.

4) Надписи на фотографиях и книгах.

II. Фотокопия записи под названием «Для Лиды». Автограф у И<рины> Н<иколаевны> (она говорит — запись в общей тетради)⁵. Содержание очень разнообразное; в частности — списки дат и незаписанных стихов... Писалось в больнице, перед смертью.

III. Стихи, записанные моей рукой под диктовку А. А.; некоторые с ее подписью.

IV. Стихи, записанные мною по памяти уже после кончины А. А. Их немного. Я начала бывать у А.А. в 1938 г.; в 41 она приехала ко мне в Чистополь и мы вместе отправились в Ташкент. В ту пору А.А. многие свои стихи не записывала, а велела мне запоминать (Таков был весь «Реквием»). Но с тех пор большинство записаны ею (у нее в тетрадях) и очень многие — напечатаны.

V. Списки дат и составы книг и циклов, подаренные мне Анной Андреевной, когда мы вместе составляли «Бег времени» (1964).

VI. Копия сборника «Бег времени», в том виде, в каком он был сдан А. А. в издательство, до «работы» редакторов.

VII. Собственноручные пометки А. А. на подаренных мне книгах и пометки, сделанные мною по ее указаниям.

Все эти материалы, дорогой Виктор Максимович, разумеется всегда к Вашим услугам. Если Вы пожелаете ко мне, я выложу перед Вами все на стол, и Вы распорядитесь, что перепечатать, а что сфотографировать для Вашего издания. Кроме того, если во время работы у Вас будут возникать какие-нибудь вопросы — рада буду служить Вам, чем только могу...

Таковы мои автографы и записи стихов. (Кстати, если увидимся, я назову Вам имена лиц, у которых немало Ахматовских стихов и писем.) Но мой ахматовский архив не исчерпывается только ее стихами. С тех пор, как мы стали встречаться, я записывала все наши беседы. Мы встречались в 38—42 гг. очень часто; потом 10 лет не виделись совсем; потом с 52 по 66 — жили в разных городах, но периодически встречались. У меня копились и копились записи наших бесед (преимущественно о литературе). Кроме того, я всегда, конечно, отмечала, какие стихи она сегодня прочитала мне... Я все записывала и записывала, но никогда не имела времени разобраться в своих тетрадках. И вот сейчас я их читаю. Чтобы как следует разобраться в них, чтобы от них для Трудов и Дней или для Собр. соч. был толк — мне потребуется, по крайней мере, год.

Над ними я сейчас и сижу. <...>

Вот, кажется, всё. Боюсь, утомила я Вас. Будьте здоровы.

Ваша Л. Чуковская

P. S. Марии Сергеевне я Ваше письмо прочту.

3. В. М. Жирмунский — Л. К. Чуковской

Ленинград, 6.IX.66

Дорогая Лидия Корнеевна!

<...> Севой мы неожиданно нашли общий язык, после того как я написал ему подробное письмо, такое же, как Суркову, чтобы осведомить его, как сына А. А., о положении дел. Сегодня он был введен в наследство — единолично, в соответствии с законом, но он не знает, что предпринять, а я не знаю, что ему посоветовать. <...>

Пока я решил, в связи с моими обязанностями по Библиотеке поэта, отложить на некоторое время попечение о неизданных стихах и заняться изданными. Я проделал уже некоторую работу, о которой хотел бы посоветоваться с Вами (а Вы спросите от моего лица мнение о моем плане Корнея Ивановича — я очень доверяю его опыту и вкусу). Я хочу разбить издание на 3 части: 1) сборники; 2) стихи напечатанные, но в сборники не вошедшие; 3) стихи неизданные. Для первого опыта я занялся книгой «Вечер». В американском издании все это аморфно, т. к. перетасовано по хронологическому принципу⁶. Я сопоставил первое издание «Вечера» с разделом

«Из книги Вечер» в «Четках» и с последующими собраниями стихотворений, начиная с «Шести книг». Оказалось, что ряд стихотворений, выпущенных в «Четках», были снова напечатаны в этих позднейших собраниях, и даже появилось несколько новых стихотворений» ранее не печатавшихся, и два из «Белой Стаи» и «Подорожника». В конце концов, я восстановил первоначальный состав сборника «Вечер», отнеся позднейшие публикации в дополнения к «Вечеру» и использовав авторскую правку. «Вечер», восстановленный в своей цельности, оказался очень впечатляющим. Я думаю вообще, что надо сделать книгу так, чтобы она имела «лицо», а не представляла хаотическую груду, как в американском издании. «Лицо» дают сборники с авторским расположением стихов. Другое дело, что это расположение менялось и что после «Anno Domini» отдельные сборники, начиная с «Ивы» («Тростника») уже не издавались самостоятельно. Но тут, я думаю, поможет «Нечет»⁷ набранный и рассыпанный, который я надеюсь получить в корректурном экземпляре в Ленинграде и таким образом восстановить его первоначальный состав. «Нечет» — это седьмая книга, не правда ли? А дальше? Тут я очень надеюсь на «Бег времени» в той полной редакции, которая сохранилась у Вас.

Я очень хотел бы приехать к Вам в Москву, чтобы посмотреть материалы, которые Вы мне дружески предлагаете. Я вовсе не стремлюсь быть «первооткрывателем» неизданных стихов и предпочел бы, чтобы к моменту, когда пойдет в печать подготовленное мною издание, *все* было издано. Но, поскольку этого не будет, и м. б. окажется недоступным и то, что хранилось в рукописи А. у самой А. А., придется, по видимому, быть готовым к тому, чтобы восстановить утраченное по показаниям разных источников. Я имею в виду тех людей, которым А. А. так щедро при жизни дарила стихи. Вероятно, следовало бы повидать и Лукницкого?..⁸

Буду ждать Вашего письма.

Дружески Ваш

В. Жирмунский

4. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Москва, 11/IX 66.

Дорогой Виктор Максимович.

В Вашем письме очень много вопросов — и притом некоторые для меня сложны. Напр<имер>, о расположении стихов в будущей книге. Об этом я в самом деле лучше посоветуюсь с К. И., к которому еду через 3 дня. Я прочитаю ему Ваше письмо и Вам тогда снова напишу.

Одно могу пока что сказать от себя: Анна Андреевна постоянно выражала неодобрение хронологическому порядку. («Пушкин загублен хронологией».) Она тяготела к циклам. Но и их перекраивала заново — в «Беге времени» даже свободно переставляла стихи из «Подорожника» в «Anno Domini» или наоборот. «Политика дат» у нее тоже была непростая; и не всегда неверные даты были поставлены ею только с целью «затемнения». Иногда у нее дата — элемент смысла, вроде заглавия. Напр<имер>, стихотворение «Привольем пахнет дикий мед» написано наверняка до 36 года (вероятно, в 34); готовя его для «Бега»⁹, она написала под ним «1938» —

п<отому> ч<то> именно этот год подчеркивает смысл стихотворения. (Сейчас оно напечатано в «Звезде востока», № 6.)

Вот почему Ваш вопрос о расположении стихов в книге представляется мне очень сложным. В каждом новом издании она располагала их заново, не стесняясь рамками прежде вышедших книг... «Вечер», вышедший впервые, и «Вечер» в «Беге» — это разные книги. Которую воспроизводить?

Что касается «т. I», то им пользоваться следует с величайшей осторожностью. Там — ошибки: в датах, в посвящениях, в эпиграфах, в циклах, в текстах. (Многое напечатано по памяти случайных людей.) Преступление редактора в том, что он не дождался «Бега». (Где 4 опечатки.) Весь документ «Для Лиды» — протест А. А. против этого I тома... Когда же я сказала, что там есть 30 стихотворений Ахм<атовой>, не в х о д и в ш и х в книги и что это — ценность, А. А. резко ответила мне:

— Я и не желала, чтобы они входили в мои книги. Это плохие стихи.

(Потом сменила гнев на милость относительно двух.)

М. б. книгу следует строить по папкам «Бега времени» и по спискам, составленным А. А. (у меня есть список стихов в книге «Нечет», в цикле «Венок мертвым» и т. д.), а кроме того сделать большой отдел стихов, печатавшихся только в газетах и журналах и не введенных автором в «Бег»?.. И потом — не напечатанных при жизни — с указанием, где это возможно, в какой цикл А. А. собиралась включить данное стихотворение?

(Напр<имер>, «Памяти Булгакова» в цикл «Венок мертвым».)

Не знаю. Посоветуюсь с К. И. <...>

Будьте здоровы. Жду известий об октябре. Жму руку. Ваша Л. Чуковская

<Приложен список неопубликованных стихотворений Анны Ахматовой: «В каждом древе распятый Христос...», «Так не зря мы вместе бедовали...», «Те, кого и не звали в Италию...» (в последней редакции: «Все, —...в Италии» — *Сост.*), «Стеклянный звонок...», «De Profundis... мое поколение...», «Соседка из жалости два квартала...», «Забудут? Вот чем удивили...», «И неоплаканную тенью...», «И вот, наперекор тому...», «За ландышевый (? яблоневоый) май...», «Два голоса», «Памяти Булгакова», «Стансы», «Черепки» (семь стихотворений), «И ты ко мне вернулась знаменитой...», «Я всем прощение дарую...», «Какая есть. Желая вам другую...», «Прав, что не взял меня с собой...», «Из-под каких развалин говорю...», «Я знаю, с места не сдвинуться...», «Не лирою влюбленного...», «Ты напрасно мне под ноги мечешь...», «И умерли свидетели Христовы...» «И снова осень валит Тамерланом...», «Словно дочка слепого Эдипа...», «Всем обещаьям вопреки...»>.

5. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

8/XI 66

Дорогой Виктор Максимович!

Три стихотворения, которые Вы мне подарили, таковы:

1. «И увидел месяц лукавый...»
2. «Причитание» («Ленинградскую беду...»)

3. «Кого когда-то называли люди...»

Вы прислали мне списки: составленный мною (стихов, которые должны быть в тетрадах) и составленный Толей¹⁰.

В моем списке одна ошибка: стихотворение «Все обещаньям вопреки» — напечатано в «Беге». Посылаю список Вам обратно с исправлением мелких ошибок и добавлениями. Вы на полях сделали пометку, что хорошо бы эти стихи записать, — и прислать Вам. Все, что я могла вспомнить, я записала. Вам послано уже многое. Напоминаю (глядя в список):

«Два голоса», «Забудут? вот чем удивили...», «Стеклянный звонок», «Соседка из жалости два квартала...», «За ландышевый май...», «И умерли свидетели Христовы...».

Эти стихи посланы Вам в посылочке № 1, 23/X 66.

Идем, по списку, дальше:

«Памяти Булгакова» — не посылаю потому, что Вам подарил эти стихи Ардов.¹¹ У него — автограф, а я знаю их только по памяти.

Дальше:

«Стансы», «Я всем прощение дарую...», «Словно дочка слепого Эдипа...», «В каждом древе распятый Господь...», «За такую скоморошину...», «И скупо оно и богато...» — эти стихотворения, а также вторая половина стихов «Какая есть. Желаю Вам другую...» («Седой венец достался мне недаром...») посланы мною Вам в посылке № 2, 4/XI, среди перепечатанных для Вас на машинке стихотворений, выброшенных редакцией из «Бега времени».

Из указанных мною в списке я *не* могу восстановить

«Те, кого и не звали — в Италии...», «Какая есть. Желаю Вам другую...»
(знаю начало и конец, а середина перепутана).

Все остальное было бы уже у Вас, если бы я не заболела. Но и так будет скоро.

Посылаю еще два:

«И ты ко мне...», «Черные песни».

Толин список в общем очень хорош. Список стихов во многом совпадает с моим; кое-чего я не знаю; кое-что, увы! Вам пока не пригодится.

Я оставляю Толин список у себя. <...>

9/XI

Всего хорошего.

Л. Чуковская

Галочки поставлены против тех стихотворений, которые уже посланы Вам. Л. Ч.

«Приложен «Список некоторой части неизданных стихотворений А. А. Ахматовой, оставшихся в ее архиве (в тетрадах)». Составлен по памяти Л. К. Чуковской. Пометка В. М. Жирмунского: Было бы очень хорошо, если бы Вы постарались вспомнить и записать эти стихи! В. Ж.: √ «Два голоса», √ «Забудут? Вот чем удивили...», «Так не зря мы вместе бедовали...», «Те, кого и не звали, — в Италии...», √ «Стеклянный звонок», √ «В каждом древе распятый Господь...», √ «Соседка из жалости два квартала...», «И неоплаканною тенью...», «И вот, наперекор тому...», √ «За ландышевый май...», «Памяти Булгакова» (Пометка В. М. Ж.: 1966 *напечатано*), √ «Стансы...», «Черепки» (семь стихотворений), √ «И ты ко мне вернулась знаменитой...», √ «Я всем прощение дарую...», «Какая есть. Желая вам другую...», √ «Прав, что не взял меня с собой...», «Из-под каких развалин говорю...», «Я знаю, с места не сдвинуться...», «Не лирою влюбленного...», «Ты напрасно мне под ноги мечешь...», √ «И умерли свидетели Христовы...», √ «Словно дочка слепого Эдипа...», «Всем обещающим вопреки...» (*Вычеркнуто. Пометка ВМЖ: («Бег времени»*)), «De Profundis ...мое поколение...», √ «За такую скоморошину...», √ «И скупо оно и богато...»».

Прилагаю стихотворение, которое из уст А.А. я никогда не слыхала: я его записала со слов Н. Н. Глен¹²:

Два голоса

Первый:

Мы запретное вкусили знанье,
И в бездонных пропастях сознанья
Чем прозрачней, тем страшнее зданья,
И уже сквозит последний час...

Второй:

И уже грохочет дальний гром...
А та, кого мы музыкой зовем
За неименьем лучшего названья —
Спасет ли нас?¹³

1946

Это стихотворение записано мною от А. А., но советую проверить по автографу, который есть у М. С. Петровых:

Забудут? — вот чем удивили!
Меня забывали сто раз.
Сто раз я лежала в могиле,
Где может быть я и сейчас.
А Муза и глохла, и слепа,
В земле прорастала зерном,
Чтоб снова, как Феникс из пепла,
В тумане восстать голубом¹⁴.

Это стихотворение записано мною со слов Н. Н. Глен:

Стеклянный звонок

Стеклянный звонок
Бежит со всех ног.
Неужто сегодня срок?
Постой у порога,
Подожди немного,
Меня не трогай,
Ради бога!¹⁵

Это стихотворение Анна Андреевна прочитала мне 18/VIII 40 г., в Ленинграде.
Не сомневаюсь, что оно записано в одной из ее тетрадей:

Соседка, из жалости, два квартала.
Старухи, как водится, до ворот.
А тот, чью руку я держала,
До самой ямы со мной пойдёт.
И станет над ней, один на свете,
Над черной, рыхлой, родной землей...
И позовет. Но уже не ответит
Ему, как прежде, голос мой¹⁶.

Это стихотворение записано мною с Толиных слов:

За ландышевый май
В моей Москве стоголавой
Отдам я звездных стай
Сияние и славу¹⁷.

Предлагаю другой вариант стихотворения, которое Вы мне подарили. Запомнила от А. А. Дату уточню впоследствии.

Последние 4 строки напечатаны в «Беге Времени», стр. 362:

И умерли свидетели Христовы.
И сплетницы-старухи, и солдаты,
И прокуратор Рима — все прошли.

Там, где когда-то возвышалась арка
И в гору шел, согнувшись, водонос —
Их выпили с водой, вдохнули с пылью жаркой,
И с запахом бессмертных роз.

Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти все готово.
Всего прочнее на земле — печаль
И долговечней — царственное слово¹⁸.

Это стихотворение написано 6 января 1944 года, в сочельник, в Ташкенте.

А прочитано мне Анной Андреевной 9 июня 1955 года в Москве; я записала его, а она поставила свою подпись и обе даты.

Оно обращено к «Поэме без героя»; кто-то, *кажется*, М. В. Нечкина¹⁹, преподнесла Анне Андреевне в сочельник 44 г. очень красивый экземпляр «Поэмы».

А. А. говорила мне: «Смотрите, чтобы эти стихи никогда не прилипли к «Поэме»... Повторяла это много раз... В «Бег времени» включить не пожелала.

И ты ко мне вернулась знаменитой,
Темно-зеленой веточкой повитой,
Изящна, равнодушна и горда.
Я не такой тебя когда-то знала
И я не для того тебя спасала
Из месива кровавого тогда.
Не буду я делить с тобой удачу,
Я не ликую над тобой, а плачу,
И ты прекрасно знаешь, почему.
И ночь идет, и сил осталось мало...
Спаси ж меня, как я тебя спасала,
И не пускай в клокочущую тьму²⁰.

Это стихотворение я записала со слов А. А. в 1962 г., когда она жила у Н. Н. Глен.

А. А. сказала:

«Были еще 4 строки в середине, но я их не помню».

В дате я не уверена.

Черные песни

1.

Прав, что не взял меня с собой
И не назвал своей подругой —
Я стала песней и судьбой,
Сквозной бессонницей и вьюгой.

.....
.....
.....
.....

Меня бы не узнали вы
На пригородном полустанке

В той молодящейся, увы!
И деловитой парижанке²¹.
1962 ?

6. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

18/XI 66 Москва

Дорогой Виктор Максимович.

Пожалуйста, извините меня, что я чуть ли не на целых 10 дней опаздываю с ответом на Ваше последнее письмо. Я все еще больна. <...>.

От души поздравляю Вас с предложением сына М. Л. Лозинского; я уверена, что там хранятся интереснейшие вещи, в особенности раннего периода²².

Когда мне станет получше, я проделаю для Вас еще одну работу: просмотрю папки «Бега времени» и проверю, какие были убраны в редакции посвящения, названия, эпиграфы. Напр<имер>, стихотворение «Все это разгадаешь ты один» напечатано без посвящения, сделанного в машинописи «Борису Пильняку»²³. Надо с этой точки проверить и остальное.

Отметьте, пожалуйста, также, еще одну ошибку американского издания, которую я, кажется, Вам не показала: опечатка в стихотворении: «Я не любви твоей прошу».

Напечатано:

Не приходи. Тебя я знаю.

Надо:

Не приходи. Тебя не знаю.

Очень жду от Вас писем. Нет ли у Вас каких-нибудь вопросов по присланному мной материалу? Представили ли Вам обещанное Иосиф²⁴ и Толя? Предпринимает ли что-нибудь Лев Николаевич? Писали ли Вы Суркову?²⁵

Отныне обещаю быть исправной.

Крепко жму руку. Ваша

Л. Чуковская

7. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

8/XII 66

Дорогой Виктор Максимович.

Сегодня состоялся мой первый выезд в свет: за мной приехали в такси Толя и Миша²⁶ и отвезли меня в Союз, в Иностр<анную> Комиссию, к Суркову. 12/XII Сурков едет в Ленинград и собирает Ахматовскую Комиссию там; а сегодня он, по муд-

рому совету Миши, собрал москвичей — членов и не членов — и состоялся разговор, в общем довольно дельный. Присутствовали кроме Суркова: Тарковский²⁷, Липкин²⁸, Петровых, Ольшевская²⁹, Герштейн³⁰, Миша Ардов, Толя Найман, Глен, Большинцова³¹ и я. Высказывались все и разногласий, мне кажется, не было. Не пришел, к сожалению, Н. И. Харджиев, который болен <...>³².

Толя читал мне свои воспоминания. Это очень хорошо. Прелесть их в точности, строгости и прекрасном самоограничении. Это — заметки, разрозненные, состоящие из записей отдельных суждений, словечек, шуток А. А., ее высказываниях о стихах. Каждому слову веришь. Они не претендуют на создание образа — и в то же время несомненно создают его.

Разумеется, это 1/100 из того, что ему предстоит написать, но 1/100 очень дорогая.

Завтра Толя придет ко мне опять — мы смотрим вместе стихи А. А. Я его спрошу прямо, почему он еще не передал Вам все, что знает. Уверена — он это сделает.

Ваше письмо получила. <...>

К.И. Вам горячо кланяется и от души желает Вам успеха. Письмо Ваше к И. Н. ему очень понравилось, он специально звонил мне об этом...

Жму Вашу руку.

Л. Чуковская

P. S. Не помню, писала ли я Вам, что мне звонила директорша ЦГАЛИ³³ с сообщением, что у них:

«1001 ночь», «Лермонтов»³⁴, Тетрадь с впечатлениями о последней итальянской поездке.

8. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

20/II 67

Дорогой Виктор Максимович.

Вчера я случайно узнала от Толи, что Вы уже вернулись домой.

Я продолжаю работать над своим Дневником и находить некоторые мелочи, которые, быть может, Вам годятся.

Например, знаете ли Вы, что книга «Вечер» сначала называлась «Лебеда»? Это мне рассказала А. А. летом 1940 г. Открывалась книга стихотворением «Я на солнечном восходе Про любовь пою, На коленях в огороде Лебеду пою», а кончатся должна была стихотворением «Подушка уже горяча С обеих сторон», которое так и называлось «Послесловие».

Потом друзья уговорили А. А. назвать книжку не «Лебеда», а «Вечер»; она стала называться иначе и стихотворение о лебеде передвинулось, а «Подушка уже горяча...» — выпало вообще, п<отому> ч<то> это ведь не вечер, а утро.

И еще вычитала одну мелочь, быть может, как и первая, известную Вам. Но все-таки пишу на всякий случай:

Стихотворение «Маяковский в 1913 г.» А. А. дала в «Литературную Газету»; от туда, без ее ведома, его переправили в «Ленинские Искры», где оно и было напечатано под пошлейшим названием «Поэтесса — поэту» и с ошибками. (№ и даты не знаю; по-видимому, летом 1940 г.)³⁵

Надеюсь, Вы хорошо отдохнули. Жму Вашу руку

Л. Чуковская

9. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Москва, 17/III 67

Дорогой Виктор Максимович.

Очень рада была получить от Вас письмо. Я уж думала — Вы больны.

Но я вовсе не претендую на такие длинные, обстоятельные письма. Я понимаю, как Вы заняты, как переутомлены.

Вы просите меня не отказываться от отдела стихов в Лениздате. Если это в самом деле «Бег времени», да еще с возможностью восстановить многое пропущенное — я не откажусь.

Но от издательства я не получила ни слова, ни звука. Странные люди.

Суду я рада. Подождем, что будет. А вдруг — правда восторжествует? Бывает ведь и так.

Готова служить ей (Правде).

Я звонила очень много раз Суркову и дозвонилась только третьего дня вечером. <...>

Третьего дня вечером, в разговоре с Сурковым, я успела сказать ему и о договоре с Эммой Григорьевной на пушкинскую книжку. Я сказала: ведь Эмма Григорьевна работала над Пушкинскими статьями А. А. еще с ней вместе, подбирала для нее архивный материал и пр. Кому же и делать, как не ей?

Она потом тоже ему звонила — и, говорит, он написал очень хорошее письмо.

Вот, кажется, все новости — весьма скромные и не очень новые.

Будьте здоровы. Привет Владимиру Григорьевичу³⁶ и Владимиру Николаевичу.

Жму руку.

Ваша Л. Чуковская

10. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Москва, 22/IV.67

Дорогой Виктор Максимович!

Помните, когда Вы были у меня в последний раз, Вы говорили о составе редколлегии Гослита? Вы назвали Суркову четырех человек, а пятое место оставили пустым. Я тогда Вам ничего не сказала — к сожалению; выскочило у меня из головы, что пятым безусловно должен быть большой знаток поэзии Ахматовой, опытный текстолог и литературовед, старый друг А. А. — Н. И. Харджиев.

В архиве у него много ценного ахматовского материала, и Вам, и всем нам, ловчее, удобнее будет к нему обращаться, если он будет членом редколлегии.

Согласны ли Вы со мной? И, если да, не напишете ли об этом Ал<ексею> Ал<ександрови>чу?

Лениздат прислал мне 2 экземпляра «Бега времени» и я приступаю к расклейке и добавлениям...

Будьте здоровы. Жму руку

Ваша Л. Чуковская

11. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

4/V 67

Дорогой Виктор Максимович.

Я знаю Нат<алью> Леон<идовну> не очень близко, но очень давно³⁷. О знакомстве с ней Анны Андреевны я слышала от самой А. А. В тридцатые годы Н. Л. Д<илакторская> была вовлечена в детскую литературу С. Я. Маршаком; у нас выходили ее стихи и проза; она была близка к журналам «Еж» и «Чиж». Человек она порядочный и вполне литературный, хотя и не в литературоведческом смысле. Она по натуре — собиратель, коллекционер: собирает фарфоровые чашки, музыкальные пластинки, лесные корни — и — стихи.

Миша³⁸ прислал мне переписанные им у нее стихи А. А. Большинство из них я когда-то слышала, некоторые знала когда-то наизусть («Глаз не свожу с горизонта...», «Разве не я тогда у креста...»); о некоторых у меня имеются записи в дневнике. Напр.: «А. А. прочитала мне страшное стихотворение о доме» — это, конечно, «Уложила сыночка кудрявого...» А кое-что я читаю впервые.

Записи, мне кажется, вполне точны. Сомнение у меня одно; строка из стихотворения «Глаз не свожу с горизонта...» мне помнилась так:

Между нами, мой друг, три фронта,

а тут — «друг мой». Но, разумеется, полагаться на память нельзя.

А в общем — это ценная находка, и я радуюсь за Вашу книгу.

Думаю, таких находок еще предстоит не мало.

Но когда же, когда их можно будет сверять с тетрадями?

Спасибо, что написали Суркову о Харджииве.

Я сдаю на днях свою часть работы для Лениздата. Обуреваема при этом разнообразными сомнениями и соблазнами.

Будьте здоровы.

Преданная Вам Л. Чуковская

О номере «Грузии» для Вас — со стихами Мандельштама — я в Тбилиси написала.

12. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

15/V 67

Дорогой Виктор Максимович.

<...> Свою часть работы для Лениздата я отправила 10/V.

Только что меня постигла большая неприятность. Журнал «Литературная Грузия» попросил у меня стихи А. А. Я послала им 7 стихотворений, сообщив при этом, что 4 печатаются впервые, а 3 печатались некогда, в 20-ые годы, в разных малоизвестных изданиях. Написала, по просьбе редакции, маленькую врезку — чисто справочного характера. Прочла 2 корректуры — все было в порядке. И вдруг получаю сигнальный экземпляр и там врезка искажена и над всем красуется подзаголовок: *П е р в а я публикация...*³⁹

Я думала, у меня от бешенства делается инфаркт.

Какова-то будет судьба Лениздатовской книги?

Посмотрим!

Насчет тетради, которую Н. Л. Д<илакторская> видела в руках А. А. в сороковые годы, я ничего сказать не могу, п<отому> ч<то> с 42 по 52 год я с А. А. не встречалась. Но у нее всегда, для каждого периода, была основная тетрадь, куда она писала *всё*. Была, наверное, и для тех лет.

Будьте здоровы. Жму руку

Л. Чуковская

13. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

24.5.67

Дорогой Виктор Максимович!

У меня к Вам большая и срочная просьба.

Представьте себе, что «Литер<атурная> Грузия» после моего яростного письма согласилась дать поправку. Но они требуют теперь, чтобы я указала, где именно печатались те 3 стихотворения, которые печатаются не впервые. Два мне известны; третье нет⁴⁰.

Вы и Ваши помощники занимаются ранними стихами. Не можете ли мне сообщить, где печаталось стихотворение, которое начинается так:

О знала ль я, когда в одежде белой
Слетала Муза в тесный мой приют,
Что к лире, навсегда окаменелой,
Мои живые руки припадут...

Я буду очень, очень благодарна, если Вы ответите⁴¹.

Я писала им, чтобы послали Вам № со стихами Мандельштама⁴². Послали ли они? Если нет — напишите — у меня есть один лишний, и я пришлю.

Крепко жму Вашу руку

Л. Чуковская

Ответил ли Вам Сурков о Харджиеве?

14. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Переделкино, 26/7 67.

Дорогой Виктор Максимович!

Я живу в Переделкине, но мой почтовый адрес остается прежним: Москва. Вся почта Корнея Ивановича идет туда и за нею через день ездит шофер.

Посвящение Е. С. Б. — Елене Сергеевне Булгаковой⁴³ (как и указано в «Беге Времени», стр. 359). В Ташкенте А. А. сначала жила в писательском общежитии, на ул. Маркса, 7, а потом переехала на ул. Жуковского, в комнату, ранее занимаемую Е. С. Булгаковой. Потом А. А. писала:

(стр. 426)

Пора забыть верблюжий этот гам
И белый дом на улице Жуковской

— вот в этом белом доме и была комната из стихотворения «Хозяйка». Та же комната в стихотворении «Когда лежит луна ломтем Чарджуйской дыни» (стр. 354) и она же во «Встрече» (стр. 361) — комната была во втором этаже и туда вела внешняя лестница

Идет по шаткой лесенке

и она же в стихотворении

Как в трапезной — скамейки, стол, окно

(стр. 352) — там действительно посередине стоял стол и с двух сторон две скамейки.

(Когда А. А. туда переехала, я уже жила в Москве; но перед этим прожила год в белом доме на улице Жуковской под комнатой Е. С. Булгаковой, под «шаткой лесенкой».)

С М<ихаилом> А<фанасьевичем> и Е. С. Булгаковыми А. А. была очень дружна.

Зато вот кто такой или такая «А. К.», о которой Вы спрашиваете, я, хоть и знала — забыла наглухо. (Но не Аня Каминская!) Постараюсь узнать. И Вам напишу. <...>

Над своим дневником я работаю без перерыва. Окончены годы 38—41, до нашего приезда в Ташкент. Расшифрованы и переписаны на машинке. Теперь читаю дальше, чтобы сообразить, как быть со всей этой грудой. Читаю 50-ые и 60-ые годы; оттуда, может быть, что-нибудь пригодится и для печати...

Ваша Л. Чуковская

15. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

11/VIII 67

Дорогой Виктор Максимович.

Вот и еще письмо от Вас — 7/VIII.

Н. Н. Глен сейчас нет в Москве — она уехала в Болгарию.

По поводу сборника 61 г. Вам следует обратиться к М. С. Петровых, которая его составляла. Она в городе. Адрес — см. писательскую книжку.

Теперь насчет двух стихотворений, о которых Вы спрашиваете: «И мы забыли навсегда» и «Помню я тот венец златокованный». И первое и второе было в «Беге Времени»; вынута редакцией; послано мною Вам среди других стихотворений, вынутых из книги. Второе мне удалось напечатать в «Литер<атурной> Грузии», 1967, № 5. Номера этого я Вам не послала (нету!), но послала список помещенных там стихов по первым двум строкам.

По поводу стихотворения «Согражданам» (которое А. А. уже перестала так называть) А. А. писала мне в документе «Для Лиды»: «это — предсказание ленинградской блокады».

Насчет переброски стихов из одного цикла в другой: меня это поражало во время работы над «Бегом». Скажешь ей: — А. А., ведь это у вас раньше было в «Подорожнике»! А теперь вы ставите в «Четки» (или наоборот). Она ответит: — А теперь пусть будет так!.. К сожалению, я эти случаи не регистрировала особо, но они были.

У нее существовала собственная «политика дат», вызванная не только цензурными, но и чисто личными соображениями. От сборника к сборнику она иногда меняла даты. Напр<имер>, стихотворение Пильняку («Все это разгадаешь ты один...») сначала значилось 42 (или 44), а потом получило 38. Я убеждена, что стихотворение «Пятым действием драмы...» на самом деле посвящено ее первому мужу и написано в 21 или 22 г.⁴⁴; а в «Беге» ею поставлено 44...

(Между прочим, очень многие даты записаны ею в зеленых блок-нотах, которые теперь в ЦГАЛИ.)

Как же быть? Какие даты ставить?

Мое мнение: ставить те, какие она сознательно пожелала поставить в «Беге»; а в комментарии указывать и обосновывать более точные. П<отому> ч<то> дата — это тоже элемент ее игры.

Я прочла дальше, до конца, свои Дневники, и нашла там кое-что интересное.

Например, она сказала мне, что «Подорожник» был назван ею «Лихолетье» — сначала.

Затем: «Тростник» должен открываться стихотворением «о легкой судьбе»... Я такого стихотворения не знаю. А Вы?

Боюсь, как бы не было упущено одно ее стихотворение — не то 63, не то 64 г.

Что нам разлука — лихая забава.

Беды скучают без нас...

и т. д.

Оно было напечатано в «Новом Мире», 1964, № 6, в составе пьесы «Пролог», к которой оно — по словам А. А. — не имеет никакого отношения. В «Беге» пьеса «Пролог» напечатана уже без него. (Вставлено было в пьесу, чтобы напечатать; как отдельное, лирическое, по мнению А. А., оно шансов не имело...)

Я боюсь, чтобы оно не затерялось. Хронологически же оно где-то недалеко от «Полночных стихов». На всякий случай посылаю его Вам.

Позволю себе посоветовать действительно не пересиживать за работой — от этого бывают большие беды. Если же Вы на время слегка сократитесь — потом вернетесь к прежним нормам.

Будьте здоровы!

Л. Чуковская

Жду запроса.

Дату «Что нам разлука...» — уточню.

P. S. Вскрыла письмо, чтобы сделать эту приписку:

1) Только что мне сообщили, со слов Н. Я. Мандельштам⁴⁵, кто такой А. К., о котором Вы меня спрашивали (посвящение к «Явлению луны»): это композитор А. Козловский, живущий в Ташкенте, который писал музыку к «Поэме без героя». Инициалов не знаю; можно справиться, я думаю, в Союзе Композиторов⁴⁶.

2) Я спросила у Ник<олая> Ив<ановича> — как, по его мнению, следует поступать с датами? Его мнение прямо противоположно моему: под стихами ставить наиболее точные, а в комментариях сообщать, как было в «Беге»...

Еще раз жму руку. Преданная Вам

Л. Чуковская

16. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

15/VIII 67

Дорогой Виктор Максимович.

У меня к Вам просьба великая — не скажете ли Вы мне, как старый Петербуржец, где было Горячее Поле и где часовня Скорбящей Божией Матери? Их упоминает А.А. в стихотворении «Петербург в 13 году» (см. «Бег Времени», стр. 436), мне надо объяснить, а я не знаю, что и как⁴⁷. Пожалуйста, выручите.

И еще вопрос, хотя мне и стыдно затруднять Вас. В стихотворении «Так отлетают темные души...» (см. п а п к и «Бега Времени» или журнал «Р<адио>. Телевидение», 1966, № 13) есть строчка:

И Троя не пала, и жив Эабани...

Кто такой Эабани я знаю «в общем»: друг Гильгамеша из вавилонского эпоса. Но самого эпоса я не читала — и не знаю, не помню, как и отчего умер Эабани, и в чем там было дело? Вам, наверное, для этого не надо рыться в книгах, а только в памяти...

Если можете — выручите, пожалуйста⁴⁸.

Посылаю Вам еще одну строфу к «Поэме», которую я обнаружила у себя в Дневнике. Она отвергнутая, черновая — но может Вам пригодиться для черновиков и вариантов. Переписываю на отдельном листке.

(Автограф у Н. А. Роскиной⁴⁹.)

Теперь по поводу знаков в стихотворении, о котором Вы писали мне: «Хочешь знать, как всё это было?» В последней строке, Вы установили, после «Да» стояли знаки !? Это очень интересно и очень странно: я не понимаю, как это последнее «Да» с этими знаками следует произнести. С какой же интонацией? Я бы не взялась.

Еще насчет стихотворений «И мы забыли навсегда...» и «Видел я тот венец золотоканный...». Первое когда-то называлось «Согражданам», а, при подготовке к «Бегу», А. А. назвала его: «Петроград, 1919». Второе называется «Предсказание»⁵⁰.

Будьте здоровы, жму руку

Л. Чуковская

15/VIII 67

Строфа из «Поэмы», записанная мною в Дневнике 28/XI 60 г.:

А за тонкой стенкой, откуда
Я ушла, не дождавшись чуда,
В сентябре, в ненастную ночь —
Бывший друг не спит и бормочет,
Что он больше, чем счастья, хочет

Позабыть про царскую дочь⁵¹.

(Конечно — Пунин⁵²).

17. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

23/X 67

Дорогой Виктор Максимович.

Прежде всего — четверостишия. Мне их прислал Толя, полузабытые или совсем забытые мной. Потом кое-какие я нашла у себя в дневнике. Но не все.

Пытаюсь их печатать.

* * *

Светает. Это страшный Суд.
И встреча горестней разлуки.
И мертвой славе отдадут
Меня — твои живые руки.

* * *

А я иду, где ничего не надо,
Где самый милый спутник — только тень,
И веет ветер из чужого сада,
А под ногой [могильная] ступень.
холодная?

* * *

Глаза безумные твои
И ледяные речи,
И объяснение в любви
Еще до первой встречи.

* * *

Сколько б другой мне не выдумал пыток,
Верной ему не была.
А ревность твою, как волшебный напиток,
Не отрываясь, пила.

* * *

А, тебе еще мало по-русски
И ты хочешь на всех языках
Знать, как круты подъемы и спуски
И почему у нас совесть и страх.

Теперь «из Дневника Чуковской»

25/VI 60 г., Москва, на Ордынке

(Разговор о готовящейся книге. А. А. говорит мне, что редакция требует поставить даты под всеми стихами. Я говорю: — Что ж, и ставьте! Что ж плохого?)

— Нет, Л. К., это безобразие. Это насилие над волей поэта. Поэт имеет право не сообщать современникам, по какому поводу и когда написано то или другое.

Жду вопросов.

Ваша Л. Чуковская

18. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

9/XI 67

Дорогой Виктор Максимович!

Большое спасибо за драгоценные сведения. Из них как будто бы напрашивается вывод, что А. А. переехала во второй раз в Фонтанный Дом в 1926 г. (У меня есть ее фотография, где ее рукой написано «Фонт. Дом, 1926».) Значит, не позднее 26... Но Пунины говорили: 25...

Точную дату знает Павел Николаевич. Я к нему обращалась, он обещал сообщить (он занимался разводом А. А. и В<ладимира> К<азимировича>)⁵³ — но пока молчит и мне неловко настаивать. Если Вы с ним переписываетесь, то очень обяжете меня, спросив.

Дальше известно, что она уехала из Л<енингра>да 29 сентября 41 г. (в Москву — Чистополь — Ташкент), вернулась 1 июня 44 г. — в Ленинград — но сначала *не* в Фонт<анный> Дом... А потом опять туда (это все знают Пунины!) и там жила до 52 г., когда переехала на ул. Красной Конницы.

Мне необходимо к корректуре подготовить примечание о жизни в Ф<онтанном> Д<оме>, а окончательного материала (даты поселения с Пуниным и даты въезда туда после войны) у меня все-таки нет, увы!

Найденные Вами 4 строки чрезвычайно любопытны. И кажется ясно — раз Мраморный — значит Шилейко... Вероятно, так и есть. Но я почему-то всегда думала, что самая «проклятая дата» связана с Н<иколаем> С<тепановичем>...⁵⁴

И еще одно соображение, уже не по поводу найденных Вами строк, а по поводу присланного Вами адреса: «Четвертый двор» и т. д. Итак, Шилейко жил в четвертом дворе Фонтанного Дома...⁵⁵ А помните ли Вы конец стихотворения «Надпись на книге «Подорожник»? («Бег времени», 281)

А в глубине четвертого двора
Без умолку кричала детвора
В восторге от шарманки одноногой.
И била жизнь во все колокола.
А бешеная кровь меня к тебе вела
Знакомой всем, единственной дорогой.

(Между прочим, тут раньше было иначе:

Любуясь в первый раз шарманкой одноногой)

Еще раз — большое спасибо!
Будьте здоровы. Жду любых вопросов. Дружески Ваша

Л. Чуковская

19. В. М. Жирмунский — Л. К. Чуковской

Комарово, 15.XI.67

Дорогая Лидия Корнеевна!

Пишу Вам, чтобы сказать, что я теперь вплотную опять приступил к работе над «Стихотворениями» АА и, вероятно, буду дальше работать, не отрываясь, если мне только не придется на неделю выехать в ГДР для участия в одной торжественной церемонии, от меня не зависящей, но меня касающейся.

Мне очень хотелось поделиться с Вами некоторыми результатами работы и посоветоваться о дальнейшем, но прежде всего — по поводу двух вопросов, которые Вы задавали мне уже давно. Возможно, что я на них уже ответил, у меня теперь очень плохая память, но тогда пропустите это место письма.

1) Эабани — в переводе Гумилева—Шилейко (Гильгамеш. Вавилонский эпос. Перев. Н. Гумилева. Введение В. Шилейко. Изд. 3. И. Гржебина, СПб. 1919) — друг Гильгамеша, дикий человек, в обществе которого Гильгамеш совершает свои подвиги. Оскорбленная ими богиня Иштар насылает на него смерть. Гильгамеш отправляется в долгий путь, чтобы вернуть Эабани из царства мертвых и исцелить его, но это ему не удается. Так что «жив Эабани» имеет прямое отношение к содержанию эпоса.

В настоящее время «Эпос о Гильгамеше» изд. в 1961 г. в изд-ве АН СССР в новом стихотворном переводе проф. И. М. Дьяконова, с большим его послесловием и текстовыми примечаниями. Оказывается, что этот эпос в настоящее время известен в десятке клинописных версий с начала III тысячелетия до нашей эры — шумерских — т. е. досемитических, аккадских, вавилонских, ассирийских (семитических), хеттских (восточно-индоевропейских) и др. Со времен Шилейко—Гумилева чтение текста и понимание содержания очень продвинулось. «Перевод[-переложение] Н. С. Гумилева, — пишет Дьяконов (стр. 133), — основан на французском переводе Дорма; недостававшие в то время части поэмы досочинены переводчиком. К сожалению, принятый Дормом, а за ним Н. С. Гумилевым порядок фрагментов во многих частях ошибочен, и досочиненные переводчиком части дают часто совершенно превратное понятие о содержании поэмы».

Хотя И. М. Дьяконов — человек с большим художественным вкусом, всё это имело бы мало отношения к комментированию стиха АА, если бы не одно обстоятельство: Эабани носит у Дьяконова повсюду имя *Энкиду*. Имя Эабани не упоминается даже как вариант какой-нибудь из многочисленных версий! Я подозреваю, что это новое чтение клинописных знаков. Если хотите, я могу навести справку у Дьяконова.

Интересно, однако, следующее сообщение Дьяконова (стр. 133): «Выдающийся русский ассириолог В. К. Шилейко, бывший также поэтом, создал в 20-х годах прекрасный художественный перевод поэмы, для своего времени очень точный, но, к сожалению, рукопись его была утеряна; мне пришлось ознакомиться лишь с одной из

песен перевода (Таблица VI)». Табл. VI рассказывает о том, как Гильгамеш и Энкиду оскорбляют богиню Иштар и убивают ее быка (завязка гибели Энкиду).

2) Вы интересовались биографическими данными А. Г. Наймана, уточняющими места проживания АА. Бумажки эти частью переписаны на машинке, частью дописаны и исправлены рукой АА, с обычной для нее бедностью письменных средств. Поэтому, отдать это всё в переписку и выслать Вам копию пока невозможно¹. Я сам, чтобы вернуть Найм<ану> оригинал, когда он потребует, переписал всё от руки, обозначив условными знаками последовательность и сличив с оригиналом.

О «Фонтанном Доме» я читаю так: Фонтанка 34 Живу там 35 лет. (Фонтанный дом), Фонтанка 18 у Ольги Судейкиной (1921—1922)⁵⁶

(Четвертый двор. На стене Gerard de Nerval)

Цикл An. Dom.

подчеркнуто АА.

— — — — — Слова, вписанные АА шариковой ручкой — остальное (основной текст) — машинопись.

Определить дату напечатания осн<овного> текста (машиноп.) я не сумел.

Во всяком случае — на след<ующей> странице допечатано:

Красная конница 3, кв. 4 — с 1952—1961

Ул. Ленина 34, кв. 23 с 1961 г.

NB. Если считать с 1952 г., то 35 лет будет 1917 г.!

Теперь о ходе моей работы.

Я закончил макет сборников, выходявших отдельно, по всем изданиям («Четки» — 9 изд.!). Труднее всего было с «Anno Dom<ini>». Второе издание *значительно* пополняет первое, а Б<ег> Вр<емени> переносит в раздел AD ред. промежуточных стихотворений, когда-то стоявших в «Иве». В этом случае я решил последовать за Бегом<> Вр<емени> (который служит мне во всех сомнительных случаях путеводной звездой, как последний авторский сборник, причем — очень хорошо составлен!). Но у меня оказалось еще оглавление A<нно> D<omini> от М. С. Петровых, составленное, по-видимому, после 1924 г. для переиздания, частично, более полное, чем Б<ег> Вр<емени>. В результате я в первый раз ради полноты позволил себе «реконструкцию», очень скромную, но которая, кажется, удалась.

По своим обычным эдиционным⁵⁷ принципам я должен был, собственно говоря, положить в основу сб<орник> «Anno Domini» в первом или втором издании, отнеся все прочее к «Добавлениям к AD». Но здесь это оказалось совершенно невозможно, т. к. А. А. создала новую группировку по внутренним циклам, очень интересную и конструктивную, которую не хотелось терять. Я посмотрел на Б<ег> Вр<емени> как на 3-е самостоятельное издание A<нно>D<omini>.

Особенно я считал нужным сохранить внутри AD цикл «Черный сон» в том виде, как Вы мне его прислали. Посвященный В. К. Ш., он биографически определил в личной судьбе АА всё дальнейшее. Я не считаю себя вправе касаться в своем издании биографических вещей — когда я говорю вслух или пишу об АА, я ощущаю это как нескромность такую же, как о живом и очень любимом и уважаемом человеке, но

¹ Я думаю, когда сумею, сам составить хронологическую таблицу на основании всех приведенных АА дат.

для будущего — это необходимые материалы, и они подтверждают мои реальные наблюдения. С ухода Н. С. Г. и брака с ВКШ началась человеческая трагедия, которая надолго затормозила жизнь и творчество АА — гораздо больше, чем постановление инстанций. Впрочем, это останется при мне, а если захотите, поговорим.

«Черный сон» я нашел в архиве в стадии подготовки, без первого стихотворения, которое, как Вы знаете, напечатано впервые в «Гиперборее» № 8, 1913, потом в «Четках» изд. 9-е и изображает первые встречи с ВКШ в Цехе и т. д., когда он был восторженным и несколько маниакальным почитателем ее стихов. Таким я его знал и в 1916 г. Стихотворение вставлено в цикл для биографической полноты начала их отношений.

Первоначально в архиве цикл озаглавлен «Дурной сон».

В «Третьем Зачатьевском» в печатании текста есть ошибка, на которую указывают два автографа разного времени. Двустипшие: «Покосился гнилой фонарь...» должно стоять на 3-ем месте, после «...огоньки». После «...долгий стон» стоит двоеточие: «Мне бы тот найти образок...». Два последних двустипшия написаны и напечатаны (машинопись) с *отбивкой*. Вероятно, А. А. забыла первоначальный текст, а не исправила его. Но для меня печатное *свято*, и я не буду печатать по своей конъектуре, укажу только в примечании⁵⁸.

Два стихотворения: *Другой голос* называлось раньше: *Дальний голос* («Шесть книг»), а в архивном автографе с добавлением в скобках «(слова на музыку слушанную во сне)».

Стих<отворение> «Одни глядятся в ласковые взоры» в трех автографах посвящено «Памяти Н. В. Н.». Имеется дата: 3 ноября 1936 г. Фонтанный Дом. Это — почти страшно!

Стих<отворение> «Но сущий вздор, что я живу грустя» не имело заглавия, но имелся эпиграф из Хлебникова: О погреб памяти⁵⁹.

Стих<отворение> Маяковскому, вместо «боевой сигнал» имеет в автографе окончание:

И еще неслышанное имя
Бабочкой летало над толпой,
Чтобы вдруг под взорами твоими
Превратиться в восхищенный вой.

(Дата 1940, 3—10 марта)

Очевидно, этот вариант печатать не придется!..

Большое число неизданных стихотворений, в особенности отрывков и вариантов, я буду сообщать Вам, когда в них разберусь. Сейчас только один случай, открытый мной при занятиях в архиве М. Л. Лозинского. На маленьком клочке бумажки за подписью Анна Ахматова:

Ты пришел меня утешить, милый,
Гость мой нежный, гость мой редкий.
Ах, уже давно глядеть не стало силы,
Как в окне под ветром плачут ветки.

Вы знаете трехстрочное стихотворение, развившееся из этой строфы. Вероятно, оно посвящено М. Л. Л., как я всегда думал прежде по разным признакам.

В автографах очень много дат, датировано почти всё, так что вместе с датами у Лукницкого (до 1925 г.), это дает очень полную датировку на всем протяжении творчества А. А. Есть ряд посвящений, не попавших в печать, в особенности Б. А. (Анрепу)⁶⁰.

Возвращаюсь теперь к своему макету. После АД я целиком следую за БВ, чтобы потом собрать стихи, не вошедшие в сборник. Я боялся «Тростника» (б<ывшей> «Ивы»), но всё оказалось очень ясно по «Б<егу> В<ремени>», без необходимости что-либо менять. Часть первых стихов, по сравнению с первыми редакциями «Ивы», теперь перемещены в АД. Так и будет, конечно!

Остается последний сборник, седьмой, который, как я вижу, должен называться не «Б<ег> Вр<емени>», а «Седьмая книга» и воспроизведет в точности этот отдел «Б<ега> Вр<емени>» в Вашей, более пространной редакции. Я только прошу Вас объяснить мне, как надо понимать — воспроизводить все отделы и подотделы этого сборника, которые обозначены шрифтами разных типов, одними — в оглавлении, другими — в тексте книги, и как Вы собираетесь это сделать в «Собрании» Лениздата?

Поэмы я хочу вынести в особый раздел и м. б. также «Эпические отрывки». Но об этом надо посоветоваться. «Путем вся земля» — конечно, поэма, и она очень выиграет от такого выделения.

Скоро опять напишу, если не уеду.

Дружески

Ваш В. Жирмунский

Р. С. Получил Ваше письмо от 9.XI. По-видимому, я повторил уже написанное. Поездка в Германию отложена.

20. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Москва, 25/XI 67.

Дорогой Виктор Максимович.

Извините, что отвечаю не сразу. Вихрем налетела срочная работа — я сразу захворала — и вот только теперь в силах взяться за перо.

Прежде всего отвечу на Ваш вопрос: о составе и расположении последних книг и о шрифтах и отделах в книге «Бег» и в папках «Бега».

В папках — после «Тростника» — порядок такой:

«Седьмая книга»

«Нечет»

«Поэмы».

Поэм было три: «Путем вся земля», «Реквием», «Поэма без героя».

Порядок циклов внутри «Нечета» и «Седьмой» — тот же, что и в книге «Бег времени», но вот из-за шрифтов — путаница (она возникла, в е р о я т н о, в корректурах — я не знаю, п. ч. когда книга ушла в Л<енингра>д, я ее больше не видела). В кни-

ze «Бег» — «Нечет» дан просто как цикл; в папках же — это отдельная книга, у нее есть шмуц-титул и эпиграф: «Что отдал, то твое. Руставели»... «Ветер войны», напротив, — это всего лишь цикл, такой же, как «Черный сон», «Новоселье» или «Шиповник цветет», с той только разницей, что стихи из «Ветра войны» идут без всяких номеров и каждое на отдельной странице, а не подряд. Но для Вашего сборника это ведь не имеет значения — всё идет «поряд», так ведь?

(А что Вы будете делать с поэмой «У самого моря» и с «Русским Трианоном»? Т. е., куда их поставите?)

Иду далее.

Когда Вы были у меня, дорогой Виктор Максимович, и спросили, нужен ли мне еще Эбани, я ответила Вам — нет, благодарю, я уже сделала это объяснение. (Я достала и прочла книгу Гумилева—Шилейко.) А Вы теперь прислали мне целую диссертацию! Спасибо, спасибо, но мне бесконечно совестно, что Вы проделали такую большую работу!

Далее.

По поводу сроков жизни А. А. в Фонтанном Доме — я нахожусь в полном недоумении. И разрешить его можете только Вы...

В Вашем предпоследнем письме, на основе «Толиного документа», Вы сообщили, что в 1921-22 г. А. А. жила вместе с Шилейко на 4 дворе Фонтанного Дома. Так. А в последнем письме, к моему великому удивлению, Вы пишете, на основе того же документа, что в 21-22 гг. А. А. жила на Фонтанке, 18 с О. Судейкиной...

Где же истина?

По-видимому, я чего-то не поняла?

В обоих письмах Вы цитируете один и тот же документ, но по-разному...

Для тех кратких примечаний, которые я делаю для Лениздатовского сборника, мне нужны только сроки жизни А.А. в Ф<онтанном> Д<оме>. Я уж было решила написать, что А.А. жила в Ф<онтанном> Д<оме> в 21-22 во флигеле в 4 дворе, а потом, с середины 20-х годов (дату точную знает Лукницкий) по 52 г. — в правом крыле Дома, на 3 этаже, в кв. 44... Но теперь 21-22 снова погрузились во тьму... И я уж решительно ничего не понимаю... К счастью корректур еще нет...

Теперь еще один вопрос к Вам.

Я сейчас читаю дальше свой Дневник (дальше, т. е. 50-ые и 60-ые годы) и пока что, не приводя его в порядок целиком (это — очень долгая работа) делаю из него крошечные выписки в таком роде:

«1 января 6<2> г. Больница в Гавани. 4-ое Терапевтич<еское> Отделение.

А.А. сказала мне, говоря о нынешнем подъеме интереса к поэзии: «Сейчас до молодежи доскакала наша четверка» и т. д. — нечто, имеющее прямое отношение к стихам «Нас четверо».

Или запись о стихотворении «Всем обещањям вопреки...»: «Это приснилось мне в Комарове, 13 августа». Ну и т. д., и т. п. Если подобные мелочишки могут Вам пригодиться для комментария (у меня-то в книге кроме о б ъ я с н и т е л ь н ы х примечаний не будет ничего) — я могу посылать их Вам. Пожалуйста, напишите мне про это.

А звонили ли Вы Ал<ександр>е Иос<ифовне>? Нет еще? Там Вас ждет 38—41⁶¹...

Я случайно обнаружила у себя еще один автограф А.А. — вписанный ее рукой в книгу «Анна Ахматова. Стихотворения. 1958». Это сонет, именуемый теперь «Приморский сонет», в автографе называется «Последний сонет». Дата под стихами стоит такая: 1958, июнь, Комарово.

(Одно время тот же сонет назывался — «Летний»).

Кажется, всё.

Жму Вашу руку. Преданная Вам

Л. Чуковская

21. В. М. Жирмунской — Л. К. Чуковской

Комарово, 5.XII.67

Дорогая Лидия Корнеевна!

Спасибо за письмо. По вопросу о Фонт<анном> Доме, который Вас интересует, посылаю Вам копию «географии» АА, предоставленной мне А. Г. Найманом. Копию эту подготовить было очень трудно, т. к. оригинал имеет крайне хаотический вид. Машинописный текст расположен на 6 страницах с нумерацией 1, 3, 4 (2 нет), за которыми следуют 3 страницы без номеров, условно отмеченные мною как А, Б, В (порядок мне не ясен). На этих же страницах, на лицевой и частично также на оборотной стороне, вписано многое рукою АА. При сравнении оказывается, что машинописный текст на А, Б, В частично является копией, но не совсем точной (м. б. под диктовку) рукописного текста, вписанного дополнительно на других страницах. Поскольку «история текста», как таковая, меня не интересовала, а только самые *факты*, я в этом вопросе не пытался разобраться, а дал переписать всё так, чтобы из моей копии Вы имели бы более или менее точную картину оригинала (что[^] было нелегко, вследствие хаотичности текста). Записанное А.А. от руки выделено мною как *курсив*.

Возвращаясь к интересующему Вас вопросу, я пришел к выводу, что «четвертый двор» (а следовательно и шарманка в «Подорожнике»⁶²) относится к Фонтанке 18, кв<артире> Судейкиной, а не к Фонтанке 34. После Фонтанного Дома скобка «(4-ый двор)» зачеркнута и пометка перенесена ниже к Фонт[анке] 18! Передумав свои «воспоминания», я пришел к выводу, что моя встреча с АА в сентябре 1917 г. на квартире Шилейко в Доме Шереметевых (где Шил<ейко> жил в качестве репетитора) могла быть случайность: ведь А.А. и Н.С. разошлись официально только в *августе 1918 г.* и тогда она «вышла замуж за Шилейко» (с которым «рассталась» в 1921 г. — см. полный вариант автобиографии). Осенью 1918 А. А. и Шилейко поселились в Москве на Третьем Зачатьевском, а потом жили в Мраморном Дворце в [нрзб.][Пе<т>р<огра>де?] (по месту службы Шил<ейко>). Совершенно фантастическими являются в этом документе даты совместной жизни с Шил<ейко> (1924—1926?): точная дата: осень 1918 г.—1921 г.

Как же расшифровать: «живу там 35 лет»? А.А. переехала на Красную Конницу

↑←[наст. время?

по ее счету в 1952 г. (?). Если это так, то 35 лет означало бы 1917 г. (?). Возможно ли это?

Во всяком случае во второй раз (если был первый?) А. А. переехала в Фонтанский Дом на квартиру Н. Н. Пунина. В каком году это произошло, вероятно, легко установить у И. Н. Пуниной. Если Вы это знаете или узнаете, пожалуйста, сообщите мне о том. Мне хотелось бы также знать, с какого года А. А. жила летом в Будке⁶³? Хотя это было опять на моих глазах, я не могу вспомнить в точности — кажется в тот же год, когда я купил свою дачу (1960?)

С «Домом Творчества» в Комарово тоже есть ошибка. А. А. сообщает, что в первый раз она жила там «с Любой Большинцовой в феврале—марте 1962 г.». Между тем я прекрасно помню, как я приехал на лыжах поздравить А. А. с Новым Годом, и она этому чрезвычайно удивилась, сказав, что не думала, что «человек нашего поколения может ходить на лыжах» — это был первый год, когда мы жили на даче (1 янв. 1961 г.) — в конце 1961 г. мне пришлось лечь на тяжелую операцию (как раз после празднования моего 70-летия в 1961 г.) и провел 1 янв. 1962 г. в больнице.

Для того, чтобы привести хаотический материал мест и дат в порядок, я сделал монтаж по датам, который тоже Вам присылаю. Он воспроизводит всё в точности по оригиналу, только в хронологическом порядке и с некоторыми цитатами пояснительного характера из подробной (рукописной) автобиографии.

Сейчас я прочно занялся «Собранием стихотворений». Заканчиваю «сборники»: последней идет «Седьмая книга» (которая в черновых планах называлась «Нечет» и «Бег времени» — я оставляю ее в рамках Вашей рукописи, с добавлением выпущенных редакцией стихотворений. Думаю, однако, что по разным *существенным* соображениям следовало бы все-таки включить перед «Приморский парк победы» 3 стихотворения, которые на этом месте стояли в предыдущих изданиях: «В пионерлагере», «Песня мира» и «Говорят дети». Мне кажется, что было бы хорошо, если бы и Вы включили их в свое издание в Лениздате: это маленькое нарушение «творческой воли» автора в последнем прижизненном издании — *для блага дела!*

Работа над архивными материалами в ЦГАЛИ, несмотря на опечатание двух сборников, открыло мне (за какие-ниб<удь> три дня!) много нового: текстов, вариантов, а главное дат! Я думаю, что издание Лукницкого + архивные материалы дали мне даты и место написания *всех* почти стихотворений, за единичными исключениями. Когда я закончу работу, я пришлю Вам, для Вас лично, *всё*, что представляется мне *неизданным*, независимо от того, известно ли оно Вам и друзьям АА или нет. Мне кажется, что собранное уже почти покрывает написанное и что в опечатанных книгах в этом смысле больших сюрпризов не будет. Тем не м<енее> их *нужно распечатать*. Публиковать, к сожалению, можно не всё. Единственное, чего существенно не хватает, это — *отрывки трагедии «Сон во сне»*, но они были найдены нами на квартире И. П., описаны для Пушк<инского> Дома и потом украдены для П<убличной> Б<иблиотеки>. Мы <нрзб.>. Надеюсь, что они не пропали по дороге!

Я хочу в 20-ых числах декабря приехать на неделю в Москву для более уг<луб>ленной работы в ЦГАЛИ (если не придется уехать на этот срок в ГДР). Дело назначено к слушанию 8 янв. Не могу добиться никаких подробностей у адвоката Пушк<инского> Дома относительно Вашего приглашения и возможности вторично-

го приглашения москвичей (состав суда и судья будут другие, а сказанное в прошлый раз забудется в трухе канцелярского протокола). Вообще, с нашей стороны ничего не делается для подготовки, и мне не очень ясно, *что́ надо сделать*. Как только добьюсь возможности лично поговорить с адвокатом, я напишу Суркову и Вам дополнительно.

Пока сообщаю Вам небольшую подробность из моих текстовых и биографических открытий. Так, «Пятым действием драмы», конечно, как Вы предполагали, посвящено Н. С. Г. Я нашел его в тетрадях ЦГАЛИ в *двух* <записях> (с вар.). Одна из них завершает наиболее полный мне известный список «Книги “Венок мертвым”»: I. Учителю (Анненскому). II. De profundis! III. Булгакову, IV. Пильняку, V. О. Мандельштаму («Я над ними склонюсь...»), VI. Цветаевой («Невидимка...»), VII. Пастернак («И снова осень...»), VIII. Нас четверо (Комаровские кроки), IX. Памяти Зощенко, X. Памяти Анты 1960 (Напишите, пожалуйста, кто такая *Анта?*), XI. Памяти Пунина, XII. Царскосельские строки («Пятым действием драмы») с датой 1921 ЦС (в «Беге времени» — 1944, в другой черновой тетради, вне цикла, год 1921.

В. Жирмунский

22. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

11/XII 67

Дорогой Виктор Максимович!

Пищу очень коротко, потому что опять больна.

Благодарю за драгоценный подарок. Еще не прочла.

Отвечаю на Ваши два вопроса:

Анта — это Розен, Антонина (?) близкий и давний друг А. А., когда-то баронесса⁶⁴. В последние годы работала библиотекарем в Колтушах; либо отец ее, либо муж, был известным востоковедом.

Точно должен знать Л. Н.; я, как видите, знаю приблизительно.

Насчет «Будки» — точно Вам скажет Сильва Гитович; я думаю — лето 55 года⁶⁵. (Когда, в 56 г., вернулся Л. Н., «Будка» уже была.)

Когда я встану — пороюсь в своих записях 50-х гг.

Жму руку.

Л. Чуковская

23. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

17/XII 67

Дорогой Виктор Максимович!

Постараюсь ответить на вопросы Ваших двух последних писем.

Три стихотворения из «Славы миру», которые Вы мне предлагаете включить, я включить не могу⁶⁶. Ведь я делаю некое «избранное», как бы восстановление «Бега» — зачем же я буду включать стихи, кот<орые> А. А. не хотела?.. Ваш сборник полный, первое подобие будущего Полного Собрания. Там эти стихи естественны.

Между прочим, «Говорят дети» — это название одной моей статьи, напечатанной в 1942 г. (не помню, где; постараюсь узнать). А. А. сама очень мило указала мне на этот свой «плагиат»⁶⁷.

Хулиганство Аманды я держала в руках всего несколько часов, а надо бы иметь в собственность. Там есть приметы, указывающие, что она располагала действительно очень поздними поправками А. А. (Например, эпиграф: «А под аркой на Галерной...» и еще кое-что... Вы заметили, между прочим, как она сократила имя А. А.? «А. Ах.» Прекрасно!) Но у А. А. была страшная (для нас) манера вносить новые поправки в старые, невыправленные экземпляры. Поэтому, напр., у Аманды «У ампириных церквей дрожит...» (древний цензурный текст) вместо «у закрытых церквей...». Думаю, основа текста у нее 62 г. с поправками 65 г... Но тут не до поправок, когда опечатки начинаются с первой строки («не хватало» вместо «не хватило»). Кроме чудовищных опечаток в тексте (напр., уничтожена рифма «очах твоих» вместо «твоих очах»; «несчастье» вместо «несчастье»⁶⁸ и т. д., и т. п.) — сплошное вранье в примечаниях. Ну, да Вы сами видите.

Но вот как раз насчет Первого посвящения у Аманды⁶⁹ написана правда. Когда А.А. читала его мне впервые, оно было посвящено О. М. Она даже сказала мне: «у Осипа были удивительные ресницы, заблудиться можно, такие густые». Вот откуда ресницы Антиноя. И понятно, что пока А. А. думала о своей «Поэме», как о «13 годе» — только — там должен был быть Мандельштам. Но потом, с годами, окрепла сквозная сюжетная линия, все сконцентрировалось вокруг *основных героев* и стало В.К.⁷⁰ А О.М. вообще выпал.

Об Анрепах. Юния Анреп — сестра. Кто был по профессии Борис — не знаю⁷¹. (Спрошу у Э. Г.) А. А. мне сказала однажды: «Вся “Белая Стая” ему... (Это не так. — Л. Ч.) Я ездила с ним кататься, в шелку и бархате, и возвращалась в полном отчаянии». (Записано мною точно, даже эти 3 в). Один раз в Ташкенте она прочитала мне стихотворение, ему посвященное, из которого я запомнила только две строки

Любимец девушек, наездник и игрок

и последнюю

От страшных берегов пылающей отчизны.

Вам такие стихи не попадались? Кажется, 8 строк⁷².

Он недавно умер. В Лондоне (или в Париже?) они с А. А. снова встретились — в последнюю ее поездку...⁷³

Я думаю, что очень важные открытия в последних двух (или одной) тетрадях б у д у т. Дело в том, что 1962 г. у А. А. был особенный. Когда усатого вождя выкинули, она радовалась новой эпохе и стала собирать, вспоминать, записывать прежде незаписанные стихи разных лет. Тогда ведь она и «Рекв<ием>» записала... Вот почему в «Лермонтове» Вы найдете многое прежнее, а не только последние стихи... Так я думаю — конечно, это лишь мой домысел. (Т. е. что они именно в «Лермонтове». А записывала — наверное.)

Что касается последнего стихотворения из огоньковского цикла, то мое мнение такое: если в комментарии к этим стихам Вы имеете возможность объяснить, зачем они были написаны (последняя надежда на спасение Левы после всех отказов); если Вы можете привести ее собственную оценку этих стихов:

Вместе с вами я в ногах валялась
У кровавой куклы палача, —

(62 г.)

тогда можно их дать. Если же прокомментировать нельзя, то пусть они летят в тартарары... Она их ненавидела.

Однажды, при мне, у Ардовых, М. С. Петровых, составлявшая сборник 61 г., принесла А. А. список стихов, которые просит включить в книгу редактор Гослита. Я списка не видала, но А. А., поглядев, вскрикнула: «“Слава миру!” Я этого ждала!» и начала отрывать от листа конец и рвать его в клочки.

— Анна Андреевна, можно ведь просто зачеркнуть! — молила М<ария> С<ергеевна>, но А. А. не успокоилась, пока не изорвала оторванный кусок бумаги в мелкие клочья⁷⁴.

О другом названии «Стансов» не слыхала. Для «Бега» эти стихи готовились под названием «Стансы».

Ничего не знаю о студенте-самоубийце. Помню одно: объясняя, почему стихи «Высокие своды костела...» включать в «Бег» не следует, А. А. сказала мне: «Не потому, что костел, религия, а стихи плохие». (Так же она не любила «Морозное солнце. С парада...»)

К сожалению, ничего не знаю о стихах

«Пива светлого наварено...»; «В том доме...»; «На стекла<x> нарастает лед...»; «И ты мне все простишь...».

И никто из моих друзей не знает⁷⁵.

У меня есть загадочная запись: указывая мне (в 64 г.), каков должен быть состав «Тростника», А. А. сказала:

— На самом деле книга должна открываться стихотворением «о легкой жизни». А я не знаю, какое это стихотворение...⁷⁶

Теперь о Гаршине⁷⁷.

О нем много в моих «Записках 1938—41», которые Вас ждут в Ленинграде...

Звали его Владимир Георгиевич. В варианте «Поэмы» 42 г., подаренном мне Анной Андреевной в Ташкенте и написанном рукой А. А., «Решка» посвящена «В. Г. Гаршину». Эпilog — «Городу и Другу», т. е. тоже ему. В «Эпilогe» к нему бы-

ли обращены строки «Упованье, надежда, честь...», «Ты, что там умирать остался...», а также «Светлый слушатель темных бредней...» (потом стало: «темный слушатель светлых бредней»! — когда он оставил ее...) У меня есть подозрение — не ему ли посвящены стихи «Годовщину веселую празднуй...» — но это лишь подозрение.

Он работал в больнице им. Эрисмана (врачом? прозектором? не знаю). В 38-41 гг. ему было лет за 50, он был старше А. А. лет на 5. Женат, взрослые сыновья. Жил возле меня, на ул. Рубинштейна. Красивый, высокий, с умными светлыми глазами, серыми, и всегда измученным лицом. Человек, по-видимому, очень хороший, знавший и любивший стихи, преклонявшийся перед А. А., порядочный и очень ей преданный. Он о ней заботился в те страшные годы, как мог, изо всех сил, но сил у него было мало (его изводили в семье и на работе). Один раз, сидя у меня и говоря об А. А., он заплакал. Вообще, часто и много жаловался, что мне не нравилось. (А теперь я понимаю — у него уже тогда были больные нервы.) В наружности контраст: сильный, плечистый, с крупными чертами лица — и какой-то всегда слабый.

«Гадалка мне сказала: тот, кто тебя теперь любит, будет тебя любить до гроба» — такое сообщение сделала мне однажды А. А., когда мы шли по ташкентской улице. Иногда из Л<енингра>да от него ей приходили письма — она их мне читала. Разумеется, его она имеет в виду в стихах «С грозных ли площадей Ленинграда». В первом варианте есть еще строка: «Я твоей доброте несравненной...» (Это клочок бумаги, брошенный ею и подобранный мной. Могу прислать.) Иногда В<ладимир> Г<еоргиевич> писал в Ташкент и мне — расспрашивал об А. А., умолял меня не оставлять ее, заботиться о ней и т. д.

В Ташкенте пронесся слух, будто местный Союз посылает в Л<енингра>д какую-то делегацию с подарками. А. А. сейчас же заявила, что она потребует, чтоб послали ее. Когда я возмутилась — Вам сейчас в Л<енингра>де не место! — она сказала:

— А если бы там был сейчас Ваш Митя⁷⁸ — Вы рвались бы туда? Что же Вы сердитесь?

(Разумеется, никакую делегацию не послали: 42 г.!)

Она часто мучилась предчувствиями, боялась, что В<ладимир> Г<еоргиевич> умер — если долго не получала вестей — и пр.

Это то, что я знаю, видела и слышала *сама*.

Теперь перехожу к *слухам*. (Ведь с 4<2> по 52 я с А. А. не встречалась. А после она со мной никогда о нем не говорила — именно потому, вероятно, что я его знала в их дружную пору и хорошо к нему относилась).

Итак, по слухам: после освобождения Л<енингра>да, В<ладимир> Г<еоргиевич> прислал А. А. вызов в Л<енингра>д. (Без вызова ведь нельзя было ехать.) Во время блокады у него умерла жена. А. А. была уверена, что она едет «выходить замуж» и в Москве кому-то сказала: «Мы получили новую квартиру».

Говорят, В<ладимир> Г<еоргиевич> встретил ее на вокзале, тут же объявил о своей женитьбе и отвез ее к Рыбаковым⁷⁹.

Говорят, что еще при жизни В<ладимира> Г<еоргиевича> у букинистов попадались книги А. А. с ее надписями ему...

(Этого я так же не могу себе представить — он дрожал над каждой ее строкой — как если бы мне сказали, что Вы продали букинистам книгу с ее надписью...)

Все вместе я могу себе объяснить только его сумасшествием. Иначе — никак. О самоубийстве его я никогда не слыхала, говорили, что у него был инсульт.

Обо всей этой печальной истории существуют записи у Ольги Федоровны. Думаю, у вдовы Гаршина много ахматовских материалов.

Стихотворение «А человек, который для меня...» — жестокое, мстительное стихотворение — безусловно посвящено ему. Бог ей судья, — а расправа с больным не украшает.

Возвращаюсь к «Поэме».

Вы спрашиваете, кто это в Поэме «ровесник Мамврийского дуба». Не сомневаюсь — Поэт. Вообще Поэт. Вековой собеседник Луны. Существо странного нрава, которому не пристали грехи. Сам пишет законы сильнее всех законов мира, диктует собственную волю — всем. Перед ним законодатели бессильны. Это, так сказать, декларативное, программное место «Поэмы». Она всегда и произносила эти строки другим голосом — торжественно, медленно. Программа. Вывод. Декларация.

(Между прочим о дубе. У А. А. во всех экземплярах «Мамврийский». А в «Библии» — я глядела — «дубрава Мамры». Без всякого в. Но может быть по каким-то законам оно должно тут возникать? Я ничего в этом не понимаю; если знаете — скажите.)

И еще просьба к Вам: когда поедете в Москву — захватите с собой, если можно, Ваш экземпляр «Поэмы» 63 г. Я бы хотела понять, чем он отличается от всех других, мною виданных.

(Когда-нибудь, если будут силы и останется время, я попробую написать маленькую работку об истории текста «Поэмы», потому что у себя в Дневнике нахожу сообщения о переменах и причинах перемен.)

В самом начале Вашей работы я показывала Вам мой экземпляр 42 г., ташкентский, написанный А. А. от руки. Тогда Вам он был не очень нужен, а сейчас, вероятно, заинтересует Вас. К Вашим услугам. У меня еще есть 60 и 62.

Очень существенный экземпляр у Л. Д. Большинцовой с поправками ноября 65 г. — (по сквернейшей машинописи)⁸⁰.

Извините меня, но Ваши вопросы о книгах и заголовках (после «Тростника») мне не совсем понятны. Кажется, я уже на них отвечала и мне больше нечего добавить. Но может быть это мне только кажется?

В папке «Бега» после «Тростника» три книги, снабженные шмуцтитутлами:

«Седьмая книга» эпиграф из Т. Казанской

«Нечет» эпиграф из Руставели

«Поэмы»

«Седьмая книга»: «Тайны ремесла», «В сороковом году», «Ветер войны», «Победа», «Луна в зените», «Смерть», «Новоселье», «С самолета», «Вереница четверостиший», «Сinque», «Шиповник цветет», «Трилистник московский», «Полночные стихи». В промежутках стихи вне циклов.

«Нечет»: начинается с отдельных. «Городу Пушкина», «Песенки», «Три стихотворения», «Античная страничка», «Б. П.», «Северные Элегии».

Поэмы

Вы спрашиваете, действительно ли погиб «Русский Трианон». Думаю, да. Во всяком случае, когда А. А. читала мне его впервые в 39 или 40, она сказала, что все погибло, и что она утраченный текст не может вспомнить.

Дорогой Виктор Максимович!

Все Ваши письма я, разумеется, храню.

Но я — не очень надежное место хранения, ибо могу отправиться на тот свет в любую минуту — как всякий человек вообще и как мой брат в частности... Однако письма Ваши, вместе с моим архивом Ахматовой, пойдут тогда в Пушкинский Дом. Я так решила.

Что же касается Вас, то, не окончив работы над ахм<атовским> томом, Вы не имеете права не только умирать, но даже болеть. Кроме Вас сделать его, даже кончить его, никто не может. Я уже говорила друзьям, что Вы — в качестве редактора — это единственная удача А. А. С Вашей стороны — помереть — будет просто штрейк-брехерство! Некрасивый поступок. <...>

Спасибо за указания, кому какие посвящены стихи. Я читала, и признаюсь, испытывала некоторую гордость, п<отому> ч<то> почти обо всем сама догадывалась верно. Только вот «Милому» не знала, кому⁸¹.

Думаю, что в стихотворении, обращенном к Н. С. Г. «А, это снова ты...» и т. д. в строках: «Я предала тебя...» — подразумевается Н. В. Н.

В стихах «Если плещется лунная жуть...» — могила — его.

«Не прислал ли лебедя за мною...» — тоже о нем.

«От тебя я сердце скрыла...» — Пунину.

«Разрыв» — тоже.

Ну, так можно без конца.

Будьте здоровы. Крепко жму руку.

Л. Чуковская

Подтвердите, пожалуйста, получение этого письма. Хоть открыточкой.

24. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

27/XII 67

Дорогой Виктор Максимович.

<...> Посылаю Вам письмо Ладыженской ко мне, которое, мне кажется, годится Вам для комментария к стихотворению «В Выборге»⁸².

Жму руку. Жду вопросов.

Ваша Л. Ч.

Дорогой Виктор Максимович.

...Приступаю к сообщениям.

Борис Анреп, оказывается, — «видный мозаичист». См. «День Поэзии», 67 г., стр. 251 — примечание к Ахматовским воспоминаниям о Модильяни. Затем, простите меня, оказывается, он не умер, а жив. Умер А. Лурье⁸³. А я перепутала.

Далее могу Вам сообщить сенсацию по поводу найденных Вами 4 строк: «А в Мраморном крайнее пусто окно» и т. д.

Последние строчки:

И там попрощаюсь с тобою навек,
Мудрец и безумец, дурной человек, —

все-таки относятся к Н.С.Г.⁸⁴. Я нашла у себя запись; АА рассказала мне:

«Колю Г<умилева> видела в последний раз в Мраморном. Он пришел навестить меня. Провожая его, я стояла на верхней площадке лестницы, а он шел вниз. Там лестница была трудная, он споткнулся. Я крикнула сверху: “По такой лестнице только в преисподнюю спускаться”. Это была наша последняя встреча».

О Ладыженской. Я к ней обратилась с вопросом — как называется место в Выборге, где расположена

Огромная подводная ступень,

о которой она рассказывала Анне Андреевне? Места Ладыженская не определила, но прислала рассказ о своей поездке и копию автографа. Я спросила, можно ли все это переслать Вам? Она разрешила. Думаю, покажет Вам и автограф.

Говорила ли я или писала ли Вам когда-нибудь, что стихотворение «Все души милых на высоких звездах...» — по дате где-то близко к «Пятым действием драмы...»? Тоже начало 20-х.

Ах, даты, даты! Ну что мне с ними делать? У Вас-то ведь есть комментарий, Вы можете все объяснить. А я как? Я связана «Бегом времени»... Посоветуйте!

Поступала же АА с датами весьма по-свойски. Вот новый пример. Уже после выхода «Бега времени», она указала мне, где должны стоять 4 строки:

«Я всем прощение дарую...» — в цикле «Б. П.» и с датой 1947. Теперь Вы обнаружили точную дату: 8 апреля 46 г. Почему же она хотела 47? Забыла? Нет. Она хотела, чтобы «всем прощение» было объявлено п о с л е а в г у с т а 46 года... После массо-

вого предательства... И один непредавший — Б<орис> Л<еонидович>. Если же сообщить истину — замысел пропадет...

Так как же *мне* быть?

Давать две даты, где-то оговорив? Но прилично ли писать (в московском издании): «Берем в скобки те даты, которые проставил автор, а без скобок даем настоящие?» Выходит, что я уличаю автора... А м. б. по-другому — просто *снять* даты в тех случаях, где АА уж очень врет... Но тогда исчезнет и некоторый оттенок ее мысли (напр.: «Кровью пахнет только кровь» — 1938. На самом деле гораздо раньше)⁸⁵.

А много ли в «Беге» стихов с неверными датами? Как Вы находите?

Рассматриваю (мне читают) Ваши драгоценные дары.

Спасибо, спасибо! Но — я обязана критиковать, не так ли?

1) «Д е Р г о ф у н д и с...» *Надо*: До вершины великой *весны*, а не горы. Это, видимо, ошибка машинистки.

2) «Т а к н е з р я м ы в м е с т е б е д о в а л и ... » Читая, АА мне сказала: «Я не кончила. Еще не знаю — *продолжают* или *продолжаем*... И, помнится, она читала «Словно перед Господом свеча...», а не «образом». Нет ли варианта такого?

3) «А х , я д о м а к а к н е д о м а ... » — ведь это кончик стихотворения «Черная вилась дорога» (см. «Бег времени», 111—112). Можно ли его рассматривать, как отдельное?

4) «П а м я т и А н т ы . Нет ли тут чьей-нибудь описки

...так жалобно проникло

К...

Может быть — *приникло*?

5) «П р а в , ч т о н е в з я л м е н я с с о б о й ... » — тут я наверняка могу утверждать, что *надо* «С к в о з н о й б е с с о н н и ц е й», а не «Н о ч н о й». Во-первых, помню, а во-вторых — «ночная бессонница» это не эпитет. Бессонница всегда *ночная*⁸⁶.

6) «С о с е д к а и з ж а л о с т и д в а к в а р т а л а ... » — я уверена, что это посвящено Гаршину. Но конец у меня в памяти по-другому

И станет *над ней* один на свете

.....

И позовет. Но уже не ответит

Ему, как прежде, голос мой.

7) И, наконец, насчет великих стихов: «Какая есть. Желаю вам другую...»

Конечно, я понимаю, против автографа не пойдешь. И все-таки у меня есть мольба: взгляните — ведь выходит, будто Ахматова рифмовала

иным
миль!

На самом же деле у нее слово *иным* оставлено без рифмы, а *мил* рифмуется с *людьми*. Как же это выразить графически? Я думаю, после строки

А способом узнала их иным

Вам необходимо поставить черточку или сделать отбивку, хотя в автографе этого и нет.

Пожалуйста, не сердитесь за непрошенный совет.

Скоро начну изучать Ваш экземпляр «Поэмы»⁸⁷.

Еще лежу, но уже хорошо.

Жду вопросов и вестей. (И ответов!)

Жму руку. Преданная Вам

Л. Чуковская

26. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

23/І 68

Дорогой Виктор Максимович. Каждый день мечтаю писать Вам и что-нибудь от-носит в сторону. Наконец, пишу.

Прежде всего — спасибо. За книгу. И за стихи АА. И за такое содержательное во всех смыслах письмо.

Теперь, благодаря Вам, у меня появились стихи об Италии! Я знала только нача-ло. Помню наверняка, что стихи эти были написаны по какому-то совершенно кон-кретному поводу: т. е. пригласили в Италию Анну Андреевну, а послан был кто-то другой, чуть ли не Алигер. Вот почему: «Тех, кого и не звали»⁸⁸. Что касается послед-них двух строк, то, мне кажется, они написаны позднее. Обо всем этом эпизоде должны помнить Ардовы, напр<имер> Миша.

Читала это стихотворение АА сначала как шутку.

О «Прологе» 10/ХІ 64 г. в Комарове АА сказала мне:

— «“Пролог” живет здесь, в этом доме. Когда я приезжаю сюда, он сразу за меня берется».

А 14/ХІ 64, когда я спросила, писала ли она дальше «Пролог», ответила:

— «Он сам писался».

Необыкновенно интересны новые Ваши находки в стихотворении «Опять подо-шли незабвенные даты...». И все-таки я остаюсь при своем: по-моему, речь тут идет о Г<умилеве>, а не о Ш<илейке>. Попробую аргументировать

1) Конечно, разойтись с Ш<илейко> было ей тяжело, всякий разрыв — тяжел. Но все-таки

самой проклятой восходит заря, —

это не о разрыве с Ш<илейко> сказано. Для разрыва с Ш <илейко > это слишком сильно. В Мр<аморном> дв<орце> она простилась с Г<умилевым>, который сразу после этого погиб. Вот почему с а м о й проклятой.

2) Вы сопоставляете: «дурной человек» и «дурной сон». Но стихи, адресованные Ш<илейко>, называются «Черный сон», а не дурной.

3) Могла ли она в 44 г. назвать Г<умилева> «Мудрец и безумец, дурной человек». Думаю, могла (для себя). Я никогда, правда, от нее не слышала, что Г<умилев> был безумец, но что стихи его мудрые, пророческие, до сих пор неразгаданные — слышала в 62 г. (у Ники Глен).

Смущают меня строки «кончается злая неволя» — это о браке с Ш<илейко> — но весь конец перепутан, зачеркнут, насколько я поняла... А самая проклятая дата, с которой стихи начинаются, могла быть в ее жизни одна: в августе 21 г. Перед гибелью Г<умилева> она с ним попрощалась *навек* — в Мраморном.

И еще косвенный довод:

«Уже без проклятий, уже без укоров» — бурно ссорилась она именно с Г<умилевым>. По поводу же того, как она разошлась с Ш<илейко>, мне недавно, с ее слов, неожиданно рассказал Е. Рейн⁸⁹: «Вл<адимир> К<азимирович> вдруг стал делать вид, будто нашего брака не существует».

Перечитываю сейчас — к сожалению урывками — свои ташкентские дневники. Узнала из них много нового, т. е. совершенно забытого мной.

Например, одно время «Путем всея земли» было посвящено Гаршину. Стихи «Глаз не свожу с горизонта» адресованы ему. Там есть дата смерти жены Гаршина и текст письма АА к Вл<адимиру> Геор<гиеви>чу в ответ на извещение о смерти жены. Есть там и развязка отношений АА с Пуниным: проезжая через Ташкент с Ак<адегией> Худ<ожеств> в Самарканд, он просил у АА прощения за всё (полумертвый); из Самарканда прислал ей письмо, которое она прочитала мне вслух: о том, как он виноват перед ней и как теперь только понял ее великую жизнь⁹⁰.

Очень много о «Поэме» — как писалась, почему менялась, кто, как воспринимал и т. д.

Кстати о «Поэме».

Я изучила Ваш экземпляр. Могу сообщить свои соображения об опечатках и ошибках.

Могу — и сделаю это с радостью *когда Вы пожелаете*; а сейчас, боюсь, Вы заняты другим и это Вам будет нестати. *Жду сигнала.* <...>

Будьте здоровы. Еще раз спасибо.

Крепко жму руку. Ваша

Л. Чуковская

<...>

Дорогой Виктор Максимович.

...О суде мне все рассказали и написали — Рейн, Эткинд⁹¹ — и, конечно, Ника и Эмма Гр<игорьевна>. Все возмущены и деморализованы. Ну и что? И ничего... Меня недавно один человек, лет 50, проживший трудную жизнь, спросил:

— Припомните — случилось ли вам когда-нибудь присутствовать при разоблачении и посрамлении мерзавцев? Ну хоть когда-нибудь?

Я стала вспоминать. Нет, ни разу.

Удавалось иногда самой спастись или помочь кому-нибудь спастись от мерзавцев. Но разоблачить, посрамить? Нет, никогда... Иосиф — в Ленинграде, чуть-чуть печатается, жив. Но и судыха Савельева и провокатор Лернер — живы и благополучны. Не посрамлены. Не наказаны⁹². <...>

Но перехожу к Вашим вопросам. Начинаю с «Поэмы». Для удобства, пишу на отдельных листах.

О Вашем экземпляре «Поэмы»

Как Вы поступите с титульным листом — «сочинение Анны Ахматовой»? В сборнике? Поскольку весь сборник — Ахматовой? АА считала, что это — для отдельного издания «Поэмы» и в «Беге» слова «сочинение Анны Ахм<атовой>» — сняла.

«Вместо предисловия», в конце — следует «и двадцать девятым»⁹³.

«Третье посвящение» следует датировать 56, а не 57 годом. АА сама долго колебалась, потом поставила 56. Так в «Беге» и так исправлено под ее диктовку в 65 г. в экземпляре Л. Д. Большинцовой.

«Через площадку». Интермедия — В Вашем экземпляре А. А. по ошибке не вычеркнула ремарку, сохранившуюся от того времени, когда «Через площадку» еще помещалось в конце, вместе с примечаниями! «не пустила в основной текст!» А ведь пустила... Эту ремарку надо вычеркнуть, как и сделано в «Беге»⁹⁴.

Затем отмечаю злокачественную опечатку, вкравшуюся во многие экземпляры — и в Ваш. Надо:

В стенах лесенки скрыты витые,
А на стенах лазурных святые,

а не «в стенках», «на стенках»!

(Глава II первой части. У Вас нет нумерации страниц!)

Послесловие следует К л о к о т а н и е, а не клокотанье⁹⁵.

Вообще I часть «Поэмы» Вам надо попросту считать с «Бегом»; там много мелочей, отличающихся от 63 г.; АА очень внимательно сама читала корректуру и кое-что уточняла. В частности сделала: «Да что там... про это Лучше сами расскажут стихи».

Часть II, Решка

В ремарке, в 65 году, Анной Андреевной добавлено слово «мерещится»: «о том, что *мерещится* в зеркалах, лучше не думать» (экземпляр Л. Д. Большинцовой).

Если Вы будете давать IX строфу — «А со мною моя Седьмая...» (чего я, увы! не делаю!), то Вам надо будет указать, что Седьмая — это не Седьмая симфония Шостаковича (как полагает милая Аманда), а «Седьмая» ленинградская элегия (которую я не знаю. А Вы?)

12 строфа «Решки» начинается с И, а не с Но:

И была для меня та тема⁹⁶

Что делать со строфой об Эль-Греко я решительно отказываюсь понимать. Моего ума на это не хватает. АА перенесла ее из «Поэмы» в «Полночные стихи», под названием «Отрывок»; сама мне объяснила: «эта строфа была в «Поэме» только временно, по случайным обстоятельствам». Подарила мне «Полночные стихи» с этой строфой — «Отрывок». Так. Но в экземпляре Л. Д. Большинцовой (поправки продиктованы в 65 г.!) — строфа снова в «Поэме»! (О, женское коварство!) Далее. Спрашиваю у Толи уже после кончины АА: где должна быть строфа? Он: — В «Полночных». Спрашиваю у Ники Глен. Она: — На мой вопрос АА ответила: «и в "Полночных" и в "Поэме"»!

Ну, разве так бывает?

Я ее упекла в «Полночные», но не уверена в своей правоте.

А Ника, по-видимому, права. П<отому> ч<то> в моем экземпляре «Полночных» (машинопись, полученная мною от АА) ее рукой под «Отрывком», вместе с датой стоит: «Решка»...⁹⁷

Идем дальше.

Часть третья. Эпилог.

Ремарка. Вставлено в 65 г.: «от Гавани до Смольного *видно* все, как на ладони». Затем фраза об окне по-другому: «Одно окно в третьем этаже против увечного клена разбито, и в нем зияет чернота» (Так в тексте 64 г., подготовленном АА для «Бега» — ведь она готовила для печати в с ю «Поэму».)⁹⁸

В отрывке «А за проволокой колючей...» слова «лагерной пыли» следует взять в кавычки — ибо это цитата из речи одного начальника лагеря... «я из вас лагерную пыль сделаю»...

Теперь маленькая новость.

Читаю (впервые после 25 лет) свой ташкентский дневник. 4 февраля 42 года записано, что АА, работающая над «Поэмой», показывает мне тетрадь, где на первой странице ею написано:

М а л ь к и е п о э м ы
«Тринадцатый год» или «Поэма без героя»
«Решка»

«Путем всея земли»¹

а 4 марта 42 г. я пишу:

«А. А. прочла мне эпилог к “Решке”».

Таким образом, она долго считала «Поэмой без героя» только «13 год», а «Решку» — отдельным произведением! Вот почему теперешняя I часть «Поэмы» оканчивается Послесловием: «Все в порядке: лежит поэма». АА думала, что конец «13 года» — конец всей «Поэмы»...

Вопросы к Вам. Если я их уже задавала — извините.

1) Почему АА пишет Мамврийский дуб? В «Библии»: дубрава Мамры. Откуда в?

2) Откуда цитата «без лица и названья»?⁹⁹

3) Не можете ли Вы в Публ<ичной> Библ<иотеке> поглядеть п о с л е д н и й вариант «Поэмы»? Толя утверждает, что в 65 г. АА сильно переменяла ремарки, вставив в ремарку к «Эпилогу» историю Шереметевской крепостной... У меня корректуры на носу, а я не видела экземпляров Публ<ичной> Библ<иотеки> (не могу приехать и не могу с м о т р е т ь...)

О «Поэме» пока всё.

Вот Вам некоторые даты — и сведения, — извлеченные мною из Ташкентского Дневника. Может быть, они Вам пригодятся. АА в Ташкенте записывала стихи в большую тетрадь под названием «Ардов» (подаренную им), этой тетради уже давно нет... А у меня кое-какие данные.

«Славно начато славно дело...» — 22/I 42

«Первый артиллерийский...» — быть может, начат раньше, но окончен тоже в этот же день.

«Мужество» начала 24 февраля 42 (и сказала мне о нем так: «Я пишу стихи о русском слове»).

13 апреля 42 г. АА подарила Штокама, с которыми там дружила, Исидору Владимировичу и его первой жене, Ольге Романовне — автограф «Поэмы»¹⁰⁰.

«Щели в саду вырыты...» — 18 апреля 42

«Постучи кулачком, я открою...» — написано между 22 и 26 апреля 42; была строка «И домой не вернусь никогда»; 28 апреля АА переменяла ее, сделала:

Но тебя не предаю никогда,

и, прочитав, сказала мне:

«Я проверила ночью. Это действительно правда».

«Заснуть огорченной, проснуться влюбленной...» — первые 6 строк прочитаны мне 19 мая 42 г., при этом АА сказала:

«Еще не знаю, про что это. Тут какой-то сон. Не знаю, что дальше».

Ноченька (Nox) — прочитала мне впервые 31 мая 42.

¹ Внутри тетради перед поэмой «Путем всея земли» на отдельной странице было написано: «Посвящается В. Г. Гаршину».

Далее: оказывается, я помогала АА в Ташкенте составлять то л с т у ю книгу «Тростник», которую потом издательство, руками Зелинского, превратило в тоненькую книжечку с глупейшим расположением стихов...¹⁰¹ Вся эта история и борьба подробно мною описана. Во время работы, АА, как всегда, много говорила о своих стихах. Сообщаю Вам то, что, мне кажется, может Вам пригодиться:

В цикле «Эпические мотивы» существует еще одно стихотворение:

В том доме было очень страшно жить.

Оно — четвертое. Я его не знаю. А Вы? Толя говорит, что видел его в ЦГАЛИ¹⁰².

О первом стихотворении этого цикла АА спросила меня (26 апреля 42):

— Вы слышите, что в его глубине звучат терцины?¹⁰³

Говоря о своих лучших стихах (26 апреля 42) назвала:

«И в тайную дружбу с высоким...»

«Бесшумно ходили по дому...»

«Он длится без конца...»

О датах и стихах из Ташкентского Дневника пока всё. Буду делать выписки и посылать Вам и впредь.

Продолжаю.

Вы пишете, что мои записки 38—41, в частности, дают ясное представление о том, как Пунины заботились об АА.

Это верно. Там все правда. Но — справедливость прежде всего! Тогда АА была в остро-плохих отношениях с самим Николоем Николоевичем, а потом они улучшились. (С ним.) Я узнала из ташкентского дневника: 24 марта 42 г. через Ташкент в Самарканд проехали Пунины. Николай Николоевич просил у АА прощения — за всё. АА дала им на дорогу деньги и продукты. (Я вместе с ней встречала эшелон.) 22 апреля 42 она прочла мне длинейшее письмо от Пунина из Самарканда, где он опять просит прощения и пишет о ее великой жизни.

И все время, пока АА была в Ташкенте, она тревожилась за Николая Николоевича, ужасалась его нищете и говорила о нем с такой заботой, что я один раз записала:

— Вот тебе и «Последний гост!»¹⁰⁴

Вы спрашиваете, как сослаться на мои писания. А как по Вашему лучше? Называется моя книга «Записки об Анне Ахматовой». Можно на «Записки». Но, мне кажется, убедительнее, достовернее — на Дневник. Тем более, что ведь это и есть Дневник. А мемуары, воспоминания — это совсем не достойно доверия.

Вы пишете: кончайте скорее вторую часть!

А я ее не начинала. И какая II часть? Там еще десять частей...

Ташкентский дневник (было 6 тетрадей, 2 потеряны совсем, многие изуродованы) 1942. Это отдельно.

Затем пропуск. Затем, с 1952 по 1965... Пуды текста.

Если я сейчас сяду делать из этого книгу, наподобие 1938—1941 — я окончу лет через 10.

Нет, я пока что делаю другое и вот это *скоро кончу*: конспект. Ключи к Дневнику. Чтобы знать хотя бы про что и где написано. Про какие стихи — где. Даты. История «Поэмы». Когда, о чем как и е монологи.

Вот из этого конспекта я и выбираю сведения для Вас.

М. б., для сборника Э. Г. Герштейн¹⁰⁵, сделаю, от 38 по 66, монологи АА о литературе. Без обстановки и пр., только дата, место и ее слова.

Но раньше всего кончу конспект.

Кстати, 1/IV 64 г., АА прочитала мне из «1001 ночи» автохарактеристику своей поэзии. Это я узнала, читая свой Дневник 64 г. Была заказана «Лит. Россией» статья о ней Льву Озерову и по этому случаю она написала ее сама...¹⁰⁶

Нике Николаевне — напомню.

Будьте здоровы. Жду вопросов. Огромное спасибо за стихи — я их никогда не слышала. Жму руку

Ваша Л. Чуковская

Узнала из Ташкентского <Дневника>, что у М. Л. Лозинского хранился набросок Судейкина: портрет АА. Цел ли он?¹⁰⁷

28. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

19/III 68

Дорогой Виктор Максимович.

Посылаю Вам свои примечания.

«Поэму» 64 г. пришлю чуть позднее — теперь болен мой помощник, некому помогать мне вычитывать, а сама я не могу.

Это будет скоро.

Пока же — о Примечаниях. Я старалась, чтобы они не были неуклюжи; не знаю, насколько мне это удалось.

Если найдете ошибки, неловкости, бестактности — трубите в трубы, бейте в барабаны — т. е. извещайте меня. Корректуры еще нет. Успею исправить.

Читая примечания к «Поэме», не удивляйтесь пропускам: многое объяснено а) в примечаниях самой АА б) в статье К.И.

Вчера и сегодня дни, отравленные следующим происшествием.

Совершенно случайно, через знакомых знакомых, мне стал известен текст интервью с Сурковым об ахматовских делах, — интервью, которое должно появиться в среду в «Лит. Газете».

В этом тексте меня поразило, прежде всего, отсутствие книги из Серии Большой Библиотеки Поэта среди списка готовящихся книг; остальные есть, а Вашей — нет. Затем почему-то отсутствует Левино имя и как-то смутно говорится, что Комиссия мол решила передать бумаги государству — в Пушкинский Дом — в то время как ведь Комиссия только поддержала Л.Н., а решил-то он... Какой бы он там ни был, а все же — зачем же врать?

Конечно, очень хорошо, что Пунина в интервью осуждается, но зачем же все так неточно, так зыбко?

Я начала дозваниваться Суркову — нет, его нет, он на даче или черт знает где.

Я позвонила Эмме Григорьевне, чтобы посоветоваться. Она включилась очень энергично, в газете у нее нашлись знакомые, прочли ей по телефону заметку. Она сказала насчет Вашей книги, они обещали внести ее в список даже без Суркова. Хорошо. Но потом опять звонок: — Мы посоветовались с Лесючевским (!!!) и он сказал — «Не надо выдавать векселя»¹⁰⁸.

Оказалось, в интервью с Сурковым сначала была названа и Ваша книга, назван и Лева, как наследник, пожертвовавший весь архив государству; названы были, наконец, и члены Комиссии (до сих пор в печати необъявленные), но Леву и перечень членов Комиссии вычеркнул Зам. Главного редактора... Ну, а упоминание о Вашей книге — Лесючевский. Вот скоты! Ведь была же возможность высказаться наконец о процессе точно и ясно — так нет же, все замутили и запутали.

Какое-то ничтожное политиканство¹⁰⁹.

Всё это я пишу Вам, разумеется, совершенно между нами, ибо до выхода заметки ничего не имею права знать... Сурков ни с кем из членов комиссии не считал нужным посоветоваться.

Еще одна гадость.

В № 3 «Юности» — взгляните! — напечатано стихотворение АА: «Из-под каких развалин говорю...». Я имею основание предполагать, что беловика этого стихотворения не существует; что окончены там только 2 первые и 2 последние строки, а середина перечеркнута. Думаю, что торгует тут Ирина Николаевна, хотя наверное утверждать не могу. Постараюсь выяснить в редакции «Юности» — кто именно публикует эти стихи?.. Мне жаль их, они так великолепно начаты.

И тут же, в «Юности», стихотворение Гитовича, посвященное АА, прекрасное¹¹⁰.

Читаю дальше помаленьку полегоньку свой ташкентский дневник. Нового пока могу сообщить Вам только одно: дату стихотворения «Какая есть...».

Начато 25 июня 42 года; прочла мне целиком впервые 3 июля 42 г.

Вот, кажется, всё.

Будьте здоровы. Жму руку.

Л. Чуковская
19/III 68

29. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

27/IV 68

Дорогой Виктор Максимович.

...Счастлива, что Вы обнаружили «Седьмую» ленинградскую элегию! Это о ней в «Поэме»:

А со мною моя Седьмая,
Полумертвая и немая
и т. д.

Разумеется, мечтаю ее прочесть, но ждать буду *терпеливо*. Не торопитесь.

А 4-ая вещь из цикла «Эпические мотивы» («В том доме было очень страшно жить...», 1921) — неужели так и не найдется в целом виде? АА читала ее мне дважды: в Ленинграде до войны, и в 42 в Ташкенте, готовя новую книгу. И оба раза вещь была целая, без недоделок и повреждений в середине... Неужели, записывая ее впоследствии снова, АА так и не вспомнила ее всю целиком? Большая потеря. И слово «зазеркалье» там — это ее новые попытки: в довоенных стихах оно ею еще не употреблялось...

По поводу «Нечета» и «Седьмой книги» могу только сказать Вам, что «Нечет», во время работы над «Бегом», был отдельной книгой, совершенно равноправной с другими. (Недаром и в рукописи существует титульный лист, озаглавленный «Нечет» и снабженный эпиграфом.) Хранятся у меня и списки стихов, продиктованных мне Анной Андреевной: один список для «Седьмой книги», другой для «Нечета». Почему, как и когда и по чьей инициативе «Нечет» стал — в издательстве — частью «Седьмой книги» — я не знаю. М. б., Толя что-нибудь помнит?..

Жму руку. Ваша

Л. Чуковская
См. на обороте!

P. S.

Как говорится, «предчувствие не обмануло ее».

Сейчас у меня побывал Владимир Григорьевич¹¹¹. Подтвердил, что Вам лучше. И тут же мельком сказал, что в Лениздате снят Друян — за книгу Горбовского — и все книги, подписанные им к набору, пересматриваются.

Значит, и Ахматова...

Вот и разгадка.

Еще раз — будьте здоровы.

Л. Ч.

30. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Переделкино, 9/VI 68

Дорогой Виктор Максимович.

Вам лучше — вот и слава Богу! — я сильно обрадовалась, увидав на конверте Ваш почерк. Для таких болезней, как затянувшийся грипп — лето благое время — и теперь наверное Вы быстро пойдете на поправку.

Отвечаю на вопросы:

1) Увы! «Реквиема» мы не даем. Таково было с самого начала условие, поставленное мне издательством: «R» не давать.

Но я даю все три стихотворения из «R», опубликованные в нашей печати давно и недавно:

«И упало каменное слово...»

«Магдалина».

«Нет, это не я страдаю...»

2) Когда я представила рукопись в Лениздат, из нее сразу изъяли 4 стихотворения:

«Стансы» («Стрелецкая луна...»)

«Страх, во тьме перебирая вещи...»

«Другой голос» — два стихотворения.

Я попробовала отбить «Стансы» (дивный портрет Сталина в двух последних строках¹¹²) — не удалось... Чувствую, что главные битвы еще впереди — после сверки...

(Верстка нанесла нам большую рану: там оказались картинки! о которых никогда и речи не было! и нам троим — К<орнею> И <вановичу>, Э<мме> Г<ригорьевне> и мне — пришлось срочно писать письмо Д. Т. Хренкову¹¹³ с требованием эти картинки убрать — они несовместимы со стихами Ахматовой, они — как дурной запах, губят книгу.

Ответа пока нет.)

3) Вы спрашиваете, что я добавила. Ну, разумеется, прежде всего, всё, выкинутое Дикман¹¹⁴ и напечатанное в журналах после смерти АА. И то, что АА не дала в «Бег», уверенная, что не пройдет — а оно прошло в журналах — напр. «Наследница», «Подражание армянскому», «Где ты, ночка молодая...», «За такую скоморошину...»... Кроме того, я вставила

«А я иду, где ничего не надо...»

«Светает. Это Страшный Суд...»

«За ландышевый май...»

В крошечном предисловьице своем я написала, что за основу мною взято последнее прижизненное избранное Ахматовой — «Бег Времени» 1965 г. — а изменения и дополнения сделаны в соответствии с волей и намерением автора. Нагло? Да, но зато правдиво. Конечно, воля автора выполнена мною всего лишь на 75 % — но это не моя вина. Я сделаю максимум возможного.

4) Вы спрашиваете, каково расположение стихов — по книге Б<ег> В<ремени> или по рукописи? По рукописи. Т. е. по воле автора. (Как и даты, за редкими исключениями.) Откуда я могу знать, что в книге «Б<ег> В<ремени>» — воля АА,

чему она покорялась охотно, а чему — из-под нажима? Думаю, выяснить это уже невозможно. Передо мною рукопись «Бега», в которой порядок стихов не всегда для меня ясен (почему так?) — но продуман, продиктован мне Анной Андреевной. Зачем же я стану от него отступать?

АА создала например цикл «Черный Сон». Дикман разрушила его и в книге «Бег» Времени» такого цикла нет. Почему АА это допустила? Да потому, что смерть была близка, она хотела видеть книгу и ей не хотелось тратить силы и время на борьбу. Но я-то знаю, видела, как она радовалась именно ц и к л у... Зачем же я буду идти по стопам Дикман, а не АА, даже если Дикман и получила разрешение АА разрушить цикл? Мало ли на что и почему человек бывает вынужден дать разрешение!

А Дикман наверное и не всегда спрашивала разрешение. Ведь не могла же АА разрешить стихи, посвященные смерти Б. Пастернака печатать под заголовком «Смерть поэта» с н а м е р е н н о л о ж н о й датой, чтоб никто не догадался о чьей смерти идет речь?¹¹⁵

Дикман заставила АА снять эпитафию из Бродского — что же, нам так и печатать «Последнюю розу» без эпитафии, потому что его нет в «Бег» Времени»?¹¹⁶ (О том, что заставили, мне говорила АА сама, и я на нее сердилась.)

(Я никогда не видела Дикман и ничего против нее не имею. Она была в тисках, вероятно. Я только не стану следовать ее воле.)

Сейчас, читая верстку, многое проверяя, я, с помощью доблестной Ники Николаевны, обнаружила в «Беге» еще несколько опечаток. На всякий случай сообщаю:
стр. 288 надо

Там ласточкой реет

(Увы! У меня в машинописи допущена эта опечатка.)¹¹⁷

стр. 202

В книге «Бег» Времени» пропущены две строки (в машинописи они существуют); перед двуступенчатым

А напротив — высокий клен,
Ночью слушает долгий стон

есть еще одно:

А напротив — высокий клен,
Красным заревом обогрен.

Сообщаю Вам об этом на всякий случай¹¹⁸.

Вам хотелось бы, пишете Вы, прочитать нашу верстку... А мне бы хотелось, чтобы Вы прочитали нашу сверку. В верстке — первая корректура — мазня, ошибки. Сверка будет начисто. И без нашего позора — картинок...

Спасибо за выписки из «Сказки о Черном кольце». Это чрезвычайно интересно — из каких же черновиков она выбиралась! Глухих, дурных. Недаром она работала над этой вещью много лет.

Ваше предложение насчет постройки книги обладает большой привлекательностью. Но скажу, что меня смущает.

Не рано ли?

«Ленинградские элегии» не все¹¹⁹.

«Эпические мотивы» — не все.

Ненапечатанные стихи... Вы дадите лишь немногие и не главные... Вот в чем беда.

Но это не мое отрицательное мнение, а просто «мысли вслух».

Теперь разрешите мне задать Вам несколько вопросов. Которые меня очень тревожат.

Кроме дат, умышленно неверных — АА еще и сама в них путалась. Вот образчики:

АА диктовала мне даты в рукописи «Бега». Так. Но она дала мне также списки стихов с датами — и там даты не всюду те, что продиктованные!

Затем. У меня имеется экз<емпляр> «Из шести книг». Там, карандашиком, рукою АА, проставлены «не стоящие» даты. Хорошо! Но у Ники Николаевны тоже есть «Из шести книг», с датами, проставленными АА... И они не всюду совпадают с моими...

В чем могла, я разобралась, глянув в журналы и пр. Но Вы видите рукописи! И вот, я очень прошу Вас, ответить мне на некоторые вопросы (чтобы я исправилась хоть в сверке):

1) «Заклинание» — в «Беге» 1935 год,

в автографе у Эммы Григорьевны — 1936¹²⁰

2) «Победителям» — напечатано в какой-то ленинградской газете — какой? когда? не знаете ли?¹²¹

3) «Если б все, кто в немоци душевной...»¹²²

— в рукописи «Бега» — 1960

в стихах — 1961

4) «Ангел, три года хранивший меня...» — 1921? 1922?¹²³

5) «А я иду, где ничего не надо...» — 1965?¹²⁴

И еще вопрос — не о дате — не знаете ли — в «Хозяйке» — полнолуние или новолуние?

Жду ответа как соловей лета.

А также вопросов.

Будьте здоровы. Ваша

Л. Чуковская

31. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Переделкино, 27/VI 68.

Дорогой Виктор Максимович.

Это не письмо, это SOS.

Сегодня я получила письмо от Друяна, в котором он, безо всяких мотивировок, сообщает мне, что ими сняты из книги

1) Четверостишие:

«За такую скоморошину...»

2) Три строки из «Поэмы»

И проходят десятилетия
Пытки, ссылки и смерти... Петь я
В этом ужасе не могу.

3) Кусок из Эпилога «Поэмы», начиная от строки

«А за проволокой колючей...»

до строки

А за мной худая слава
Шелестела.

4) Эпиграф из Бродского к «Последней розе»:

Вы напишете о нас наискосок.

С 1 и 2 пунктами я еще могу согласиться; с 3 и 4 — никак.

Обращаюсь к Вам как к Вам, В<иктору> М<аксимовичу> Ж<ирмунскому>, а так же как к члену ахматовской Комиссии. Пожалуйста, вступитесь за «Эпилог» и за эпиграф к «Последней розе»! На каком основании совершается эта мерзость? Вы знаете, что АА высоко ценила поэзию Бродского, любила обращенные им к ней стихи. Кто же имеет право запрещать ей брать эпиграф из кого ей угодно? Начальство за что-то терпеть не может Бродского — но при чем тут Ахматова?

Что же касается куска из «Эпилога», то тут я просто не нахожу никаких слов. Пожалуйста, попробуйте их найти Вы.

Разумеется я немедленно пишу сама Друяну, но на Ваши слова уповаю гораздо более, чем на мои.

На беду я только что встала после нового приступа болезни и еле сижу за пюпитром.

Извините, что я Вас, больного, тормошу, но что же мне делать.

Жму руку

Ваша Л. Чуковская

32. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Переделкино, 6 июля 68

Дорогой Виктор Максимович.

Я уже давно получила Ваше письмо с потрясающим известием, что Ир<ина> Ник<олаевна> р а с п е ч а т а л а «1001 ночь» и «Лермонтова»! Но только сейчас болезнь немного отпустила меня и я могу поздравить — Вас, себя и всех, кто любит поэзию А. А.

Ура! Вас ждут серьезные открытия.

За стихотворение — страшнейшее — спасибо. Будете ли Вы его печатать?

Друян не ответил мне на мое письмо-протест по поводу калечения «Поэмы» и снятия эпитафии из Бродского. От Вас по этому поводу тоже ничего. Не знаю, что делать — м. б. обратиться к Льву Николаевичу?

Как Вы думаете? Ведь у него права.

Будьте здоровы. Жму руку

Ваша Л. Чуковская

33. В. М. Жирмунский — Л. К. Чуковской

Комарово, 12.VII.68

Дорогая Лидия Корнеевна!

Спешу Вам сообщить <нрзб> только, что первопечатный текст стих<отворения> «Победителям» найден: журнал «Красноармеец», 1946, май, № 10, с. 2. Этот текст был, по-видимому, источником для И. Сергиевского¹²⁵. До сих пор я [имел] текст этого стихотворения только по невышедшим в свет изданиям «Нечета», собрания <стихотворений> 1946 (В. Орлова) и др.

Заодно Л. Е. <Генин> отыскал в «Свободном журнале», 1918, № 3-4, неизвестную нам *первую* версию стихотворения, которую при сем присоединяю¹²⁶.

Будьте здоровы!

Дружески Ваш

В. Жирмунский

P. S. Вчера я читал о своем издании в небольшом кругу комаровских филологов. Должна была приехать Э. Г. Герштейн, но она не выбралась из-за очень плохой погоды.

34. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Москва, 20 июля 68

Дорогой Виктор Максимович, сегодня как раз месяц моему новому лежанию... Сама я написала Друяну несколько бешеных и совершенно беспомощных писем.

Изо всего ихнего разбоя меня более всего ранит
1) уничтожение эпиграфа к «Последней розе» (Иосиф)
2) то, что из «Поэмы» убирают
«А за проволокой колючей...»
«За тебя я заплатила чистоганом...»
Пытки — бог с ними. К этому я была готова.

Итальянское издание я не изучила¹²⁷. Оно, конечно, гораздо, несравненно лучше, чем Амандино, а все же и там не без ерунды. Напр., в «Решке» отсутствие строфы о Байроне и Шелли, которую АА никогда не выкидывала¹²⁸.

Теперь постараюсь ответить на Ваш вопрос о том, как следует трактовать книгу Лениздата — последнее прижизненное или первое посмертное.

Все-таки, хоть я и пишу, что все — по воле автора — а все-таки я не решилась бы его назвать последним прижизненным.

Совесть моя чиста — я сделала все по воле, т. е. на основе *рукописи* «Бега», своих дневниковых записей, памяти своей и друзей и т. д. Но ведь ее воля могла меняться и постоянно меняться... Это раз. Кроме того, это ее воля в м о е м п о н и м а н и и, не всегда документированная. Затем — ведь я включила кое-что с в е р х...

Издание Лениздата (если оно состоится!) первое посмертное.

Учитывать Вам его конечно надо и, главное, при расхождении с «Бегом», учитывать *рукопись* «Бега».

Но какие найти для всего этого формулы? Я не знаю.

На своем веку мне приходилось редактировать многие издания, но никогда — научные. И потому я в этом деле плохой советчик.

Будьте здоровы. Жму руку

Ваша Л. Чуковская

35. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Москва, 30/VII 68

Дорогой Виктор Максимович.

Никогда ничего не слыхала ни о «Прапоэме», ни о поэме «Город райского ключаря»¹²⁹. Единственная поэма, почти оконченная и потерянная, о которой говорила мне АА — это поэма «Русский Трианон», о Царском.

Поразительно интересны Ваши новые присылки, напр., «13 год», который она «не пустила в “Поэму”»¹³⁰. Там была, значит, Народная Воля! АА любила говорить, что ее мать была в юности «членом кружка (?) Народной Воли»¹³¹.

А заметили ли Вы, что строки из Поэмы «В городе райского ключаря»:

И в черном саду между древних лип
Мне мачт корабельных слышен скрип, —

перекочевали в «Летний Сад» (см. «Бег времени», стр. 411)

В душистой тиши, между царственных лип,
Мне мачт корабельных послышался скрип.

Вот она их куда приспособила!

Насчет «кузины, Джульетты, смольнянки» я никогда ничего не слыхала¹³².

Но почему Вы пишете, что драгун был сначала гусар (это верно), а также «дежурный».

«И томился дежурный Пьеро» — была такая строчка когда-то, но «дежурный» тут, на мой взгляд, не чин, не звание драгуна или гусара, а вообще к нему (и Князеву) не относится. Я понимаю строфу так: «И томился очередной поклонник».

Помните ли Вы — я Вам когда-то показывала — что у меня есть экземпляр «Поэмы» 1942 г., весь написанный от руки самой АА и подаренный мне в Ташкенте? Надо Вам его подробно изучить — как? где? когда?

У меня в Дневниках множество записей об исправлениях «Поэмы», о п р и ч и - н а х и ц е л я х исправлений. Хочу заняться — и пока не могу из-за болезни.

Корней Иванович о Бродском в Лениздате написал¹³³.

Ответа нет — ни мне, ни ему.

Будьте здоровы. Спасибо, спасибо за стихи.

Жму руку. Ваша

Л. Чуковская

36. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Москва, Больница, 15/IX 68

Дорогой Виктор Максимович.

1) Пожалуйста, располагайте моим списком «Поэмы» 42 г., т. е. автографом АА, по собственному усмотрению. *Публиковать его я не собираюсь*. Исходите из пользы дела — т. е. Вашего издания: как нагляднее будет для читателя и удобнее для Вашего комментария: «мой» экземпляр печатать или Звегинцевский?¹³⁴ Так и поступайте.

2) Я уверена, что у меня сохранилось письмо Ладыженской. Чуть только я вернусь домой я разыщу и снова пошлю Вам. Не огорчайтесь, не ищите.

3) «Пятая роза» посвящена поэту Дмитрию Бобышеву. АА мне много рассказывала об этой розе и у меня есть запись в Дневнике. Вернувшись домой, перепишу для Вас эту запись *точно*, а пока по памяти:

«Бобышев принес мне розы. Четыре были розы как розы, а пятая жила очень долго и вытворяла Бог знает что. Чего только она ни делала: светилась в темноте,

например; только по воздуху не летала<...> Когда она завяла, я положила ее в коробку и похоронила в саду. Я написала ей мадригал, но мальчишки забраковали»¹³⁵.

Повторяю, это я по памяти; а вернувшись домой перепишу *точно*.

4) Стихотворение, где есть строка «Запад клеветал и сам же верил...», я слышала от АА, но наизусть не запомнила¹³⁶. У меня его нет, я помню только следующую строку. Кто такой Э. М¹³⁷. — не знаю; постараюсь узнать у Эм. Гр. и у Ники.

5) Вот уже неделя как я в клинике, очень хорошей, и меня подвергают всяким исследованиям. t⁰ пониже: не 38⁰ по вечерам, а 37.4, но РОЭ 60. Завтра будут делать биопсию — то есть удалят железку, распухшую на шее, и будут ее изучать. Подозревают tbc (кажется).

Горячо благодарю Вас за «Пиво...»¹³⁸. Я его не знала, только знала, что оно *есть*. Прочеть «Нечет» — радость! Крепко жму руку

Ваша Л. Чуковская

Р. С. Извинитесь пожалуйста перед Вашей дочерью и поблагодарите ее. Я очень жалею, что Вам и ей нагрузка.

О Лениздатской книге молчание — и я живу в тревоге.

37. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Москва, 3/X 68

Дорогой Виктор Максимович.

Вчера вечером Дрян позвонил Эмме Григорьевне и сказал, что книги Ахматовой в Лениздате не будет.

Что она «снята без рассмотрения».

Какая инстанция, где, что — мы не знаем.

Тороплюсь сообщить Вам эту новость.

Жму руку

Л. Чуковская

38. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

10/X 68

Дорогой Виктор Максимович.

Посылаю Вам копию письма Ладыженской ко мне по поводу стихотворения «В Выборге».

Получила Ваши два письма с вопросами и попробую на некоторые ответить.

Но прежде всего позвольте сказать Вам, что Вы своей последней присылкой доставили мне великую радость. Все в ней интересно и важно, но «Нечет» превосходит все ожидания. Разумеется я еще ничего не разглядела как следует, но уже вижу, что тут целые россыпи откровений.

Спасибо!

1) Думаю, что А. А. никогда не была ни в каком Дюшамбе. Но в 43—44 г. я с ней не встречалась и потому... да нет, не была она в Дюшамбе!

2) Относительно «Все души милых» и «Пятым действием драмы» я давно знаю (и писала Вам), что это стихи 21 г.; рада, что это теперь подтверждено документально.

АА в «Беге» и вообще всюду требовала 44, чтобы скрыть, кому они. В книге Лениздата я хотела эти даты вообще снять.

3) К сожалению, я читала Гюго в первый и последний раз лет этак 45 назад и не помню, лижет там цыганочка кровь или нет. Но строки в «Поэме» я тоже всегда понимала как относящиеся к Квазимодо и Эсмеральде¹³⁹.

4) Насчет Посвящения — В. К. или О. М.?

Когда А.А. читала мне его впервые, она *говорила*, что оно посвящено О<сипу> М<андельштаму>. О дивных ресницах О<сипа> М<андельштама> упоминала много раз.

Почему же стало В<севолоду > К<нязеву>? Я думаю, потому, что работая над «Поэмой», АА очень заботилась об уточнении сюжета, о концентрации всего материала вокруг *главных героев, о ясности*. О<сип> М<андельштам> героем не стал, сюжет укрепился вокруг В<севолода > К<нязеву>. Тогда АА перепосвятила посвящение... Аманда права (!?!), говоря в примечании, что посвящение относится к обоим. (Она написала это, насколько я знаю, со слов Над<ежды> Як<овлевны>. Это верно, хотя и не принято.)

5) Теперь — самое главное.

Вы спрашиваете, кто «полосатой наряжен верстой» — и — не В<ладимир> К<азимирович> Ш<илейко> ли?

Дорогой Виктор Максимович, Вы находитесь в заблуждении и дело тут не в «прототипах».

Откройте пожалуйста для простоты «Поэму» в «Беге Времени» на стр. 317—318.

Весь кусок от слов «Ты — ровесник Мамврийского дуба» и кончая строками «Сами сказали стихи» относится не к какому-нибудь конкретному лицу, а к Поэту и к Поэзии. ВКШ тут совсем не при чем. В конце отрывка так прямо и говорится:

Поэтам

вообще не пристали грехи.

И о их судьбе —

Проплясать пред Ковчегом Завета
Или сгнуться!..

Плясал перед Ковчегом поэт (псалмопевец) царь Давид; а «сгнули» — многие...

Лучше сами расскажут стихи.

О судьбе Поэта, естественно, лучше всего рассказывают его стихи...

Тема могущества, несокрушимой мощи Поэзии одна из основных в творчестве Ахматовой. То же — в «Поэме». Она как бы говорит:

«Хотя поэт часто жалуется на судьбу — не верьте ему: он сильнее законодателей»:

Не обманут притворные стоны,
Ты железные пишешь законы,
Хаммураби, Ликурги, Солоны (законодатели)
У тебя (у Поэта) поучиться должны.

Поэт не нуждается в юбилейных торжествах он и так всегда победитель:

...несет по цветущему вереску,
По пустыням свое торжество.
И ни в чем не повинен: ни в этом,
Ни в другом и ни в третьем —

Поэтам

Вообще не пристали грехи.

Почему «ровесник Мамврийского дуба»? Поэт — древняя профессия.

Почему «вековой собеседник луны»? Поэты издревле воспевали луну.

Существо это странного нрава — поэт...

Ну а напоследок открою: «полосатой наряжен верстой, размалеванный пестро и грубо» — это Маяковский.

И от него, конкретного поэта, переход к Поэту и Поэзии... Вы помните, как она это место читала? Как голосом переходила к нему? Это была ее декларация...

...не обманут притворные стоны,
Ты железные пишешь законы,
Хаммураби, Ликурги, Солоны
У тебя поучиться должны.

Это также и она сама, не дожидаясь юбилеев, пронесла

по цветущему вереску,
По пустыням свое торжество.

Еще одно доказательство — «Бег», стр. 313 — в ремарке, в конце: «Поэт. Призрак»... Ну Призрак — это призрак самоубийцы, Князева, а Поэт? — это не В<лади-мир> К<азимирович> Ш<илейко>, а тот, кто «железные пишет законы»¹⁴⁰.

Изумительное «Через 23 года», присланное Вами в письме (спасибо!) думается мне — посвящено О<сипу> М<андельштаму>¹⁴¹. «Проплясавший свое пред ковче-

гом» — то есть пропевший свое, как царь Давид, то есть *исполнивший долг поэта*; «тень твоя над бессмертным берегом» — над Невой («Там, где наши проносятся тени — над Невой, над Невой, над Невой» — в стихах «Я над ними склонюсь как над чашей»...», ОМ) и Над<ежда> Як<овлевна> говорила, что О. М. называл А. А. — Аннушка.

Не знаю, говорил ли О. М. А. А. — ты? Вряд ли! Но и Вс<еволод> К<нязев> нет.

Итак, «Поэма», начатая в 40 г., открывается посвящением О. М. (в сущности!) и кончается прощанием с ним в 63 г. — через 23 года... Так я думаю.

6) Держу в руках «Поэму» 40—42. Тетрадку. Порядок такой:

I Титульный лист: *Анна Ахм<атова>, Поэма без героя*

II Не фотография, а Вами переписано: *Поэма без героя, ч. I, 13 год, эпиграфы из Дон Жуана и Белой Стаи.*

III Вступление

IV Посвящение

V «Я зажгла заветные свечи...»

Так? Или я не поняла вопроса? Тогда повторите, пожалуйста.

7) Почему гусар превратился в драгуна — не помню. М. б. найду.

8) Насчет родных: мать звали Инна Эразмовна. Инна — тогда — имя редкое.

Сестры две — Ия и Инна. Одна из них была филологом и защитила диссертацию о протопопе Аввакуме. Обе умерли от тbc¹⁴².

Братьев двое — один, Виктор (?) до сих пор жив; другой, Андрей, покончил с собой, когда у него умер ребенок¹⁴³.

9) Насчет переводов.

Помню, что хороши были некоторые корейцы, китайцы, сербы и очень — Перец Маркиш и Галкин. Но я за переводами не следила. Советую Вам написать М. С. Петровых, которая много лет была в курсе всех переводческих работ АА и обещала для сборника Э.Г. написать статью об Ахматовой-переводчице. Сама она великолепный переводчик (и еще более замечательный поэт!) и голос ее имеет большой вес.

10) Кому посвящено «Уснуть огорченной, / Проснуться влюбленной...»¹⁴⁴ — не знаю, хотя АА читала мне эти стихи в Ташкенте, едва написав. Говорила: «Тут какой-то сон». Но не думаю, что это Гаршину — нет, не то.

Еще о первом посвящении. Как Вы видите из варианта 40—42 оно было написано (см. дату!) 26 декабря 40. Впоследствии АА стала всюду исправлять — на 27 декабря — день смерти О.М. И даже когда посвятила Вс<севолоду> К<нязеву> — оставила дату мандельштамовскую.

Вопрос к Вам: Вы мне писали когда-то о 7-<й> Элегии. А я не могу найти. Если можно — повторите!

Оправились ли Вы уже от гриппа? Дай Вам Бог.

Жму руку и еще раз благодарю за подарки.

Будьте здоровы.

Ваша Л. Чуковская

39. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

28/X 68

Дорогой Виктор Максимович!

У меня появилась одна довольно дерзкая мысль насчет того, почему А. А. гусара заменила драгуном. Я на этой мысли не настаиваю — уж очень она прозаическая! — только предлагаю ее Вам для размышлений.

В интермедии «Через площадку» она написала о своем герое:

А за ней, в шинели и каске,
Прибежавший сюда без маски...

и т. д.

Между тем, гусары, сколько я знаю, касок не носили; их носили драгуны... Не могла ли она заменить гусара драгуном, чтобы не менять этих стихов и в то же время сохранить военную точность?

Больше пока ничего не приходит на ум. М. б. найдется что-нибудь в дневнике по этому поводу — пока нет.

Будьте здоровы. Сожалею, что не увидались.

Л. Чуковская

40. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Москва, 29/XI 68

Дорогой Виктор Максимович.

Посылаю Вам продолжение своих «Записок». Всё, что сделано пока, т. е. до 55 г. Не знаю, будет ли Вам интересно: о стихах тут пока маловато, всё о переводах. Но судите сами.

Пожалуйста, держите их у себя столько, сколько Вам нужно. Потом верните мне.

Будьте здоровы. Жму руку

Л. Чуковская

Напишите мне о них! Ваше впечатление.

41. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

1/XII 68

Дорогой Виктор Максимович.

Тороплюсь Вам сообщить то, что сегодня сама узнала из одного старого экземпляра «Поэмы», на который ранее не обращала внимания:

«И цыганочка лижет кровь...» — это не Гюго, не «Собор Парижской Богоматери». Это — стихи ее первого мужа, книга «Огненный > С<толп>», последние строки стихотворения «У цыган».

Девушка, смеясь, с полосы кремневой
Узким язычком слизывает кровь.

Когда-то эти строки были примечанием к соответствующей строке «Решки». Потом АА вычеркнула сноску. В моем экземпляре она осталась.

А откуда горбуны? Этого я еще не знаю.

Будьте здоровы. Скоро Вы получите продолжение моих «Записок».

Ваша Л. Чуковская

42. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

11/ХП 68

Дорогой Виктор Максимович.

Насчет Анты я могу только написать еще раз то, что мне сказала Эмма Григорьевна:

«Антонина Розен, родственница барона Розена, востоковеда¹⁴⁵.

Работала много лет библиотекарем в Колтушах.

Подарила Анне Андреевне какую-то восточную гравюру, которую АА очень ценила и берегла.

Знает о ней *всё* — Лев Николаевич».

Больше, к сожалению, ничего мне не удалось разузнать. Буду пробовать еще. А Вы, может быть, обратитесь к Л.Н.?

Получили ли Вы мое известие о цыганочке?

Намерение Суркова собрать Комиссию и выслушать Ваш доклад и доклад Хренкова меня, разумеется, весьма радует. Только бы он его исполнил! Еще хорошо бы на этом заседании выслушать сообщение Э. Гр. о подготовке пушкинских статей АА.

Не знаю, окажусь ли я в силах прийти. Спасибо Вам за добрые пожелания, мне в самом деле гораздо лучше. Но никакая лестница, даже самая милосердная, мне пока еще недоступна. И совершенно разрушен сон: я иногда засыпаю в 7-8 ч. утра (вот почему Вы не достучались! Никого в квартире, кроме меня, а я спала!)

Очень прошу Вас, накануне следующей Вашей поездки в Москву, дней за 5 (так идут письма!) написать мне, когда Вы будете и сообщить *свой № телефона*. Вы звоните мне (лучше всего часа в 2-3 дня и вечером), а я буду звонить Вам. Так уж мы непременно созвонимся.

Я работаю. По мере накопления и перепечатки листков — буду посылать их Вам. Сейчас (май, 55) начинаются интересные разговоры с АА о переделках в «Поэме». Читаю у себя, что пыталась отстоять строчку «не выдавших казни очей» — безуспешно — но зато отстояла «что ж ты смотришь так смутно и зорко» (АА хотела «что ж ты смотришь печально и зорко»); затем как я ей преподнесла забытые ею строки:

И топтала торцы площадей
Ослепительной ножкой своей, —

и она их вставила, сказав: «Мне очень нехватало торцов». Затем ее объяснения, почему она убирает или меняет то или другое. Большой спор из-за Камероновой Галереи: она хотела убрать все три строфы совсем, а потом убрала только вторую:

Что над юностью встал мятежной
Несравненный мой друг и нежный
и т. д.

убрала потому, что могила этой строфы путалась с могилой драгуна¹⁴⁶.

Словом я сейчас живу в 1955 году.

Будьте здоровы. Жму Вашу руку

Л. Чуковская

43. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Москва, 26/ХІІ 68.

Дорогой Виктор Максимович! Спасибо за прекрасный новогодний подарок. Я просмотрела публикацию Орлова со смешанным чувством. Казалось бы, надо радоваться: стихи АА!¹⁴⁷ И во множестве! Но отравляет мою радость вот что:

как она не хотела печатать эти стихи! именно эти! составляя свои сборники, она всякий раз их отвергала. Когда мне довелось помогать ей с «Бегом времени», я предлагала некоторые из напечатанных ныне: нет! она не желала!

И вот первое, что печатается после ее кончины — эти нежеланные стихи. А те, которые она мечтала преподнести людям — «Поэма», например, и мн. др. — те никак не могут пробиться к читателям.

Такая уж судьба.

Разумеется, надо напечатать все стихи А.А., в том числе и отвергнутые ею самой. Но не в массовом сборнике тиражом 50 тысяч. А в академическом или полуакадемическом издании, в особом отделе, соответственно озаглавленном.

Так я думаю. Не знаю, права ли.

Скоро я пришлю Вам следующие сто страничек своего дневника. Там довольно много о «Поэме».

Желаю Вам здоровья. Желаю, чтобы в 69 году Ваша работа была окончена с той полнотой, с тем совершенством, к которым Вы стремитесь.

Еще раз спасибо!

Ваша Л. Чуковская

Дорогой Виктор Максимович.

Со мною вчера случилось чудо, о котором спешу Вам доложить.

Вчера я переписывала страницы дневника под датой 18 июля 55. Там говорится, что впервые за много лет, отнятых переводами, Анна Андреевна читала мне новые стихи — собственные — а именно новую ленинградскую элегию, из которой я, к сожалению, запомнила всего несколько строк:

И длилась пытка счастьем...

и

Прятелей средь камешек речных...

и

Уже я знала список преступлений,
Которые должна я совершить

А все остальное забыла. Переписываю я эту страницу с этими строчками и сожалениями — в эту минуту входит Люша¹⁴⁸ и подает Ваше письмо, где приведена вся элегия целиком... Ну не чудо ли?¹⁴⁹

Под Вашей копией стоит: 1955, Москва. На основании моей записи можно добавить: лето.

Вы пишете, что Сурков читает АА за то, с каким достоинством она перенесла гонения. Да, он всегда это говорил. Но человеку нормальному, как я, трудно разобраться в такой лживой и запутанной душе, как душа Суркова. Он уважал АА, но создал одну из самых вредных легенд о ней: будто гражданственность и патриотизм проснулись в ней только в 41—45 гг., а до тех пор она писала камерные любовные стихи. Ведь это ложь: вспомним ее стихи о войне 14 года, стихи против эмигрантов и многое, многое другое. Сурков не раз выступал, как составитель книг Ахматовой — и при этом вычеркивал самые невинные стихи: «Тот город, мной любимый с детства» или «Хорошо здесь: и шелест и хруст» и еще десятки невиннейших. Таким образом он сам в известной мере участвовал в тех гонениях, которые она с достоинством переносила... Правда, он — организатор ее поездок за границу, но делал ли он это из любви к АА или из иных соображений — я не знаю. И были ли они ей на пользу.

И вот теперь остановлена книга Ахматовой в Лениздате. Не Вы и не я — Сурков председатель комиссии. Где его голос в защиту? Не слышно. Он даже комиссию не счел нужным собрать по случаю такого чрезвычайного происшествия. Как будто оно никого не касается. Он сидит и выжидает: когда начальство повернется другим боком. Тогда и он выскажется. <...>

Нет, отношение Суркова к АА меня не трогает. Это все так: слова, слова, слова... Дешево стоит.

Вы приводите концовку одного стихотворения («От страшных берегов пылающей отчизны») и спрашиваете, что я о нем знаю.

Из своего ташкентского дневника я о нем знаю следующее:

Оно посвящено, как говорила мне АА, «тому человеку, что и вся «Белая Стая»¹⁵⁰.

Начинается строкой:

«Я именем твоим не оскверняю уст»

Потом где-то есть

«Прославленный Октябрь».

Всего три четверостишия. Во втором есть строка:

«Любимец девушек, наездник и поэт»

А кончается

«От страшных берегов пылающей отчизны»

Вот всё, что я помню. Как видите, немного. По поводу второго четверостишия, АА говорила мне, что: «оно лишнее, совсем не нужна развернутая характеристика»¹⁵¹. (Это мои записи 16 и 30/XII 41 г. в Ташкенте.)

Стихотворения о Блоке, которое Вы упоминаете, я не знаю¹⁵². Публикация «Ахматова о Блоке» была бы очень интересна, конечно, — для меня в особенности, потому что у меня в «Записках» очень много ее монологов о Блоке. А вообще-то самое важное конечно сейчас — это опубликовать ее неопубликованные гениальные стихи — ну вот хоть ту элегию, которую Вы мне прислали. («И никакого розового детства».) Это, конечно, еще черновик (вдруг появляется рифма — «пробудиться»-«сторицей» или строка дешевая: «они с ума сошли»), но я не разделяю Вашего впечатления, что вещь это слабая или слишком субъективная; нет; о, нет! она не слабее «Поэмы», в ней самый главный звук жизни Ахматовой. И вот бы ее напечатать!

Что же касается до отдела, который Вы предлагаете — Эпические отрывки — то ничего кощунственного в Вашем замысле нет, но и прелести и логики я не почувствовала. «Эпические мотивы», действительно, родственны «Ленинградским элегиям» — но АА их все-таки не объединяла. А «Русский Трианон» и «На Смоленском» — чем же объединены? И почему «На Смоленском» окажется под одной крышкой с «Элегиями»? Ведь «Элегии» и «Эпические мотивы» это, говоря условно, нечто автобиографическое, это размышления о собственной жизни в эпохе. А «Русский Трианон» и «На Смоленском» это больше эпоха, чем «я». А «Путем вся земля» — ведь тоже тогда нужно сюда же? Тогда и «Поэму без героя» сюда?

Быть может я совершенно ошибаюсь и просто не ухватываю Вашего замысла. Пожалуйста, объясните его мне подробнее, чтобы я могла понять.

А «Новый Мир» наверное с удовольствием напечатает «Ахм<атова> о Блоке». Присоедините ли Вы и воспоминания ее? У себя в Ташк<ентском> Дн<евнике>ке я вычитала, что она восхищалась «Седым утром» и снова бранила «Город» (что бранила «Возмездие» и восхищалась «Итал<льянскими> стихами», об этом есть раньше).

«Узкое» чудесное место, особенно зимой.

Будьте здоровы в Новом Году!

Жму руку

Л. Чуковская

45. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Без даты

Дорогой Виктор Максимович.

Посылаю Вам продолжение своего Дневника. Короткое. Я от него отвлеклась — сначала для другого дела, потом для отдыха. Поэтому сделано мало.

Держала в руках II том ровно 20 минут. Перелистала «Поэму». Аманда сдержала свое обещание и исправила большинство ошибок — но там все-таки немало старой и новой галиматьи.

Остальное поглядеть не успела¹⁵³.

Будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку

Л. Чуковская

46. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

6/1 69

Дорогой Виктор Максимович.

Спасибо за известие о сверке Лениздатовской книги. Я тоже не обольщаюсь насчет ее выхода, но очень обрадовалась, что получила возможность продержаться эту корректуру и подвергнуть ее критическим взорам Ники Николаевны, Марии Сергеевны и Толи. Все трое, особенно Толя и Ника, мне очень помогли — и технически, и по существу. Знают они каждый по-своему, каждый свое, но на зависть богато и тонко.

Толя понимает стихи как настоящий поэт — и советоваться с ним о знаках, интонациях и пр. — одно удовольствие. И великолепная память.

О М. С. Петровых уж и не говорю. Но, к сожалению, она почти все время была больна тяжелым гриппом и прочла не всё.

На всякий случай сообщаю Вам две новонайденные опечатки в «Беге времени» — очень может быть, что Вы их уже нашли сами, но вдруг — нет?

Первая мелкая, найдена мною.

Стр. 94, строка 2, надо

божие, а не божье¹⁵⁴

Вторая, чудовищная, найдена Толей.

Стр. 400. Тут в стихотворении «Без названия» пропущена целая строка!

После

Прощальных песен первое издание

следует:

Немного удивленные глаза¹⁵⁵:

«Что? что? уже?.. Не может быть!»

— «Конечно!..»

И святочного неба бирюза, —

и т. д.

глаза рифмуются со словом *бирюза!* — и мы все этого не заметили (и я в том числе!)

Хорошо, что этого не заметила и Анна Андреевна — она бы огорчилась.

Сегодня вечером сверка отправлена мною Друзю.

Я написала ему длинное письмо — главным образом «техническое» — у них, кроме тупицы художника, нарисовавшего обойные розочки рядом со стихами Ахматовой — еще и невежественный техред, и приходится все растолковывать насчет шрифтов, пробелов, висящих строк и пр. Но, вопреки Вашему совету, я все-таки еще раз написала Друзю и о Бродском и о вырванном из «Поэмы» клочке. Быть может, Вы правы, но я иначе не могу. Я хочу, чтобы в сверке и в моей переписке с издательством остался след моего протеста. Написала я сухо, не задорно, но отчетливо. <...>

А главное мое желание — это, чтобы Вы были здоровы и у Вас хватило сил на предстоящее.

Крепко жму руку.

Преданная Вам

Л. Чуковская

47. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

24/1 69

Дорогой Виктор Максимович!

Спасибо за

Я именем твоим не оскверняю уст.

Уверена, что Ваша догадка

прославленный Октябрь

корабль

— верна! Таким образом восстановлено еще одно стихотворение — почти — теперь нехватает только одной строки (4-ой во 2 четверостишии). Вы пишете, с моих слов, что там было 4 четверостишия. Нет, по-моему 3.

Тороплюсь сообщить Вам кое-что о стихотворении

Где ты, ночка молодая.

Оно было напечатано, как Вы знаете, в «Заре Востока», после смерти АА¹⁵⁶. Его напечатала некто Нина Ив. Пушкарская¹⁵⁷. Я ее спросила в письме: на каком основании? Откуда текст? Она ответила, что текст ей подарила Над. Як. Мандельштам со слов АА.

Но вот сейчас у Н. Н. Глен обнаружена магнитофонная запись чтения АА в 60-х годах. И там другая строка. Вместо

Что — зачем — ответчица

АА произносит

Что во всем ответчица.

Известно ли это Вам? И названо «В тифу». И возле даты: «Ташкент. Ташми».

Теперь просьбы к Вам превеликие и увы! довольно срочные...

Не знаю, известно ли Вам, что Дрюян вдруг прислал нам сверку? Идет ли книга и когда — неизвестно, но я счастлива, что сидя — или лежа — дни и ночи я заново все проверила и теперь читает Мария Сергеевна и еще раз будет читать Глен. Во многом меня выручили даты из присланного Вами «Нечета». Но —

У Ники Николаевны Глен хранится «Из шести книг», где АА своею рукою поставила некоторые даты. Без проверки я боюсь им верить, ибо в моем экз. АА тоже поставила кое-какие даты и — иногда — другие. Кое-что я проверила по журналам. Но кое-что можете сказать только Вы. Я подозреваю, что они у Вас готовы и под рукой и потому осмеливаюсь просить сообщить их мне (я сверку задержу еще дней на 5-6):

А.А. написала у Глен так:

«Хочешь знать, как все это было...» — 1910 [пометка В. М. Жирмунского: 29 окт. 1910, Киев]

«Я написала слова...» — 1911 [пометка В. М. Жирмунского: август; октябрь, 1910, ЦЮ ??? Ц<арское> С<ело>, осень — Дил<акторская>]

«Он длится без конца...» — 1913 [пометка В. М. Жирмунского: Лукн<ицкий> — ориг<инал>]

«Вместо мудрости — опытность...» — 1914 [пометка В. М. Жирмунского: Лукн<ицкий> — ориг<инал>. Дил<акторская> — осень 1913]

«9 декабря 1913» — это стоит как дата [пометка В. М. Жирмунского: так Лукн<ицкий>, Дил<акторская>]

«И вот одна осталась я...» — Весна, 1917 [пометка В. М. Жирмунского: кон<ец> 1917 — Дил<акторская>, ??? конец Лукн<ицкий>]

«Что ты бродишь неприкаянный...» — 1921 [пометка В. М. Жирмунского: декабрь 1921, П<етер>б<ур>г. Дил<акторская>, Лукн<ицкий>]

«А ты теперь тяжелый и унылый...» — лето 1917 [пометка В. М. Жирмунского: 22 июля 1917, Слепнево]

Далее:

Не знаете ли Вы, когда написана «Рахиль»? [пометка В. М. Жирмунского: 25 дек. 1921 ст<арого> ст<иля>, Лукн<ицкий>, Дил<акторская>]

«Косноязычно славивший меня...» 1912 или 1913? [пометка В. М. Жирмунского: Л<укницкий> — 1913; 1913? — Дил<акторская>]

«Опять подошли незабвенные даты...» 44 или 45? [пометка В. М. Жирмунского: 16 июня 1945 г. Фон<танный> Д<ом>]

«Пролог» — хотя бы «в общем и целом»?

Если можете — ответьте пожалуйста!

Лениздатская книга выглядит прегнусно — какие-то розочки возле стихов... Из «Поэмы» выдран клочок. Бродский убран. Буду писать им еще и еще... Но — толстая! самая полная Ахм, какая до сих пор была...

Поправились ли Вы? Мне очень неловко, что пишу Вам, не зная этого.

Жму руку. Преданная Вам

Л. Чуковская

48. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

30/1 69

Дорогой Виктор Максимович.

<...> Насчет Лениздатской книжки.

Я еще держу сверку у себя. Я-то прочла давно, сразу, но мне надо, чтобы прочли Ника, Толя, Мария Сергеевна, а они все, как назло, болели гриппом. (К. И. и Э. Г. прочли каждый свое.) Теперь все больные поправляются и по очереди читают. И скоро я все верну Друяну — еще раз написав ему (только более спокойно и сдержанно) об эпиграфе из И. Б<родского> и о вырванном клочке из «Поэмы». Пусть делают, как хотят, но *согласия моего не будет*.

У этой книги есть еще два врага — художник и техред. Письмом К. И. к Хренкову мы добились, что сняты «картинки». Но «виньетки» остались — и они ужасны. Какие-то обойные розочки. Об этом я тоже буду писать — и Друяну, и Хренкову.

Знаете, что удивительно? Ни в особом письме, ни устно по телефону, ни на полях корректуры — нигде — издательство не выражает требования убрать имя первого мужа А. А. В статье К. И. его имя с самого начала: «Я познакомился с АА, когда она была женой Н<иколая> С<тепановича>». Затем у меня в примечаниях... И ни звука, ни слова... ???

Правда, не выдать ли нам ее замуж за Ореста Цехновицера — в случае чего?¹⁵⁸
Или — Ивана Бунина? В самом деле.

Насчет дат.

Я хочу, чтобы Вы меня поняли.

В некоторых случаях (4-5) я буду ставить даты по воле АА — зная, что они не точны. Буду — потому что они, в сущности, не даты (хоть и стоят внизу слева), а элементы смысла, названья.

В некоторых — совсем сниму. (В 2-3-х.) Ибо, где нельзя сказать правды, там лучше молчать.

Но в остальных, т. е. там где речь идет об *ошибке* АА — я хотела бы ставить их правильно. Исправлять ее ошибки.

АА, с в о е ю рукой, проставила в экземпляре Н. Глен, в сборнике «Из шести книг», некоторые даты. С «Бегом» они не совпадают! Я хочу знать истину. Истину знаете только Вы — ибо только Вы видели рукописи. И я очень, очень, очень прошу Вас

не теперь,

а когда Вы будете в Комарове и почувствуете себя здоровым и бодрым, сообщить мне правильные даты таких стихов:

(вкладываю отдельный лист)

Даты?

«Рахиль», «Хочешь знать, как всё это было...», «Я написала слова...», «Он длится без конца...», «Вместо мудрости — опытность...», «9 декабря 1913» «И вот одна осталась я...», «Что ты бродишь неприкаянный...», «А ты теперь, тяжелый и унылый...»

Может быть, до матрицирования, я успею сообщить их, следом за сверкой, Дру-яну. А не успею — все равно, буду хоть знать сама правильные даты.

Пусть хоть не теперь — хоть гораздо позднее.

Будьте здоровы.

Спасибо за подробное письмо.

Ваша Л. Чуковская

49. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

21/II 69

<...> Спасибо Вам за письмо, и прежде всего за даты — да, низко кланяюсь Вам за даты. Некоторые я наверное успею поправить. И тут возникает загадка: на сборнике «Из шести книг», в экземпляре Ники Николаевны, А.А. поставила их своею рукою *верно* (т. е. они совпадают с Вашими); каким же образом и зачем в «Беге» она поставила — т. е. продиктовала их — неверно? Ведь «Бег» — позже... Да, наша дорогая Пуганица-Психея задает нам задачки...

Вы спрашиваете, каким образом, еще в Ташкенте, мог возникнуть у нее Гость из будущего — коль скоро мы знаем, что это Берлин, с которым она встретилась только в 45 году.

Я не уверена, конечно, в своем объяснении, но предлагаю такое:

Еще в 23 году, в «Новогодней балладе», она говорила о том, «кого еще с нами нет» — то есть, в сущности, о госте из будущего.

Этого гостя она издавна предчувствовала и тайно ждала.

Вероятно за него принимала многих.

В «Поэме» он называется «Гость из будущего» и у него есть конкретные приметы: «Повернув налево с моста»; «Он ко мне, во дворец Фонтанный, Опоздает ночью туманной»; «Он не станет мне милым мужем» и т. д. и т. п. Это — конкретный человек, сэр Исая¹⁵⁹. Но ведь в «Поэме» существует еще один, еще более г р я д у щ и й гость:

Чтоб сюда из чужого века
Неизвестного человека¹⁶⁰ —

Гость, который придет уже п о с л е нее...

А если это так, если Гость из будущего — величина непостоянная и повторяющаяся — то почему бы ему не быть и в Ташкенте?

Я сейчас ковыряюсь в одном экземпляре «Поэмы», куда АА диктовала мне и вносила своею рукой поправки с 53 по 60 год. Я его читаю в сопоставлении со своим Дневником. Кое-что мне уже ясно, кое-что еще нет — я ведь очень неумелый текстолог. Кроме того, мне более всего хочется переписывать «Записки» дальше, не отвлекаясь ни для чего, ни даже для «Поэмы»(!). Надеюсь, кончив разбираться, представить этот экземпляр и Вам. А пока хочу спросить у Вас, известен ли Вам — по другим экземплярам — первый вариант строфы о Шаляпине:

И опять тот голос знакомый
Словно эхо горного грома —
Ужас, смерть, прощенье, любовь.
Ни на что на земле непохожий,
Он несется как вестник божий,
Настигая нас вновь и вновь.

Этот текст был продиктован мне 2/1 57 г. (это не значит, конечно, что он был тогда написан — мы жили в разных городах); и заменен другим, теперешним, — 24/IV 60 г. (в моем экземпляре).

Вероятнее всего, Вы это и без меня знаете. Сообщаю на всякий случай.

Кусок прозы в примечаниях, именуемый «Письмо к NN» (примечание к предисловию) был написан 27 мая 55 года, но к нему она продиктовала мне поправки (очень существенные) — как видно из моей пометки на машинописи и из Дневника — [2]4 апреля 60 г.

Вот тут я могу утверждать не только — когда мне было сообщено, но и когда *создано*.

Теперь еще, увы! вопросы к Вам по датам (*если Вы в Комарове*).

1. Отвечая на мой вопрос, когда написаны стихи «Что ты бродишь неприкаянный», Вы, по ошибке, написали, «декабрь 28», чего никак не может быть, п. ч. они напечатаны в 22... Тут возможно либо 22, как в «Беге», либо 21, как у Ники Глен. Пожалуйста, поглядите еще раз¹⁶¹.

2. АА поставила своей рукой даты в сборнике «Из шести книг» не <только> в моем экземпляре (эти учтены в «Беге»), не только в экз. Ники Глен (о которых Вам писала), но и в экз. М. С. Петровых... И все разные... В большинстве дат у М. С. я разобралась сама, но об одной вынуждена спросить у Вас. Это стихи «Памяти 19 июля». В «Беге» они помечены 1916, а у М. С. — 1915. Мне хотелось бы знать, как на самом деле¹⁶².

3. Из Вашего ответа я не поняла — по своей бестолковости, разумеется! — когда же *написаны* стихи «9 декабря 1913 г.», помеченные в «Беге» — 15-м?¹⁶³

Извините, пожалуйста, меня, за эти вопросы.

Надеюсь, Вы здоровы.

Жму руку. Преданная Вам

Л. Чуковская

50. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

п/шт 9.5.69

Дорогой Виктор Максимович.

Я обзвонила всех друзей, пытаюсь установить, какова была традиция празднования дня рождения А.А. Пересмотрела и свои записи.

Вывод таков: АА со своим днем рождения кокетничала, говорила кому так, кому этак, а праздновала в последние лет 10 два дня подряд. В один летний день я привезла ей от К.И. из Переделкина в Москву целый жасминный куст с поздравительным письмом; она любезно поблагодарила; это было 23-го — и я видела кругом корзины и вазы с цветами. На следующий день я была у нее по делу и когда при мне одна дама принесла ей цветы, извиняясь, что опоздала, АА сказала ей: «Не огорчайтесь — на самом деле день моего рождения сегодня, 24-го. Вы ничуть не опоздали». Желая же кого-нибудь уязвить, она говорила: «Что вы это вздумали меня поздравлять сегодня? Всем известно, что я родилась вчера». Это была ее игра, то насмешливая, то злая, то добрая. Когда она поссорилась (ненадолго) с одним из своих друзей и он прислал ей 23-го великолепную корзину цветов, она сердито сказала мне: «Такие корзины наверное посылают Руслановой¹⁶⁴. И почему сегодня? Ведь мое рождение только завтра».

Я думаю, надо поступить «официально», т. е. принять, что если «по старому» она родилась 11 июня, а в XIX веке прибавляют 12 дней — стало быть, день ее рожде-

ния 23 июня. Кстати, так и указано в календаре на 69 год: 80-летие отмечается 23 июня.

До меня дошли слухи относительно разночтений в стихотворении «De profundis». И будто бы Вы склоняетесь к горе, т. е.

До вершины великой горы

Собственной записи со слов АА у меня нет, но в 66 г. Ника Николаевна Глен подарила мне список этого стихотворения, где значится:

До вершины великой весны.

Мне кажется, так вернее, потому что в следующей строке речь идет о цветении, что соответствует весне. Кроме того «сочтены» и «весны» — рифма. Но я не знаю, что у Ники Николаевны: автограф или запись? Она через неделю вернется из Крыма, и я у нее справлюсь и Вам доложу. Не может ли в Вашем автографе быть просто описка¹⁶⁵?

Очень меня огорчает Ваше нездоровье и вызванные им грустные мысли. Я, к сожалению, тоже, весьма подвержена и тому и другим. Стараюсь одолевать.

Друян не ответил мне на три письма. Причем они отнюдь не были вопросительными.

С нетерпением буду ждать июньского номера «Нового Мира».

Будьте здоровы. Крепко жму руку.

Л. Чуковская

51. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

3/VI 69

Дорогой Виктор Максимович.

Прочли мне Вашу статью. Я слушала и завидовала Вам, Вашему умению: Вы сказали так много и так много нового и так богато и так точно и в то же время таким спокойным, почти бесстрастным и тем более убедительным голосом. Статья короткая, а обнимает все самое существенное. Иногда мысли намечены только пунктиром — но я надеюсь, в Вашей книге этот пунктир будет углублен и развит — о «Поэме без героя», в частности о «Решке».

(Мне жаль, что Вы не прислали мне списка стихов, входящих в состав публикации. Я бы тогда увидела ее как-то всю в целом.)

А как звучит золотой песок, найденный Вами! А как интересно — и ново — о северных элегиях!

На фоне околесицы, ахинеи, вранья и неточностей, вольных и невольных, которыми захлестнута поэзия и биография АА — Ваша статья особенно необходима.

А теперь позвольте сделать несколько замечаний. Я надеюсь, Вы не будете за них в обиде.

1. На стр. 10, в первом абзаце, Вы цитируете строки из моей записи. Но цитируете с ошибкой. Я очень встревожена: успеете ли исправить? По-видимому, это описка машинистки.

Речь в моей записи, напомним, идет о том, что вот, мол, можно любить стихи, даже еще и не понимая их. Я рассказываю Анне Андреевне, что я и моя подруга Женя Лунц, в 12-летнем возрасте, упивались «Незнакомкой» Блока, еще совершенно ее не понимая¹⁶⁶. И спрашиваю, чем это объяснить?

Анна Андреевна отвечает мне:

«Они были для вас новой гармонией, вот чем, — сказала АА. — Таким был для меня Иннокентий Анненский. Я пришла один раз к К<оле>Г<умилеву>. Он кончал срочную корректуру. «Посмотри пока эту книгу», — сказал он мне и подал только что вышедшую книгу Анненского. И я сразу перестала видеть и слышать, я не могла оторваться, я повторяла эти стихи днем и ночью... Они открыли мне новую гармонию».

А Вы цитируете: «новую жизнь».

Я понимаю, что Вам нужны только последние строчки, а все остальное — нет. Но речь идет о новой гармонии, а не о новой жизни — и я очень, очень прошу Вас исправить эту описку — если надо телеграфом, телефоном — но непременно исправить. АА была всегда точна в своих определениях, и я старалась сохранить эту точность.

2. Вы много и интересно говорите о «народности» ахматовских стихов, о женской крестьянской доле, о песнях, параллелизме и пр. Все так; но мне жаль, что Вы не ссылаетесь при этом на слова Мандельштама:

«В ее стихах отнюдь не психологическая изломанность, а типический параллелизм народной песни..... Стихи ее близки к народной песне не только по структуре, но и по существу, являясь всегда, неизменно причитаниями. Принимая во внимание чисто литературный, сквозь стиснутые зубы процеженный, словарь поэта, эти качества делают ее особенно интересной, позволяя в литературной русской даме двадцатого века угадывать бабу и крестьянку». (См. том, где Никита, стр. 409—410¹⁶⁷.)

Это гораздо точнее, чем Шагинян — чья рецензия, я помню, была глуповата¹⁶⁸.

3. На стр. 28 тоже какая-то описка (в последних строках). Вы пишете: «картина полета на Восток через Каму, Урал, Сибирь». Почему полета? *Л е т е л а* она не на Восток, а всего лишь из Л<енингра>да в Москву; из Москвы в Казань — поездом; из Казани в Чистополь — пароходом; из Чистополя в Казань — пароходом; из Казани в Ташкент — поездом. Так было в действительности, так и в «Поэме» «над Ладогой и над лесом» «неслась» (т. е. самолет); «*предо* мною прямо Леденела и стыла Кама» (предо, а не подо); «тоннелями и мостами *загремел* сумасшедший Урал» — гремит на мостах поезд и входит в тоннели поезд, а не самолет.

Где-то — уже не могу найти, где — Вы, кажется, употребляете выражение «ее спутник Шостакович». (Я не записала стр. и теперь не могу найти.) Насколько я знаю, Шостакович летел из Л[енингра]да не в м е с т е с ней, а следом¹⁶⁹. (Это надо проверить.)

4. АА очень не любила, когда ее называли «поэтессой». У Вас же это слово встречается часто — см. напр., стр. стр. 1, 13, 14, 20, 21, 23, 24.

5. Вы глубоко правы, утверждая, что поэзия Ахм<атовой> патриотична. Это так. Ахм<атова> любила Россию, выражала ее, нерасторжима с ней и пр. См. напр. «Родная земля» или «С самолета». Но ее особая любовь — передается ли словом «патриотизм» — слишком общим? Ладно, пусть даже так, но у Вас на стр. 18 оно повторяется в изобилии...

6. На стр. 2 Вы очень резко отрываете АА от модернизма. Верно ли это? У меня есть запись (в м о е м II томе) где АА вполне свободно говорит:

«Мы, модернисты, напрасно противопоставляли Достоевского Толстому» и пр.¹⁷⁰

7. Стр. 27. Не согласна, что в «Поэме» автор *упрекает* Князева, что тот не погиб, *защищая Родину*

ни в проклятых Мазурских болотах,
ни на синих Карпатских высотах
и пр.

8. На стр. 26 выражение «не сумевшего пережить измену своей Травиаты» — представляется мне неудачным. О каком умении тут может идти речь? «Оказавшегося не в силах»?

Вот и все придирки.

Буду радостно ждать появления Вашей статьи в печати.

Еще о гневе АА на Ал<ександра> Трифоновича.

Я Ал<ександра> Тр<ифоновича> люблю и почитаю еще со «Страны Муравии» (хотя и там ложь). Знаю, что он большой поэт и замечательный обществ<енный> деятель. «Новым Миром» он сделал огромное дело.

НО

в исторический момент нашей жизни — в 1956 г. — н е л ь з я было, грешно было — выступить с полуправдой... О мертвых: «aut bene aut nihil»¹⁷¹, а о замученных и убиенных или н и ч е г о, или *п о л н у ю* правду. Он же, в смысле понимания событий, отставал; и в 56 г., вместо того, чтобы промолчать, если уж нельзя было сказать *всё*, очень задушевно и трогательно высказал свою четвертьправдочку... Подумайте, могла ли ее принять АА, которая всегда была великим инструментом правды? Бывают минуты в истории, когда неполнота правды превращается в лжесвидетельство на суде. Т о г д а была такая минута¹⁷².

Жму Вашу руку и благодарю за статью.

Преданная Вам

Л. Чуковская

Дорогой Виктор Максимович.

Я тоже терпеть не могу, когда пишут или говорят: врач сказала, секретарь вошла, инженер торопилась и пр.¹⁷³

И не люблю, когда в статьях (не в мемуарах!) называют великих людей по имени и отчеству.

Мне кажется, единственный все-таки выход, это — не бояться повторения слова «Ахматова». (Я еще не боюсь в таких случаях и «она», но это не Ваш стиль.)

Вообще — у меня нет перед глазами рукописи — но, мне кажется — в каждом конкретном случае можно найти выход.

Я понимаю, что Вы раньше не знали Манд<ельштамовских> строк об Ахм<атовой> (крестьянка) — но что Вы будете делать теперь? Будет ли возможность их процитировать в верстке?

Насчет корректуры. Мелкий шрифт статьи — мне, действительно, читать трудновато — я могу; но с лупой и медленно — а крупный, стихов, легко. Так что, если понадобится, располагайте мной.

За Путаницу большое, большое спасибо. В самом деле, очень интересно узнать что АА видела перед собой, когда писала это слово — какой костюм, какой образ¹⁷⁴.

Итак, процесс проигран... Полагаю не без участия т-те Волковой¹⁷⁵, которой хочется поддерживать добрые отношения с Пуниной. Ир. Ник. теперь имеет возможность решать — кому показывать, кому не показывать... Мне, слава Богу, от них ничего не надо, — но вот положение Эм. Гр. меня бесит. На самом деле о н а имеет гораздо более прав решать, что показывать Ирине, что нет, чем наоборот.

Невское взморье меня тоже поразило (АА пересказала мне все 1/IX 52!); и я прочла Э.Г. Ваши добрые строки¹⁷⁶.

Теперь о другом.

Вспомнила свою запись: как АА с яростью при мне, по телефону, отменила и запретила свой вечер, предполагаемый Лит. Музеем. Долго кричала на них по телефону, не желала ни одного из предлагаемых ей людей. Сказала им: «я умру — тогда и делайте, как хотите».

Вот и делают. <...>

Я готовлюсь к 100-летию со дня рождения Ахм<атовой>. Никого из нас уже не будет на свете, но правда будет на нашей стороне.

Крюков, по-видимому, глуп и невежественен. Он прислал Эмме Гр. список стихов, публикуемых им в Алма-Ата¹⁷⁷. «Неопубликованные и забытые». Среди них: «Я с тобой, мой ангел, не лукавил» (!) и «Высокомерьем дух твой помрачен» (!) — кем и когда были эти стихи забыты? — затем «Многим» — опубликованное мною в 67-м в Грузии¹⁷⁸ — для забвения срок короткий. Затем «Стансы»...

Насчет Гослитиздата я расспрашивала Нику Николаевну. Она говорила с редакторшей, внушая ей мысль о подготовленных Вами текстах. Будет внушать и впредь.

С нетерпением жду «Юность» и «Новый Мир».

Будьте здоровы. Спасибо. Жму руку. Ваша

Л. Чуковская

О нашей книжке — ни слуху ни духу. Мне это больно.

А читали ли Вы Тименчика? Про «Поэму без героя» и Кузмина? Я читала. Он прав, что связь есть, но, по-моему, только ритмическая. Когда же он говорит о героях — это вздор. Первое посвящение было написано Мандельштаму — а не Князеву — так что зеленые глаза Князева у Кузмина — к делу не относятся. Затем «Брюлловским манит плечом» в «Решке» — и «красавица, как с полотна Брюллова» в «Форе-рели»¹⁷⁹. Он полагает, будто «Брюлловским манит плечом» в «Решке» — это о Судейкиной... Но ведь это о романтической поэме, а не о женщине...

Еще раз — будьте здоровы.

Л. Ч.

53. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

26/VI 69

Дорогой Виктор Максимович.

Прочитала «Юность»¹⁸⁰.

Статья очень хороша — даже удивительно, что Вы сумели так много сказать на маленькой площади — в сущности, всё самое главное.

Многим стихам я порадовалась. Увидели свет!

Но должна также и огорчить Вас.

Вы напечатали один п е р е в о д А. А., приняв его за оригинальное произведение 1910 г.

Я имею в виду: «Когда моя настанет смерть, Душа кукушкой обернется».

Это — перевод с корейского, напечатанный в 58 г. в книге «Корейская классическая поэзия», 1958, стр. 251.

По-видимому, ошибка произошла потому, что Вы обнаружили эти стихи в какой-нибудь из тетрадей АА. Но откуда мог взяться 1910 г.?

Затем я не уверена, что следовало печатать *всё*. Попадаются шедевры, но и совсем слабые стихи. М. б. их следовало оставить до Полного Собр. Сочинений? Впрочем, это упрек, разумеется, спорный.

Затем я не поняла, почему, печатая вариант (и, по-видимому, отвергнутый автором) стихотворения: «Веет ветер лебединый», Вы не указываете, что это вариант? Ведь во всех авторских сборниках напечатано другое — беловик. М. б. надо было сделать сноску?

И затем еще — в первом абзаце статьи Вы говорите о двух мировых войнах и всего лишь об одной революции; а ведь революций тоже было две...

На этом кончаются мои придирки.

Жду, жду «Нового Мира»... Но этот несчастный журнал никак не может выйти вовремя. Когда мы дождемся № 6!

А что — в «Звезде» тоже что-нибудь появилось?¹⁸¹

Жму руку. Преданная Вам

Л. Чуковская

См. на обороте!

P. S. Мне кажется, в замечательном «Отрывке» («О Боже, за себя я все могу простить»), который, кстати, сама она очень ценила и почему-то считала потерянным — необходимо ударение на **Что** — **Что** люди делают...

Л.Ч.

54. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

п/шт 30/VI 69

Дорогой Виктор Максимович.

Наши письма разминулись в дороге. Я написала Вам о «Юности» *до того*, как получила Ваш подарок и большое письмо.

Теперь могу ответить на Ваше письмо, вложенное в «Юность».

1) Ника Николаевна обещала мне *сегодня* (30/VI) поговорить в Гослите о текстах; завтра же она *сама* напишет Вам, какой у нее состоится разговор.

2) Упаси меня Бог — когда я писала Вам о негодном, на мой взгляд, составе участников вечера — упаси меня Бог что-то навязывать и подсказывать Вам. Я просто думала вслух с пером в руках — и более ничего. Нисколько не «капая Вам на мозги» (как теперь выражаются), я имела в виду, что собраны на этом вечере люди случайные, а иногда и враждебные АА, а иногда просто нелюбимые ею. Или чужие ей. Из поэтов она ценила: Самойлова, Корнилова, Бродского, Тарковского, Горбаневскую¹⁸² — зачем же Щипачев¹⁸³, а не они? Об Ардове Вы пишете, что в глазах «всех» — это был дом АА. Для меня глаза всех не довод: я знаю то, что я знаю. В глазах «всех» Ирина — дочь АА, а сероглазый король — лучшее стихотворение Ахматовой...

Против Суркова, как председателя, я ничего не имею. Он — официальное лицо, вроде швейцара, Бог с ним. Кроме того, хотя он причинял АА много горя, **х о т е л** он ей добра, это верно. И она относилась к нему не худо.

Я от души желаю, чтобы в Гослите получилось все так, как Вы предлагаете. Это было бы разумно, удачно. Надеюсь, так и будет. Впрочем, Лев Толстой в одном письме писал: «Это было бы весьма разумно, но я знаю, что разумного не будет, а безумное совершится».

Когда-то АА говорила мне: «не теряйте отчаянья»¹⁸⁴. Я не теряю, и потому у меня бывают радости.

Спасибо за присланный журнал. Это радость.

Вчера мы получили № 4 «Нового Мира». Значит, 5-й вот-вот... Жаль, что стихи АА окажутся в разлуке с Вашей статьей — но — но — но — и то слава Богу, что «Новый Мир» успеет дать публикацию...¹⁸⁵

(Да, вот что сказала мне Ника: двухтомник Гослита стоит в плане 1970 г. *не на выход*, а на *редподготовку*... А Вы, кажется, думаете, что на выход.)

Преданная Вам

Л. Чуковская

55. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Москва, 7/VIII 69.

Дорогой Виктор Максимович.

Простите меня, что не сразу отвечаю на Ваше письмо. Нет, нет, я не превращаюсь в Лукницкого, хотя получила я Ваше письмо на даче, а все нужные бумаги у меня в городе. Я думала, что окажусь в городе быстро, и тогда отвечу, но заболела на даче и вот только сейчас вырвалась сюда. И спешу ответить по всем пунктам.

1) Вы спрашиваете, знала ли я что-нибудь о причастности Суркова к огоньковскому циклу?¹⁸⁶ Нет, не знала: я ведь стала встречаться с АА после 10-летнего перерыва только в 52 г., а этот ужас приключился с ней раньше. И она о нем говорить не любила. Это была рана. Зачем Сурков говорил об этом в светлый день рождения АА — не пойму. Она при мне изорвала в клочки список этих стихов, предложенных редактором для книги 61 г.; она сказала своему заграничному редактору: «эти стихи не существуют» (после чего он напечатал их)¹⁸⁷.

О них позволительно было бы говорить, прочитав предварительно «Реквием», «Стансы» и пр. А так — зачем?

2) Вы пишете, что Музей не распространял билеты широко, боясь, «как бы чего не вышло». Да, распространял столь узко, что даже я не получила. И другие члены Комиссии.

3) У меня новый телефон — запишите, умоляю, в свою телефонную книжку! <...>

4) Думаю, что «Подражание корейскому» — собственные стихи АА — так же, как «Подражание армянскому». Очень уж тесно связаны они с одной из ее постоянных тем (см. хотя бы начало «Так отлетают темные души»). Я еще поговорю с Н. Глен и М. Петровых — спрошу, что они про это знают?

5) Насчет «De profundis». Я за весну и против горы. Думаю, что в Вашем автографе просто описка. Основания мои таковы:

I) Речь идет о цветении, поэтому весна — естественна.

II) Рифма

III) Мною эти стихи, уже после кончины АА, переписаны со списка Н. Глен. А у нее список с автографа¹⁸⁸.

6) Я буду всячески искать у себя окончание стихов Гаршину («Глаз не свожу с горизонта...»). М. б. еще и найду. Только там не может быть «смерти» — как Вы предположили —

Больше болезни, тюрьмы

п<отом> ч<то> в следующих строках:

Я молилась, чтоб смертной муки
Удостоились вместе мы.

7) Насчет разночтений. Они действительно бывают очень интересны. Вот у М. С. Петровых есть экземпляр Ахматовой 58 года. (Вы оттуда переписали автограф «Забудут — вот чем удивили».) Но заметили ли Вы, что там очень интересное разно-

чтение в стихах: «Как в трапезной: скамейки, стол, окно» («Бег времени», 352). В «Беге» конец какой-то синтаксически мутный, а в этом автографе все ясно:

В изгнании сладость острая была,
Неповторимая, пожалуй, сладость...
И родина сухого винограда
Нам мирное пристанище дала
1944, Ташкент
Балахана

Так вот, я думаю, что это и есть п р а в и л ь н ы й текст, а перемена в «Беге» вызвана испугом перед словом «изгнание».

Перечла еще раз (с лупой) Вашу статью — и опять она мне понравилась — только жаль, что она разлучена со стихами, и жаль, что среди стихов нет элегии «В том доме было очень страшно жить» — это портит наглядность Вашего открытия...¹⁸⁹ И еще, мне кажется, я нашла маленькую ошибку: Вы пишете, что «Клеопатра» Ахм<атовой> связана с известными строками Пушкина. С какими же? Где у него Антоний, римский орел и весь этот эпизод? Мне кажется, ахм<атовская> «Клеопатра» — слепок с шекспировской, а не с пушкинской. И очень точный. «Антоний и Клеопатра»¹⁹⁰.

Будьте здоровы. Еще раз — извините задержку. Вам кланяются К.И., Люша, Ника, Э. Гр., М. С. Жму руку

Ваша Л. Чуковская

56. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

Переделкино, 30/VIII 69.

Дорогой Виктор Максимович.

Спасибо за листок из «Звезды»¹⁹¹. Если бы не Вы, 80-летие А. А. прошло бы не отмеченным. А Вы дали такое изобилие новых стихов! Быть может, не следовало бы давать «столько много», как говорят дети. Ведь кое-что она сама не давала совершенно сознательно, считая неудачей. Но я понимаю, что сейчас уже есть целый круг людей, которому интересна *любая* строка Ахм<атовой>. Кроме того, за «Каторжаночку», за «Волка», за «И никакого розового детства», за «Если ты смерть» *все* должны сказать превеликое Вам спасибо¹⁹².

«А я иду, где ничего не надо» у меня записано чуть иначе: не глухого, а чужого сада. Но автографа у меня нет... Очень интересен вариант «Из ташкентской тетради»...

Но насчет «De profundis» и «Клеопатры» я позволяю себе остаться с Вами не согласной. Как бы бел ни был беловик — автограф «De profundis», — описка все равно возможна; рука написала «вершины» и механически «горы». Вы говорите, что «горы»

и «сочтены» рифма, хоть и <не>полная; это так; но она не ахматовская. Вы спрашиваете, что такое вершина весны? Да высшая точка ее цветения.

Насчет «Клеопатры». Да, я знаю, что эпитафия там из Пушкина. Но эпизода этого у Пушкина нет, а есть он у Шекспира. Сказала мне о Шекспире сама АА; цитирую свой Дневник:

8/II 40 г. АА прочитала мне впервые «Клеопатру». 3/III 40 г. она сообщила мне, не называя имен, что многим слушателям не по душе строка «еще с мужиком пошутить». Я на этот упрек возражала. Далее цитирую точно слова АА:

«Все забыли Шекспира. А моя «Клеопатра» очень близка к шекспировскому тексту. Я прочитаю Лозинскому, он мне скажет правду. Он отлично знает Шекспира».

Да, дело к Вам — и, мне кажется, очень важное. Не думаете ли Вы, что для издания Гослитовского двухтомника Ахматовой, было бы очень важно, чтобы одним из издательских редакторов была Ника Глен? Она:

- 1) очень надежный, твердый, хороший человек
- 2) отлично знает поэзию Ахм<атовой>.
- 3) прекрасный «издатель»: т. е. корректор, техред и пр.
- 4) у нее самой хороший ахматовский архив
- 5) она работает, служит в Гослите — только не в том отделе, где будет двухтомник (заведует всеми переводами с болгарского).

Если бы привлечь ее к внутрииздательской работе над двухтомником — Вам это сильно облегчило бы всё, Вы имели бы дело непосредственно с человеком аккуратным, добросовестным, знающим, любящим. АА очень любила и ценила Н.Н.

Думаю, если Вы обратитесь с таким письмом к Суркову, натолкнете его на идею подать эту идею Гослиту — дело будет в шляпе.

Жму Вашу руку.

Л. Чуковская

57. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

7/VI 70

Дорогой Виктор Максимович. Простите, что не сразу отвечаю на Ваше письмо, которому — вне зависимости от печали, в нем содержащейся — я была от души рада. Но мне все время мешали ответить то “внутренние” землетрясения (происходящие в области сердечной мышцы или левого желудочка сердца), то “внешние”, мелкие и крупные.

А в сущности, минуя печали и землетрясения, Вы кончили книгу. Поздравляю Вас с этим. Дай Бог Вам — и каждому из нас! — исполнять свой долг перед АА, а то, что от нас не зависит, то не зависит.

Мы с Э.Г. написали письмо А. А. Суркову, как к председателю ахматовской комиссии — с просьбой подтолкнуть издание книги в Лениздате. Ответа не получили. Наверное, его и не будет.

Насчет Кузмина.

Мне уже очень давно известна работа Тименчика, в которой он сопоставляет «Поэму» АА с «Форелью». Насчет строфики он прав (что подтверждается и моими записями: она читала — брала у меня — «Форель» как раз накануне начала работы над «Поэмой»), но зато все остальное — вредная чушь. (Хотя Тименчик не Крюков; из него вероятно будет со временем толк.) Но он в той же работе делает всякие глубокомысленные заключения о близости «Поэмы» («Форели...». — *Сост.*) к «Решке» на том основании, что в «Решке» якобы изображена Судейкина! в то время как в «Решке» изображена отнюдь не эта реальная дама, а «столетняя чаровница», т. е. романтическая поэма, и речь идет о процессе творчества. Но, видите ли, у Кузмина в «Форели» упомянута «красавица, как с полотна Брюллова» и ее плечи, а у Ахматовой сказано:

И Брюлловским манит плечом...

Надо ровно ничего не понимать в «Решке», чтобы увидеть там Судейкину.

Читала я и новую работу Тименчика «Ахматова и Хлебников»¹⁹³. Тоже не очень-то. Тема «Ахматова и Блок» — нечто органичное, естественное, подсказываемое самой поэзией. Ахматова и Хлебников — это в своем роде «Тургенев и тигры». А.А. ценила и любила Хлебникова. Она взяла (временно) 2 эпитафии из его стихов — один к «Поэме», другой к «Подвалу памяти». И от обеих постепенно отказалась. Ну и что? Ну и ничего. Не терплю наблюдений ради наблюдений.

Я тоже очень хотела бы, чтобы Вы прочли, дорогой Виктор Максимович, мои записки дальше. Правда, сейчас я двигаюсь вперед раз в 10 медленнее, чем раньше. Но все-таки я уже достигла октября 58 г...

Вам есть что почитать новенькое — но — летнее время, то да сё, все немножко труднее (технически), чем было раньше. Однако трудности будут преодолены. Вы всё прочтете.

Просьба к Вам. Нет ли у Вас двух мест из «Пролога», о которых я слышала, но которых нет у меня?

- 1) Четверостишия или шестистишия, в котором упоминается Ева¹⁹⁴?
- 2) И такое стихотворение — не знаю начала:

Что бы мы ни делали с тобою,
Продолжался, я теперь не скрою,
Наш преступный брак.
Мы его скрывали друг от друга,
От людей, от Бога, от конца,
Помня место Дантового круга

Словно лавр небесного венца¹⁹⁵.

Вот какая у меня к Вам большая просьба...

Радуюсь, что прочитаю скоро «Блока и Ахматову» — в любом журнале.

Светопреставление, творившееся в «Новом Мире», наблюдать вблизи было тяжело... Были дни, когда они вряд ли помнили собственные имена и фамилии. Не то что мои или Ваши, Ахматовой, Блока или Чуковского!

Надеюсь, что с Владимиром Николаевичем снова все уладится. Почему-то питаю эту глупую надежду¹⁹⁶.

Будьте здоровы. Радуюсь и завидую Вашей работоспособности.

На днях меня (как шкаф или кресло) перевозят на дачу. Охоты двигаться с места не имею никакой и потому добра не жду. Но посмотрим.

Крепко жму руку.

Л. Чуковская

Список сокращенных названий

БВ — Анна Ахматова. Бег времени. Стихотворения. М.; Л.: Сов. писатель, 1965.

БВП — Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы / Сост., подготовка текста и примеч. В.М. Жирмунского. Л.: Советский писатель, 1976. (Библиотека поэта; большая серия).

«Записки» — Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М.: Согласие, 1997. Т. 1 (1938—1941); Т. 2 (1952—1962); Т. 3 (1963—1966).

«Двухтомник, 1990» — Анна Ахматова. Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990.

Т. 1: Стихотворения и поэмы / Сост., подготовка текста, коммент. В.А. Черныха.

Т. 2: Проза. Переводы / Сост., подготовка текста, коммент. Э.Г. Герштейн, Н.Н. Глен, В.А. Черныха и др.

«Однотомник, 2000» — Ахматова А. Стихотворения. Поэмы. Автобиографическая проза / Сост., подготовка текстов, коммент. Н. И. Крайневой. М.: SLOVO/СЛОВО, 2000 (Серия «Пушкинская библиотека»).

Примечания:

1. Инициалами и неполными именами обозначены: А. А. — Анна Андреевна Ахматова; И. Н. — Ирина Николаевна Пунина; Лева, Л. Н. — Лев Николаевич Гумилев; Н. С., Н. С. Г. — Николай Степанович Гумилев; Э. Г. — Эмма Григорьевна Герштейн, К. И. — Корней Иванович Чуковский; М. С. — Мария Сергеевна Петровых; В. К. Ш. — Владимир Казимирович Шилейко; Вс. К. — Всеволод Гаврилович Князев; О. М. — Осип Эмильевич Мандельштам.

2. Орлов Владимир Николаевич (1906—1985) — историк литературы, главный редактор Большой серии «Библиотеки поэта» с 1956 по 1970 год.

3. Петровых Мария Сергеевна (1908—1979) — поэт и переводчик, близкий друг Ахматовой. Подробнее о ней см. «Записки». Т. 2. С. 680—682.

4. Школьная тетрадка... вариант 1940—42 — первая сохранившаяся редакция «Поэмы без героя»; в настоящее время хранится в архиве Л.К. Чуковской в Отделе рукописей РНБ (ф. 1414, ед. хр. 5).

5. Речь идет о записи Ахматовой «Для Лиды», сделанной в тетради «Лермонтов» (тетрадь вплетена в обложку книги из собрания сочинений Лермонтова). Запись представляет собой рецензию Ахматовой на первый том ее «Сочинений», вышедший в США в 1965 г. под редакцией и с предисловиями Г. П. Струве и Б. А. Филиппова — см. «Записки». Т. 3. С. 465—467, а также: Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966) / Сост. и подготовка текста К. Н. Суворовой / Вступ. Статья Э. Г. Герштейн. М.; Torino. С. 697—700.

6. Американское издание -Ахматова А. Сочинения. Т. I. <Вашингтон>: Международное литературное содружество. 1965.

7. «Нечет», как раздел книги, был задуман еще в Ташкенте, о чем свидетельствует строка «А я дописываю “Нечет” / Опять в предпесенной тоске...» из стихотворения 1943 года «Еще одно лирическое отступление», имевшего первоначальное заглавие «Вступление к Ташкентской поэме». Впоследствии «Нечет» стал отдельным разделом в двух «зарезанных» книгах 1946 г.: «Стихотворения Анны Ахматовой. 1909—1945» (М.; Л.: Гос. изд-во худож. литературы, 1946) и «Седьмой сборник стихотворений Анны Ахматовой. 1940—1946» (М.: Изд-во «Сов. писатель», 1946). По своему составу разделы «Нечет» в обеих книгах 1946 года были абсолютно идентичны и включали стихотворения 1941-1945 гг., расположенные по пяти подразделам, начиная со стихотворения «Клятва» в подразделе «I» и заканчивая стихотворением «Памяти друга» в подразделе «V». К заглавию «Нечет» Ахматова вернулась в 1957 году, когда на титульном листе возвращенной издательством «за истечением срока архивного хранения» рукописи «Седьмая книга. Сборник стихотворений Анны Ахматовой. 1940—1945. Ленинград — 1946» она приписала «Нечет», изменив соответственно даты на «1940—1957» и «Ленинград. 1958». В ахматоведении эту рукопись условно обозначили как «Нечет I» (именно ее имеет в виду В.М. Жирмунский). Соответственно «Нечетом II» стали называть второй экземпляр этой же машинописи «Седьмого сборника стихотворений Анны Ахматовой. 1940—1945. Ленинград 1946», который Ахматова подарила Г.П. Макогоненко, с другим, надписанным от руки титульным листом: «Нечет. Седьмой сборник стихотворений Анны Ахматовой. 1936-1946». Вставок и исправлений в нем во много раз меньше и они не всегда дублируются, по сравнению с «рабочим» экземпляром «Нечета I». «Нечет I» хранится в Отделе Рукописей РНБ, «Нечет II» — в РГАЛИ. (Входящие в «Нечет II» тексты ошибочно опубликованы в качестве подлинной рукописи в 2001 году в издательстве «РАНДЕВУ-АМ» в серии «Единая книга»). В последнем прижизненном сборнике стихотворений Ахматовой «Бег времени» от прежнего состава «Нечета» ничего не осталось, наоборот, практически все стихотворения раннего «Нечета» (образовавшие впоследствии циклы «В сороковом году», «Ветер войны», «Луна в зените» и др.) были в «Беге времени» включены в раздел «Седьмая книга». В личном архиве поэта сохранились также планы последних лет отдельной книги «Нечет», в которых состав и последовательность расположения стихов отличны от разделов «Нечета» в книгах 1946 г. и от рукописей «Нечета» I и II. Таким образом, можно говорить о пяти известных нам вариантах состава

раздела «Нечет»: в не вышедших книгах 1946 г., в рукописях «Нечет I» и «Нечет II», в неосуществленных планах отдельного издания «Нечета» и, наконец, в книге «Бег времени» (примечание Н.И. Крайневой).

8. Лукницкий Павел Николаевич (1900—1973) — писатель, исследователь жизни и творчества Н.Гумилева, составлявший вместе с Ахматовой его «Труды и дни». Познакомился с Ахматовой в 1924 году. Автор книги: «Встречи с Анной Ахматовой» (Т. 1. 1924—25. Париж, 1991; Т. 2. 1926—1927. Париж; М., 1997).

9. *Бег* — здесь и далее «Бег времени» (М., 1965), последний сборник Ахматовой, вышедший при ее жизни. Составителем этой книги была, по просьбе Анны Андреевны, Л. Чуковская.

10. ...Толей. — Имеется в виду Анатолий Генрихович Найман (р. 1936), поэт, переводчик, с конца 1962 года исполнял обязанности секретаря Ахматовой. Более подробно о нем см. «Записки». Т. 3. С. 360.

11. Ардов Виктор Ефимович (1900-1976) — писатель-сатирик.

12. Глен Ника Николаевна (р. 1928) — переводчица с болгарского и редактор переводов, близкий друг Ахматовой. Подробнее о ней см. «Записки». Т. 2. С. 746.

13. В ББП эти стихи ошибочно напечатаны среди дополнений к отрывкам «Из пьесы “Пролог”» // ББП. С. 336. В экземпляре Чуковской на той же странице ББП против последней строки стоит ее пометка: «Простит ли нас?»

14. Окончательный текст последней строки: «В эфире восстать голубом» // ББП. С. 298.

15. Напечатано впервые в сб. «Памяти Анны Ахматовой» (Париж, 1974. С. 17). В СССР — в газете «Коммунист» (Лиепая. 1979. 8 сентября. Публикация С.Дедюлина).

16. В ББП (С. 290) эти стихи напечатаны с искажениями. Ныне стихотворение печатается правильно, см.: «Однотомник, 2000». С. 374.

17. На самом деле: «В моей Москве кровавой» (см: «Однотомник, 2000». С. 361).

18. Речь идет о стихотворении «Кого когда-то называли люди...», которое Жирмунский обнаружил целиком «не в том виде, в котором оно было прочитано мне Анной Андреевной, — вспоминает позднее Чуковская, — а в еще более полном: четыре добавочные строки в начале, а во втором четверостишии — перемены... В ББП стихотворение опубликовано полностью, но не там, где ему полагается быть, а в отделе “Другие редакции и варианты” (с. 411)». — «Записки». Т. 2. С. 182—184. Полный текст стихотворения был обнаружен Жирмунским в архиве Ахматовой в Отделе рукописей ГПБ (ныне РНБ).

19. Нечкина Милица Васильевна (1901—1985) — историк, академик АН СССР.

20. Опубликовано Л. Чуковской в «Литературной Грузии» (1967. № 5. С. 64).

21. Впервые — «День поэзии». М., 1971. С. 156. Об этой публикации см. также примеч. 86 к письму 25.

22. Поэт и переводчик Михаил Леонидович Лозинский (1886—1955) был другом Ахматовой. «Лозинский, — пишет Жирмунский, — был секретарем редакции литературно-художественного журнала “Аполлон”, где печатались... ранние стихотворения Ахматовой, владельцем издательства “Гиперборей”, литературным редактором “Четок” и “Белой стаи”, а также редактором и издателем стихотворного ежеме-

сячника «Гиперборей» (октябрь 1912—декабрь 1913, 10 выпусков)». — ББП. С. 457. Сын Лозинского — Сергей Михайлович Лозинский (1914-1985), выдающийся математик.

23. Пильняк Борис Андреевич (наст. фам. Вогау, 1894—1938, расстрелян) — писатель.

24. Бродский Иосиф Александрович (1940—1996) — поэт.

25. Сурков Алексей Александрович (1899—1983) — поэт и общественный деятель, кандидат в члены ЦК КПСС, в разные годы — секретарь СП СССР, депутат Верховного Совета СССР и РСФСР. После смерти Ахматовой А. А. Сурков возглавил Комиссию по ее литературному наследию.

26. Миша — Ардов Михаил Викторович (р. 1937) — сын Н. А. Ольшевской и В. Е. Ардова, был назначен секретарем Комиссии по литературному наследию Анны Ахматовой.

27. Тарковский Арсений Александрович (1907—1989) — поэт, переводчик.

28. Липкин Семен Израилевич (1911—2003) — поэт, переводчик.

29. Ольшевская Нина Антоновна (1908—1991) — актриса, режиссер, жена писателя В. Е. Ардова. Приезжая в Москву, Ахматова останавливалась чаще всего — «у Ардовых на Ордынке».

30. Герштейн Эмма Григорьевна (1903—2002) — литературовед, одна из ближайших друзей Ахматовой.

31. Большинцова Любовь Давыдовна (1908—1983) — переводчица, приятельница Ахматовой. Приезжая в Москву, Ахматова иногда останавливалась у Большинцовой.

32. Харджиев Николай Иванович (1903—1996) — искусствовед, стиховед, один из давних друзей Ахматовой.

33. Волкова Наталья Борисовна (р. 1924) — директор ЦГАЛИ — Центрального государственного архива литературы и искусства СССР (ныне — РГАЛИ).

34. То есть рабочие тетради Ахматовой, вплетенные в переплеты от книг «Тысяча и одна ночь» и собрания сочинений М. Ю. Лермонтова — см.: Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966). М.; Torino, 1996.

35. Ленинские искры. 1940. 11 апреля.

36. Владимир Григорьевич Адмони (1909—1993) — филолог-германист, давний товарищ Л.К. Чуковской еще по Тенишевскому училищу. Подробнее о нем см. «Записки». Т. 2. С. 745-746.

37. Дилакторская Наталья Леонидовна (1904—1989) — детская писательница. По-видимому, речь идет о списке стихов Ахматовой, принадлежащем Дилакторской.

38. Мейлах Миша — Михаил Борисович (р. 1946) — литературовед.

39. Литературная Грузия. 1966. № 5. С. 63.

40. Речь идет о стихотворениях: «Многим» («Я — голос ваш, жар вашего дыханья»), которое было опубликовано впервые в 1923 году (журнал «Свирель Пана». № 1) и с тех пор не переиздавалось; второе — «Предсказание» («Видел я тот венец златоконанный»), впервые опубликовано в «Anno Domini» (1923) на с. 8 — на обороте страницы 7, где находилось «Согражданам» («И мы забыли навсегда...»). Лист этот был вырезан цензурой почти во всем тираже и впоследствии при жизни Ахматовой эти стихи не печатались.

41. Третье стихотворение, о котором Л.К. спрашивает Жирмунского, «О знала ль я, когда в одежде белой...» — впервые опубликовано именно в «Литературной Грузии». В этом письме (и в следующем) Л.К. цитирует эти стихи с опиской во второй строке. Надо: «Входила Муза в тесный мой приют...» — как и напечатано в журнале. Стихотворение было ей продиктовано Ахматовой 18 января 1964 года («Записки». Т. 3. С. 147).

42. Литературная Грузия. 1967. № 1.

43. Е. С. Б. — Елена Сергеевна Булгакова (1893—1970), вдова Михаила Афанасьевича Булгакова (1891—1940). Ей посвящено стихотворение «Хозяйка» («В этой горнице колдунья / до меня жила одна»), которым открывается цикл «Новоселье».

44. первому мужу — Н.С.Гумилеву, расстрелянному 25 августа 1921 года.

45. Мандельштам Надежда Яковлевна (1899—1980) — вдова поэта Осипа Мандельштама.

46. Козловский Алексей Федорович (1905—1977) — композитор и дирижер, с 1936 года находился в ссылке в Ташкенте.

47. Речь идет о строках: «В черном ветре злоба и воля. / Тут уже до Горячего Поля, / Вероятно, рукой подать...». «Горячее Поле — пустырь за Невской заставой, где жгли мусор, — объясняет в примечаниях для Лениздатского сборника Л. Чуковская, — случилось, здесь, на пустыре, назначали тайные встречи революционеры-подпольщики». Стихотворение написано строфой «Поэмы», но в «Поэму» не вошло и было опубликовано Ахматовой в «Беге времени» как самостоятельное стихотворение: «Петербург в 1913 году», а в книге Жирмунского — под тем же заглавием — среди «Строф, не вошедших в текст “Поэмы без героя”» (ББП. С. 379).

48. «Эбани, — поясняет Жирмунский, — друг героя, богатырь, погибающий от смертельного недуга, который наслала на него оскорбленная им богиня Иштар. Гильгамеш отправляется на край света и спускается в преисподнюю в надежде вернуть жизнь своему другу. Имя Эбани <...> результат неправильного чтения клинописного текста первыми исследователями этого эпоса. В настоящее время оно читается Энкиду» (см. ББП. С. 479).

49. Роскина Наталья Александровна (1928—1989) — литературовед, сотрудница «Литературного наследства». В 1980 году в издательстве «ИМКА-Пресс» вышли воспоминания Н. А. Роскиной об Н. Заболоцком, Вас. Гроссмане, Н. Я. Берковском и Анне Ахматовой («Четыре главы из литературных воспоминаний»).

50. Об этих стихах см. в примеч. 40 к письму 13.

51. С небольшими разночтениями эти строки опубликованы в ББП (С. 379), среди строф не вошедших в «Поэму».

52. Пунин Николай Николаевич (1888—1953, умер в лагере) — искусствовед, третий муж Ахматовой.

53. Шилейко Владимир Казимирович (1891—1930) — ученый-востоковед, ассириолог, второй муж Ахматовой.

54. Речь идет о стихотворении, начинающемся строками:

Опять подошли “незабвенные даты”,
И нет среди ни одной не проклятой.

Но самой проклятой восходит заря...

Жирмунский обнаружил в архиве Ахматовой в РНБ черновой автограф этих стихов со строками

А в Мраморном крайнее пусто окно,
Там пью я с тобой ледяное вино,

И там попрощаяюсь с тобою навек,
Мудрец и безумец — дурной человек.

Л.К. пишет о четырех строках чернового автографа — на самом деле их гораздо больше (см. ББП. Другие редакции и варианты. С. 417).

В экземпляре ББП, принадлежащем Л. Чуковской (книга вышла спустя 9 лет после этого письма) против строк «Мы заняты странным с тобой разговором» стоит ее пометка: «НСГ... Странный разговор — разговор о разводе?»

55. О «Четвертом дворе» на Фонтанке, 18 см. письма 19—21 и др.

56. Глебова-Судейкина Ольга Афанасьевна (1885—1945) — драматическая актриса, певица, танцовщица, близкий друг Ахматовой; участница сюжетной линии «Поэмы без героя». В ташкентском Дневнике Чуковской в записи от 3 января 1942-го А. А. перечисляет места в Ленинграде, где ей довелось жить. Среди них — «Фонтанка, 18 — с Ольгой» и «Фонтанка, 2 — с Ольгой», но без единой даты (см. «Записки». Т. 1. С. 366).

57. Эдиция (от лат. edito — издание) — научное издание текста (преимущественно сочинений классиков).

58. Стихотворение «Третий Зачатьевский» напечатано в ББП (С. 154) так же как и в «Беге времени»: то есть с пропуском одного двуступишия и с мелкими неточностями. Окончательный текст см. «Записки». Т. 1. С. 273. Конъектура (от лат. conjectura — догадка, предположение), восстановление не поддающейся прочтению или вовсе отсутствующей в оригинале части текста.

59. Эпиграф из Хлебникова взят из его поэмы «Жуть лесная». «В дальнейшем эпиграф, превратился в заглавие стихотворения», — пишет Жирмунский в комментарии к «Подвалу памяти» (ББП. С. 479).

60. Анреп Борис Васильевич (1883—1969) — художник-мозаичист и художественный критик. В 1917 году Борис Анреп навсегда покинул Россию.

61. То есть первый том «Записок об Анне Ахматовой». 1938—1941 (машинопись). Александра Иосифовна Любарская (1908—2002) — редактор, фольклорист. «Мы были друзьями издавна, — вспоминала впоследствии Лидия Корнеевна, — еще до совместной работы в редакции (С. Я. Маршака. — Сост.) вместе учились на Словесном отделении Государственных курсов при Институте истории искусств» (Записки. Т. 1. С. 291).

62. Речь идет о строках из стихотворения «Надпись на книге “Подорожник”»:

А в глубине четвертого двора
Под деревом плясала детвора
В восторге от шарманки одноногой...

63. Будкой называла Ахматова летнюю дачу в Комарове, предоставленную ей в пользование Ленинградским отделением Литфонда в 1955 году.

64. Речь идет об Антонине Михайловне Оранжиреевой (1897—1960) — библиографе, сотруднице Этнографического музея. Ей посвящено стихотворение Ахматовой «Памяти Анты».

65. Гитович Сильва Соломоновна (1913—1974) и ее муж поэт Александр Гитович (1909—1966) — ближайшие соседи Ахматовой по Комарову: дача Гитовича находилась на том же участке, что и «Будка» Ахматовой

66. ...стихотворения из «Слава миру» — об этом цикле стихов см. примеч. 74.

67. В эвакуации в Ташкенте Л. Чуковская «в общественном порядке» работала в «Комиссии помощи эвакуированным детям». Навещая детей в детских домах, она стала записывать их рассказы о войне. Эти записи детских рассказов составили со временем книгу «Слово предоставляется детям». По-видимому, речь идет о публикации отрывков в «Учительской газете» 6 августа 1942 года. Заголовок начинается словами «Говорят дети...».

68. «Несчастье» вместо «несчастье» — в строке «Нас несчастье не минует...» («Эпилог»). См. указ. изд. С. 475, 490, 495.

69. Хейт Аманда (1941—1989) — английская славистка. Речь идет о ее публикации: Ахматова А. Поэма без героя / Публ. А. Хейт // Slavonic & East European Review. Vol. XLV. № 105. London, 1967. P. 475—496.

...Не хватало. — Речь идет о первой строке «Посвящения»: «...а так как мне бумаги не хватило...»; «... у ампириных...» — на самом деле «У закрытых церквей дрожит...» («Решка»); уничтожена рифма — в строфе из «Эпилога»:

...Сбросил с крыльев свободный стих,
И стоит мой Город «защитый»...
Тяжелы надгробные плиты
На бессонных очах твоих.

70. стало В.К., а затем — Вс. К. (БВ. С. 309). Речь идет об одном из участников сюжетной линии «Поэмы без героя» — поэте Всеволоде Гавриловиче Князеве (1891—1913). Подробнее см. «Записки». Т. 2. С. 476.

71. Анреп Юния Павловна (1882—1973) — не сестра, а жена Бориса Васильевича Анрепа. См. о нем примеч. 60 к письму 19. Юнии Анреп посвящено стихотворение Ахматовой «Судьба ли так моя переменилась...», написанное в декабре 1916 года в гостях у Анрепов в Бельбеке (под Севастополем).

72. Работа над стихотворением «Я именем твоим не оскверняю уст...» не была окончена Ахматовой. К тому же само стихотворение было записано ею с пропуском в третьей строфе. После смерти Ахматовой строфы автографа оказались в разных архивах: первые две — в московском (ЦГАЛИ), последняя — в ленинградском (ГПБ; ныне РНБ). Впоследствии строфы были так и напечатаны отдельно друг от друга, как разные стихи. (См.: Ахматова А. Я — голос ваш... М., 1989. С. 291 и «Двухтомник, 1990». Т. 1. С. 369.) Как единое целое стихотворение было опубликовано М.Кралиным со ссылкой на Л.К.Чуковскую (пропуск восстановлен с ее слов) в кн.: Ахматова А. Соч. : В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 39.

73. Л. К. ошибается. Б. В. Анреп умер в 1969 году, но успел до своей смерти написать воспоминания о встречах с Ахматовой в России в 1914—1917 гг. и в Париже в 1965. См.: Анреп Б. О черном кольце // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 83—90.

74. Огоньковский цикл — то есть стихи «Слава миру» — Огонек. 1950. №№ 14, 36, 42.

«Цикл “Слава миру” (фактически — “Слава Сталину”) написан Ахматовой как “прошение на высочайшее имя”, — пишет Чуковская. — Это поступок отчаяния: Лев Николаевич был снова арестован в 1949 году» («Записки». Т. 2. С. 411). «Когда, в 1950 году, Ахматовой намекнули “сверху”, что если она напишет стихи в честь Сталина, это может облегчить участь сына... Это унижение было для нее одним из самых тяжелых в жизни. Тут ее покинула даже так называемая техника, даже ремесленные навыки» (Там же. С. 705).

75. В своей записи «Для Лиды» (см. примеч. 5 к письму 2) Ахматова перечисляет стихи, которые «не только печатать было нельзя, но даже читать т<ак> н<азываемым>. “друзьям”». В этом списке и эти четыре стихотворения. «В том доме» — обрубок строки «В том доме было очень страшно жить...», которой начинается третья из «Северных элегий». Вероятно из-за «обрубка» Лидия Корнеевна не узнала ее. Об этой элегии несколько раз говорится в «Записках», см., например: Т.1. С. 132—133. См. также примеч. 102 к письму 27.

76. «Остается неясным, какие стихи обозначила А.А. словами “Легкая судьба”, — пишет позднее Л. Чуковская. — Согласно предположению А.Г. Наймана, она имела в виду стихотворение “Все ушли, и никто не вернулся”:

И глаза я поднять не посмела
Перед страшной судьбою своей —

я же полагаю, что, быть может, это стихи, начинающиеся строкой “То, что я делаю, способен делать каждый”» («Записки». Т. 3. С. 185—186).

77. Гаршин Владимир Георгиевич (1887—1956) — врач, патологоанатом, профессор Военно-медицинской академии; племянник писателя Всеволода Гаршина.

78. *Ваш Митя* — Бронштейн Матвей Петрович (1906—1938), физик-теоретик, муж Л. Чуковской, погибший во время ежовщины. М. П. Бронштейн был арестован в августе 1937 года и расстрелян 18 февраля 1938. «Официальные справки о гибели моего мужа и реабилитации “за отсутствием состава преступления”, — вспоминает Лидия Чуковская, — я получила лишь через двадцать лет» («Записки». Т. 1. С. 281).

79. *Рыбаковы* — Лидия Яковлевна (1885—1953) и дочь ее Ольга Иосифовна (1915—1998), давние знакомые А. А., семья юриста Иосифа Израилевича Рыбакова (1885—1938), погибшего во время ежовщины.

80. 14 сентября Л. К. записала в своем общем дневнике: «...у меня побывала Большинцова и ответила на мои вопросы по ее экземпляру Поэмы — драгоценному п.ч. туда внесены ею поправки под диктовку АА в октябре 65 г. — т. е. выходит последние. Но Л<юбовь>Д<авыдовна> здорово запутала дело, вписала туда уже после смерти А А поправки, продиктованные ей... Виленкиным!» — она, при всей ее любви

к А А, не очень то разбирается в сокровище, кот<орое> оказалось у нее в руках. Долго и я не могла разобраться, но наконец поняла, что к чему — главным образом, сама — а отчасти показывая текст Э.Гр., Нике, Мише Мейлаху, кот<орый> был здесь проездом».

81. «Милому» не знала, кому — Жирмунский установил, что это стихотворение обращено к Н. В. Недоброво (ББП. С. 467. Примеч. 189). Недоброво Николай Владимирович (1884—1919) — поэт, критик, друг Ахматовой.

82. Ладыженская Ольга Александровна (1922—2004) — математик. Рассказ Ольги Александровны о ее поездке в Выборг послужил толчком для написания стихотворения Ахматовой «В Выборге».

83. Лурье Артур Сергеевич (1892—1966) — композитор, автор статей о музыке, близкий друг Анны Ахматовой и Ольги Судейкиной. В 1922 году А. С. Лурье навсегда покинул Россию.

84. См. примеч. 54 к письму 18.

85. Речь идет о стихотворении «Привольем пахнет дикий мед...». «Автографы (ЦГАЛИ), с датой: 1933» — сообщает Жирмунский (ББП. С. 477).

86. Тем не менее, в БПП (С. 305), и еще раньше, в публикации Жирмунского (День поэзии. М., 1971), укоренилась «Ночная бессонница», вместо «Сквозной...». Между строфами поставлена строка точек, означающая пропуск (т. е. утрату) еще одной строфы (см. письмо 5). Сейчас эти стихи печатаются со «Сквозной бессонницей», но обе строфы идут подряд, без пробела — без строки точек, указывающих на вынужденный пропуск.

87. Жирмунский прислал Лидии Корнеевне машинописную копию «Поэмы без героя» со своего списка 1963 года, который позднее и был опубликован в ББП в основном тексте.

88. На самом деле: «Все, кого и не звали, — в Италии...». Первоначальный текст стихотворения появился в 1957—1958 гг. и именно он мог звучать как шутка. Существует вариант 1963 года, который принято считать окончательным, но шуточного в нем гораздо меньше, скорее больше грустного. Вероятно, речь идет о раннем варианте стихотворения, который и был включен Л. К. Чуковской в Лениздатовский сборник.

89. Рейн Евгений Борисович (р. 1935) — поэт, познакомился с Ахматовой в 1961 г.

90. Письмо Пунина к Ахматовой см.: Наше наследие. 1988. № 4. Об Н. Н. Пунине см. примеч. 52 к письму 16.

91. Эткинд Ефим Григорьевич (1918—1999) — филолог, специалист по французской и немецкой литературе, принимал деятельное участие в борьбе за освобождение Иосифа Бродского.

92. 13 марта 1964 года суд под председательством Е. А. Савельевой приговорил поэта Иосифа Бродского к пяти годам ссылки — «за тунеядство». О Я. М. Лернере, «человеке из КГБ», одном из главных зачинщиков «дела Бродского» см. «Записки». Т. 3. С. 119, 398, 403 (а также по Указателю).

93. Речь идет о фразе: «Никаких третьих, седьмых и двадцать девятым смыслов поэма не содержит». В ББП, вышедшем в 1976 году, спустя пять лет после смерти Жирмунского, это «и» пропущено (С. 353).

94. Так же как и в ББП (С. 361) эта ремарка до сих пор остается в основном тексте поэмы, переходя из издания в издание.

95. Так же как и в ББП (С. 365) эта злокачественная опечатка вместе с «клокотаньем» (С. 369) по-прежнему переходит из одного сборника в другой.

96. В ББП (С. 372) строфа начинается с «Но...».

97. «В “Беге времени” среди “Полночных стихов” строфа об Эль Греко, по воле Анны Андреевны, отсутствует, — пишет Чуковская, комментируя свои ахматовские дневники. — В окончательном же тексте “Поэмы без героя” строфы об Эль Греко тоже нет. Поэтому, я думаю, прав В. М. Жирмунский, опубликовавший ее не в “Поэме без героя” и не в “Полночных стихах”, а отдельно: как самостоятельный “Отрывок” (ББП, с. 380)». — («Записки». Т. 3. С. 44).

98. В ББП (С. 375) ремарка к «Эпилогу» напечатана без учета этих поправок. В некоторых последующих изданиях вставлено слово «видно».

99. В. Н. Топоров, на которого ссылается Жирмунский (ББП. С. 514), предполагает, что это контаминация разных стихотворений Блока, — (см.: Топоров В. Н. Без лица и названья: (к реминисценции символистского образа // Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970).

100. Шток Исидор Владимирович (1908—1980) — драматург.

101. Ахматова А. Избранное. Стихи / Сост. К. Зелинский. <Ташкент>: Сов. писатель, 1943.

102. В 1942 г. в Ташкенте А.А. предполагала включить стихотворение «В том доме было очень страшно жить...» в цикл «Эпические мотивы» — четвертым. Но впоследствии она изменила свое решение и ввела эти стихи в другой цикл — в «Северные элегии» — третьим.

...Я его не знаю. — Расшифровывая свои ахматовские Дневники, Л. К. нашла записи об этом стихотворении

103. «В первом цехе <поэтов>, — вспоминала впоследствии Ахматова, — кто-то (Лозинский или Мандельштам) заметил, что мое “В то время я гостила на земле...” — тайные терцины». — «Двухтомник, 1990». Т. 2. С. 452.

104. Стихотворение из цикла «Разрыв», обращенном к Н. Н. Пушкину.

105. В это время Э. Г. Герштейн начала собирать материалы для сборника воспоминаний об Ахматовой. В дальнейшем собранные ею мемуары были переданы для публикации В. Я. Виленкину и В. А. Черныху, которые, дополнив их, выпустили в свет книгу «Воспоминания об Анне Ахматовой» (М., 1990).

106. По-видимому, речь идет о статье: Озеров Л. Мелодика. Пластика. Мысль // Литературная Россия. 1964. 21 авг.

107. О рисунке Судейкина Ахматова пишет в своих воспоминаниях «Лозинский» — см.: Ахматова А. Соч.: В 2 т. / Сост. М. М. Кралин. М., 1990. Т. 2. С. 141.

108. Лесючевский Николай Васильевич (1908—1978) — директор издательства «Советский писатель». В литературной среде была известна причастность Лесючевского в пору ежовщины к арестам поэтов Б. Корнилова и Н. Заболоцкого. Корнилов был расстрелян, Заболоцкий получил лагерный срок. Несмотря на это, Лесючевский занимал пост директора издательства «Советский писатель», а в 1973 году получил

звание «заслуженного работника культуры РСФСР». Подробнее о нем см. «Записки». Т. 2. С. 672—673; Т. 3. С. 429.

109. Интервью с А. Сурковым напечатано в «Литературной газете» 20 марта 1968.

110. Памяти Анны Ахматовой («Дружите с теми, кто моложе...»).

111. Адмони Владимир Григорьевич — см. примеч. 36 к письму 9. Друзья Борис Григорьевич — редактор Лениздата. Горбовский Глеб Яковлевич (р. 1931) — поэт; вероятно, речь идет о его книге «Тишина».

112. ...дивный портрет Сталина. —

Бориса дикий страх, и всех Иванов злобы,
И Самозванца спесь — взамен народных прав.

113. Хренков Дмитрий Терентьевич (р. 1919) — главный редактор Лениздата.

114. Дикман Минна Исаевна (1919—1989) — сотрудница Ленинградского отделения издательства «Советский писатель», официальный редактор «Бега времени».

115. Стихи, написанные на смерть Бориса Пастернака в 1960 году, напечатаны с датой: 1957 (БВ. С. 432).

116. Эпиграф к «Последней розе» — «Вы напишете о нас наискосок» — строка из стихотворения Бродского «Закричат и захлопочут петухи», обращенного к Ахматовой.

117. В 5-й главке поэмы «Путем вся земля» напечатано «там ласточка реет».

118. Речь идет о стихотворении «Третий Зачатьевский».

119. То есть «Северные элегии».

120. Стихотворение 1936 г. (см. ББП. С. 186).

121. См. письмо 33.

122. ...в немощи — описка. Правильно: «Если б все, кто помощи душевной...». Написано 30 марта 1961 г. (см.: «Однотомник, 2000». С. 97).

123. В ББП (С. 156): 1922.

124. В ББП (С. 156) эти стихи опубликованы без указания года; в «Двухтомнике, 1990» (Т. 1. С. 358) под стихами в угловых скобках и с вопросом — 1964.

125. Имеется в виду статья И.Сергиевского «Об антинародной поэзии А. Ахматовой», напечатанная вскоре после знаменитого постановления ВКП(б) 14 августа 1946 (Звезда. 1946. № 9).

126. По-видимому, речь идет о стихотворении «Веет ветер лебединый». Первую версию стихотворения — см.: ББП. С. 399 (в отделе «Другие редакции и варианты»). Генин Лазарь Ефимович (1923-1982) — библиограф Публичной библиотеки.

127. Речь идет о книге: Achmatova A. Poema senza eroe e altre poesie. [«Поэма без героя» и др. стихи] / Prefazione e traduzione di Carlo Riccio. Torino, 1966. (Издание билингвальное).

128. *Отсутствие строфы...* — «В темноту, под Манфредовы ели, / И на берег, где мертвый Шелли, / Прямо в небо глядя лежал, — / И все жаворонки всего мира / Разрывали бездну эфира, / И факел Георг держал». (ББП С. 374.)

129. Речь идет о неоконченных (или утраченных) произведениях: «Из Прапоэмы» (см.: ББП. С. 323 и примеч. 628 на с. 504); «В городе райского ключаря» (см.: Ахмато-

ва А. Соч.: В 2 т. / Сост. М. М. Кралин. М., 1990. Т. 2. С. 32 и примеч. на с. 320). Оба отрывка почти совпадают друг с другом — и ритмически, и текстологически.

130. Речь идет о стихотворении «Петербург в 1913 году» (см.: примеч. 1 к письму 16).

131. «Мать Анны Андреевны — в девичестве Инна Эразмовна Стогова (1856—1930) — в молодости, курсисткой, была членом народовольческого кружка». («Записки». Т. 3. С. 434).

132. Имеется ввиду не вошедшая в поэму строфа: «Институтка, кухня, Джульетта!...» (ББП С. 380).

133. То есть написал возражение против снятия эпитафии к «Последней розе».

134. Имеется ввиду экземпляр «Поэмы без героя», подаренный в Ташкенте в 1944 году заведующему кафедрой языкознания ТашГУ, профессору В. А. Звегинцеву.

135. По-видимому Анатолий Найман, Евгений Рейн, Иосиф Бродский и виновник этого мадригала, поэт Дмитрий Васильевич Бобышев (р. 1936).

136. См.: «Узнают голос мой...». М., 1989, С. 281.

137. Речь идет о Местертоне Эрике Рикардовиче (1903-2004), шведском литературоведе.

138. Речь идет о стихотворении «Пива светлого наварено...» (вперые в сб.: Памяти Анны Ахматовой. Париж, 1974. С. 10).

139. О происхождении этих строк см. письмо 41.

140. Об этом Чуковской написана работа «Герой “Поэмы без героя”» (напечатана в журнале «Знамя», 2004, № 9. С. 128-141).

141. Позднее, расшифровывая свои дневники об Ахматовой, ЛК изменила свое суждение и пришла к выводу, что отрывок «Через 23 года» обращен к Н. Гумилеву (см. «Записки». Т. 3. С. 40).

142. Горенко Ия Андреевна (1894—1922) — филолог, автор диссертации о протопопе Аввакуме (см.: Записки. Т. 1. С. 156). Горенко Инна Андреевна (в замужестве — фон Штейн, 1885—1905).

143. Горенко Виктор Андреевич (1896—1976, ум. в эмиграции в США). Горенко Андрей Андреевич (1887—1920).

О братьях и сестрах Ахматовой и обо всей семье см.: Записки. Т. 1. С. 304 (а также по Указателю).

144. Описка: на самом деле — «Заснуть огорченной...». По указанию Н. И. Крайневой «Посвящено Галине Лонгиновне Герус-Козловской (1906—1991), литератору, переводчице, жене композитора А. Ф. Козловского...» (см. Однотомник, 2000. С. 671).

145. См. примеч. 64 к письму 22.

146. То есть, чтобы могила Вс. Князева не путалась с могилой Н.В.Недоброво, к кому в «Поэме без героя» обращено «Лирическое отступление», условно называемое Камероновой Галереей (см.: «Записки». Т. 2. С. 122—123).

147. Речь идет о публикации в альманахе «День поэзии» (Л., 1968) одиннадцати стихотворений Ахматовой. По-видимому, к этой публикации можно отнести сказанное ею в записи «Для Лиды» (1966), т. е. в рецензии на первый том ее «Сочинений» вышедший в США (см. примеч. 2 к письму 2): «всунуты стихи из старых журналов, отвергнутые автором для книг». Не берусь перечислить все одиннадцать, но не-

которые из них назову: «Приходи на меня посмотреть...» (Нива. 1912. № 44); «Ничего не скажу, ничего не открою...» (Нива. Литературное приложение. 1913. № 7); «Вечерний звон у стен монастыря...» (Ежемесячный журнал. 1914. № 7). См. также ББП. С. 275, 276, 280.

148. Люша — домашнее имя дочери Лидии Корнеевны, Елены Цезаревны Чуковской (р. 1931).

149. Речь идет о второй из «Северных элегий» («И никакого розового детства...»).

150. Имеется в виду Б.В.Анреп — см. о нем примеч. 60 к письму 19.

151. Об этом стихотворении см. примеч. 71 к письму 23.

152. По-видимому, имеется в виду четверостишие «Не странно ли, что знали мы его?». Впервые оно было опубликовано позднее в статье Жирмунского «Анна Ахматова и Александр Блок» (Русская литература. 1970. № 3. С. 82).

153. Речь идет о книге: Ахматова А. Соч. Т. 2. / Общая ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. <Вашингтон>: Международное литературное содружество, 1968.

154. «Как Божие солнце меня любил...» — строка из стихотворения «Был он ревнивым, тревожным и нежным...». В ББП (С. 86) стихи опубликованы с той же опечаткой.

155. Пропущена строка «Немного удивленные глаза...».

156. Две описки Л. К.: в стихотворной строке, на самом деле — «Где-то ночка молодая...» и в названии журнала — «Звезда Востока» (1966. № 6).

157. Пушкирская Нина Ивановна (Татарина, 1916—1992) — поэтесса, ташкентская знакомая и А. А., и Надежды Яковлевны.

158. Цехновицер Орест Вениаминович (1899—1941) — литературовед, театровед, участник Гражданской войны, автор книги «Празднества революции» (1931) и др.

159. Сэр Исая Берлин (1909—1997) — оксфордский профессор, дипломат, философ, историк литературы, посетивший Советский Союз в 1945 году.

160. У этих строк есть вариант, который и напечатан в ББП (С. 373) в основном тексте:

И тогда из грядущего века
Незнакомого человека...

161. ББП. (С. 155) Декабрь 1921

162. В ББП (С. 115): Лето 1916.

163. В ББП (С. 93) под этими стихами стоит тот же год: 1915, — но, в отличие от БВ, год взят в угловые скобки. В примечании же (С. 462), сообщается, что в списке Дилакторской и в машинописном экземпляре несостоявшегося сборника 1927 года другая дата: 1913.

164. Русланова Лидия Андреевна (1900—1973) — знаменитая певица, исполнительница русских песен.

165. См. примеч. 188 к письму 55.

166. Лунц Евгения Натановна (в замужестве Горнштейн, 1908—1971), школьная подруга Л. Чуковской, сестра писателя Л. Лунца.

167. Л. К. цитирует отрывок из статьи О. Мандельштама «Буря и натиск» (1923). *Том, где Никита...* — т.е. второй том «Сочинений» Ахматовой (США, 1968). Упоми-

нать напрямую американское издание было тогда опасно для его владельцев — не исключено, что письма подвергались перлюстрации. Ни стихи, ни проза Мандельштама в эту пору в Советском Союзе переизданы не были.

168. Л. К. имеет ввиду рецензию М.Шагинян на «Anno Domini», помещенную в «Жизни искусства» (3 января 1922 г.).

169. Д. Д. Шостакович действительно летел следующим рейсом. Об этом сказано в «Поэме без героя», в написанных ею самой «Примечаниях редактора» (см.: ББП. С. 378. Примеч. 28).

170. См. «Записки». Т. 2. С. 46.

171. Либо только хорошее, либо ничего (лат.).

172. Речь идет о главе «Друг детства» из поэмы Твардовского «За далью — даль».

173. Спустя четверть века Чуковская написала статью о русском языке, которую так и озаглавила: «Моя грач прилетела» (Невское время. 10 января 1996).

174. Речь идет о строке во «Втором посвящении» к «Поэме без героя», обращенном к О. А. Глебовой-Судейкиной «Ты ли, Путаница-Психея...». «Путаница и Психея — роли, которые О. Глебова исполняла в 1913 г. в пьесах Юрия Беляева...» — пишет Жирмунский в примечаниях (ББП. С. 513). Какой костюм, какой образ — по-видимому, речь идет о портрете О. Глебовой в костюме Путаницы — работы Ю. Судейкина (1909). На нем О. А. Глебова-Судейкина изображена в окутывающем фигуру плаще, отороченном горностаем («Распахнулась атласная шубка...»).

175. Т.е. директора ЦГАЛИ.

176. Речь идет о неоконченной статье Ахматовой «Пушкин и Невское взморье». Статья была впервые опубликована Э. Г. Герштейн в «Литературной газете» (4 июня 1969). АА пересказала мне все 1/IX 52... — ошибка в дате: на самом деле: 1/VIII 52 (см. «Записки». Т. 2 С. 50—51).

177. Крюков прислал...список стихов, публикуемых им в Алма-Ата — в журнале «Простор» (1969. № 8). Крюков Александр Самуилович (р. 1944) — латинист, доктор филологических наук.

178...в Грузии. — Имеется в виду журнал «Литературная Грузия» (1967. № 5).

179. См.: Тименчик Р. К анализу «Поэмы без героя» А. Ахматовой // Материалы XXV научной студенческой конференции ТГУ. Тарту, 1967. «Форель» — цикл стихов М.Кузмина «Форель разбивает лед» (Л., 1929).

180. Жирмунский В.. Анна Ахматова. Из литературного наследия // Юность. 1969. № 6.

181. Упомянута готовящаяся публикация стихов Ахматовой в журнале «Звезда» (1969. № 8) с предисловием В.Жирмунского: «Из неизданного Анны Ахматовой».

182. Самойлов Давид Самойлович (1920—1990) — поэт. Корнилов Владимир Николаевич (1928—2002) — поэт. Горбаневская Наталья Евгеньевна (р. 1936) — поэт. Об И. А. Бродском см. примеч. 3 к письму 6; об А. А. Тарковском — примеч. 2 к письму 7.

183. Щипачев Степан Петрович (1898/99—1980) — поэт.

184. *не теряйте отчаянья* — фраза, некогда сказанная Н.Н.Пуниным. См. в кн.: Пунин Н. Мир светел любовью: Дневники. Письма. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. С. 375.

185. Предполагалось, что статья В. Жирмунского «О творчестве Анны Ахматовой (К 80-летию со дня рождения)» будет напечатана как предисловие к публикации ее стихов. Но случилось иначе. Статья Жирмунского была помещена редакцией в № 6 «Нового мира», а стихи Ахматовой — в № 5.

186. То есть стихи «Слава миру» (Огонек. 1950. №№ 14, 36, 42).

187. *заграничной редактор* — Глеб Петрович Струве (1898—1985).

188. В своей статье «Анна Ахматова и Александр Блок» (Русская литература. 1970. № 3) Жирмунский приводит эти стихи, следуя, по его словам (см. письмо 19), «своим... эдиционным принципам»; стихи напечатаны по автографу ЦГАЛИ (с опиской Ахматовой), т. е. с антиахматовскими рифмами: «сочтены» — «горы», (а не «весны»), противоречащими содержанию стихов. Точно так же «De profundis...» опубликовано в ББП (С. 295). Сейчас эти стихи печатаются правильно, см.: Однотомник. С. 98.

189. *Перечла... Вашу статью* — перечла уже не в рукописи, а в журнале (Новый мир. 1969. № 6). *...Вашего открытия.* — По мнению Жирмунского, «Северные элегии» — это автобиография Ахматовой. См. также: Жирмунский В.М. Творчество Анны Ахматовой. Л.: Наука, 1973. С. 138.

190. См. следующее письмо.

191. В журнале «Звезда» (1969. № 8) опубликованы стихи Ахматовой с предисловием В.Жирмунского: «Из неизданного Анны Ахматовой».

192. *Каторжаночка* — из «Песенки» («А ведь мы с тобой / Не любились...»), кончающейся строками: «Не жалея меня, / Каторжаночку» (Новый мир. 1969. № 6); *Волк* — «Волк любит жить на воле...» (Звезда. 1969. № 8); «*И никакого розового детства*» — «Вторая» из «Северных элегий» (Новый мир. 1969. № 5); «Если ты смерть — отчего же ты плачешь сама?...» (Новый мир. 1969. № 6).

193. Тименчик Р. Д.. К анализу «Поэмы без героя» // II. Материалы XXV научной студенческой конференции. Литературоведение, лингвистика. Тарту, 1970. С. 43—44.

194. На самом деле восьмистишие из набросков к трагедии «Пролог, или Сон во сне» (см.: «Двухтомник, 1990». Т. 1. С. 392).

195. Неточная цитата из набросков к трагедии «Пролог, или Сон во сне» (Там же. С. 391).

196. Владимир Николаевич — Орлов. Он был снят со своего поста после заседания ленинградского обкома. Об этом подробно рассказано на страницах книги Е. Г. Эткинды «Записки незаговорщика» в главе четвертой «Дело о фразе» (London: Overseas Publications Interchange, 1977; книга переиздана в России в 2001 году).

«Приключенческий роман с неожиданными поворотами сюжета»

Из переписки В. М. Жирмунского с Л. К. Чуковской (1966 — 1969).

Переписка Лидии Чуковской с академиком Жирмунским велась в 1966—1969 гг., после смерти Ахматовой. Оба они готовили первые посмертные сборники ахматовских стихотворений и в письмах касалась двух тем: текстологии и судьбы архива. Все письма Лидии Чуковской сохранились¹. Основной корпус писем В. М. Жирмунского, к сожалению, пока утрачен².

Вся текстологическая, специальная часть этой переписки недавно опубликована³. Однако несомненный интерес представляет посмертная судьба ахматовского архива, которая нашла подробное освещение на страницах переписки⁴.

По завещанию Ахматовой ее наследником становился ее единственный сын Л. Н. Гумилев. Однако он жил отдельно от матери. Фактически бумаги оказались в руках дочери и внучки Н. Н. Пунина (искусствоведа, третьего мужа Ахматовой, с которым она разошлась еще до войны). Они жили в одной квартире с Анной Андреевной и на этом основании завладели архивом. Ирина Николаевна (дочь Пунина) и Аня (ее дочь) препятствовали друзьям и исследователям творчества Ахматовой в доступе к ее архиву и довели дело до суда, который встал на сторону Л. Н. Гумилева. В результате длительной борьбы, продолжавшейся несколько лет, архив Ахматовой был разрознен и находится теперь в хранилищах Москвы и С.-Петербурга.

1. В. М. Жирмунский — Л. К. Чуковской

Комарово, 18.VII.1966

...3) Основная часть архива А. А. находится в Ленинграде на ее квартире, в фактическом владении И. Н. Пуниной. Л. Н. Гумилев *подарил* (в письменной форме) [ар-

¹ После смерти В. М. Жирмунского в 1971 году Лидия Корнеевна попросила вернуть ее письма.

² Письма В. М. Жирмунского были возвращены его вдове, Н. А. Жирмунской. В архиве Л. К. Чуковской уцелело лишь несколько писем, случайно попавших в разные папки. В настоящее время уцелевшие письма обоих корреспондентов находятся в ОР РНБ (ф. 1414).

³ Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966—1970) / Вступит. заметка, подг. текста и примеч. Ж.О. Хавкиной // “Я всем прощение дарю...”: Ахматовский сборник. Сост. Н. И. Крайнева. — Альянс-Архео: М. — СПб., 2006 (UCLA Slavic Studies. Vol. V).

⁴ См. также: Лидия Чуковская. “После конца” // Знамя. 2003. № 1.

хив] Пушкинскому Дому (“уступил ему свои права”) и заключил с П<ушкинским> Д<омом> соответствующее письменное соглашение. Я был в П<ушкинском> Д<оме> и беседовал с директором Архива Н. В. Измайловым: (известным старым пушкинистом и “пушкинодомцем”)¹. Н<иколай> В<асильевич> сообщил мне, что для принятия архива он выделил опытную сотрудницу (Панченко — я с нею познакомился), которая готова сегодня же приступить к составлению описи для передачи архива. Об этом он написал официально И. Н. Пуниной. Но И. Н. не считает возможным передать архив теперь же. Не далее, как третьего дня, как представитель нашей Комиссии², я имел с ней длинный разговор. И. Н. выдвигает ряд причин: нет оснований торопиться с передачей, права наследников будут установлены юридически только в сентябре; П<ушкинский> Д<ом> — место неподходящее, предпочтительнее Публичная библиотечка (первоначальный вариант) или Литературный архив (бывший Бонч-Бруевича) в Москве (по этому вопросу И. Н. [ссылалась] и на Вашу точку зрения), но мы, ленинградцы, считали бы неправильным перевозить архив в Москву и думаем, что это не соответствовало бы желанию самой А. А.; надо сперва самим И. Н. и Ане разобраться в материалах и привести их в порядок, и т. д., и т. п. Одним словом, я вынес впечатление, подтвержденное словами И. Н., что в настоящее время ни о какой передаче не может быть и речи.

И. Н. известны толки, которые возбуждает ее позиция по этому вопросу; но, считая их несправедливыми, она ими пренебрегает. Она предлагает отложить дело до следующего заседания Комиссии — осенью.

Мне придется написать об этом Суркову, поскольку Комиссия возложила на меня нелегкую обязанность наблюдать за передачей архива, но я боюсь, что и Сурков тоже ничего не сделает³. Мог бы, может быть, вмешаться в это дело Лева, но он очень трудный человек, и я не имею ключа к его сердцу.

Пишу Вам об этом, чтобы Вы знали, а может быть, и посоветовали. Буду рад Вашему письму.

2. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

19.VII.66

...Теперь перехожу ко второму вопросу — к архиву А. А. у Пуниных.

Это — горе, это несчастье, это посмертная катастрофа, случившаяся с А. А.

Я написала об этом деле большое заявление в Комиссию и несколько писем Вл. Гр. Адмони.

Мы без конца говорим об этом между собой — М. С. Петровых, Э. Г. Герштейн, Нина Ант. Ольшевская, Н. Глен, Толя Найман...⁴ Разногласий нет. Все понимают,

¹ Николай Васильевич Измайлов (1893—1981), литературовед, текстолог.

² Речь идет о Комиссии по литературному наследию Анны Ахматовой при Союзе писателей СССР. В эту Комиссию входили и В.М. Жирмунский, и Л.К. Чуковская.

³ Алексей Александрович Сурков (1899—1983), поэт и общественный деятель, кандидат в члены ЦК КПСС, в разные годы — секретарь СП СССР, депутат Верховного Совета СССР и РСФСР. После смерти Ахматовой Сурков возглавил Комиссию по ее литературному наследию.

⁴ Перечислены ближайшие друзья Анны Ахматовой. Подробнее о них см.: Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М.: Согласие, 1997.

знают твердо: А. А. своими литературными делами никогда с И. Н. и Аней не делилась и представить себе не могла, чтобы ее бумаги оказались у них в руках... Она Пуниных по-своему любила (особенно Аню); привыкла заботиться об этой семье; но стихи? это было совсем, совсем не для них.

О заседании Комиссии мне писал Вл<адимир> Гр<игорьевич> и подробнее рассказывал Миша Ардов¹.

Я действительно в одном из писем помянула ЦГАЛИ — потому что знающие люди говорят, будто там — наилучшие условия. Собственного мнения у меня об архивах нет, я тут невежда. Если Лева все передал Пушкинскому Дому и ленинградские друзья полагают, что это правильно, — я присоединяюсь от души и спорить не стану. Да и никто не станет — тем более что существует слух о желании А. А. передать свои бумаги именно туда. (Мне она, правда, этого не говорила.) Пусть, пусть Пушкинский Дом... Но что делать с упорством и хитростями И. Н.? И с загадочностью Левы?

Мое мнение такое: надо добиваться во что бы то ни стало передачи всего в П<ушкинский> Д<ом>, чуть только Лева получит официальные права и его дар П<ушкинскому> Дому приобретет законную силу. Это случится 6 сентября. Сразу же надо организовать передачу. Участвовать в ней *непрерывно* должны, по поручению Комиссии, Толя Найман и Ника Глен, *потому* *что* только они могут проверить “наличность”: они были Анной Андреевной приставлены к рукописям и они *одни* знают, сколько там тетрадей, блокнотов, папок и пр. (Именно потому И. Н. *не хочет* Толю...) Разумеется, и их присутствие не оградит нас от потерь; единственное спасение было — если бы Лева *сразу всё* унес к себе... но надо спасти хотя бы то, что можно. П<ушкинский> Дом обязан довести дело до суда, в случае чего.

Я была с И. Н. всегда в самых любезных отношениях и со дня кончины А. А. без устали толковала ей и Ане, устно и письменно, что архив надо возможно скорее *описать* и пр. Что для этого необходимы Толя и Ника. Нет. Безуспешно.

Я предлагала, что это исполнит Э. Герштейн. Нет. Они хотят это делать сами.

А на каком основании? У них на бумаги А.А. нет ни юридического, ни морального права. Не им А. А. читала свои стихи. Не с ними советовалась. Не им, а Толе показывала она свои тетради, диктовала письма и варианты; не с ними, а с Толей переводила; не с ними составляла сборники и журнальные циклы. Они не знают ее творческой биографии — совсем. Они *уже* успели в неверном виде напечатать стихи (в “Москве”).

И. Н. позвонила мне как-то и спросила, какие бы стихи можно дать в “Москву”. Я назвала два. Она дала туда одно из мною названных и два других. Ну, это пусть. Но мне никто не дал корректуры, и я узнала, что стихи печатаются, уже слишком поздно. И вот “Подвал памяти” напечатан с искаленной строкой, а под “Наследницей” стоит неверная дата...² Они — не литераторы; они не умеют точно переписать, сверить, продержать корректуру.

Сейчас к ним обращаются многие люди за сведениями, и они дают сведения — неверные. Напр., будто весь Рекв<ием> посвящен Н. Н. Пушкину...

¹ Михаил Викторович Ардов (р. 1937), сын Н. А. Ольшевской и В. Е. Ардова, секретарь Комиссии по литературному наследию Анны Ахматовой.

² “Москва”. 1966. № 6.

Иметь с ними дело мучительно: люди они не прямые, говорят не то, что думают. Зачем это надо — ждать второго заседания Комиссии? Решение принято, и они обязаны ему подчиниться.

3. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

29/VIII 66

Москва

Дорогой Виктор Максимович.

Получив Ваше письмо, я мгновенно позвонила секретарше Суркова, чтобы узнать, получена ли от Ирины Николаевны опись? По адресу Союза — нет; может быть, И. Н. послала ее на квартиру Суркову? Я позвонила туда: Ал<ексей> Ал<ександрович> в Баку. Вернется 3/IX...

Как только опись будет получена — я попрошу дать ее мне, перепишу ее на машинке, покажу Нике и срочно пошлю Толе... Разумеется, прочту сама, покажу М<карии> С<ергеевне> и Э<мме> Г<ригорьевне>. Но мы тут не так нужны, а нужны Ника и Толя.

А — “был ли мальчик”? Т. е. действительно ли И. Н. послала эту опись Суркову? И когда? И куда? Или только собирается послать?

Поживем — увидим. Я буду ежедневно звонить в Союз и Ал<ексею> Ал<ександрови>чу. Я понимаю, что дело это крайне важное и срочное.

Ваша мысль насчет того, что Л<ев> Н<иколаевич> не должен делиться с И. Н. наследием, т. е. бумагами А. А., разумеется, совершенно правильна. Но я с Л. Н. не связана никак, видела его 3 раза в жизни, и, после кончины А. А., он у меня советов не спрашивал. Потому я не имею резона их ему давать. Однако я сообщила Вашу мысль Николаю Ивановичу Харджиеву; это — единственный из старых друзей А. А., с которым Л. Н. поддерживает дружбу...¹ Ник. Ив. с Вами согласен и уверяет, что Л. Н. *так и поступит*, т. е. не будет делить с И. Н. юридических прав.

На днях я послала в Лениздат, Хренкову², подготовленный мною текст “Поэмы без героя”. Разумеется, это текст далеко не “канонический”; а — применительно к 67-му году... Мне писал В. Г. Адмони, что Лениздат пришлет мне и текст стихов. Но до сих пор я не получила ничего... Если не я, то кто-нибудь другой должен вникнуть в состав и тексты сборника; нельзя его оставить на милость Ани (!) и Хренкова...

Жму руку.

Преданная Вам Л. Чуковская

4. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

31/VIII 66

Дорогой Виктор Максимович.

Вчера у меня целый день была Ирина Николаевна.

¹ Николай Иванович Харджиев (1903—1996), искусствовед, стиховед, один из давних друзей Ахматовой.

² Дмитрий Терентьевич Хренков (1919—2002), главный редактор Лениздата.

Разговор был сложный, трудный и психологически очень интересный.

У меня гора с плеч: хотя и в корректных выражениях, но я ей высказала все, что думаю.

Но я, разумеется, не стану утомлять Вас изложением перипетий разговора. Хочу только сообщить Вам извлеченную мною информацию:

1) “Опись” послана Суркову на квартиру — а Сурков в Баку. Но добывать ее, на мой взгляд, незачем: там описаны, по словам И. Н.,

а) подстрочники к переводам (!)

б) письма читателей к А.А. (!)

в) стихи, посланные Анне Андреевне разными лицами...

и нечто далее в том же роде...

Когда я сказала И.Н., что меня интересует опись *бумаг А.А.*, ее *рукописей*, а не чужих стихов, чужих писем и подстрочников, И.Н. ответила, что “собственные рукописи Ахм<атовой> никогда не входили в архив”.

Я предложила ей бросить игру словами и ответить мне, когда будут описаны и сданы на государственное хранение тетради Ахматовой:

“Лермонтов”

“1001 ночь”

“Большой блок-нот”

“Записная книжка”, привезенная из Рима

экземпляры “Поэмы”

рукописи работ о Пушкине и многое другое

(я перечислила только то, что я сама, лично, видела или держала в руках).

Она ответила, что 1) с самого начала Сурков ей, якобы, разрешил личных бумаг А.А. не сдавать никуда “до поры до времени”, 2) в Пушкинский Дом их отдавать нельзя потому, что это плохое место (характеристику опускаю).

Я спросила, почему, присутствуя на Комиссии, она не заявила товарищам, [что] не отдаст тетрадей в П<ушкинский> Д<ом>? Она ответила, что вообще не хотела упоминать о тетрадях...

Далее она объяснила, что хочет 1) “со временем” отдать тетради в ЦГАЛИ; 2) в П<ушкинский> Д<ом> отдать вещи А. А.: стол, стул; 3) в Публ<ичную> библ<иотеку> им. Салтыкова-Щедрина отдать письма читателей к А. А., подстрочники, чужие рукописи и пр., указанное в “описи”.

Затем я сказала ей, что вот, на днях, я отправила в Лениздат “Поэму” и меня очень интересует состав сборника. Какие там стихи? Откуда? Ответ: “перепечатывается “Из шести книг” по Аниному экземпляру, исправленному Анной Андреевной”. Я сказала ей, что у меня тоже есть экземпляр “Из шести книг” с пометками А. А. и что все эти пометки учтены при составлении “Бега времени”; что я не текстолог, не ученый, но все-таки понимаю, что печатать сборник 1940 г. *после* того, как автором был составлен сборник 64-го года, — безобразно...

Представления о печатании стихов вообще удивительные. И. Н. сказала мне, что собирается напечатать “Памяти Булгакова” и хочет проверить у меня текст. Я ответила: “Это стихотворение я знаю наизусть и могу прочитать Вам, но у Елены Серге-

евны Булгаковой есть *автограф* и вам следует обратиться к ней". Ответ был: "у меня нету времени" ...

Вот в таком роде мы беседовали 6 (шесть!) часов.

Я ей сказала, что не понимаю, на каком основании Аничка составляет сборник... Ну, ладно, извините меня, я злоупотребляю Вашим временем. Так можно писать без конца. Я, собственно, хотела только известить Вас о том, что такое *опись*...

Будьте здоровы. Надеюсь, Вы получили мое предыдущее письмо.

Преданная Вам Л. Чуковская
31/VIII 66
Москва

5. В. М. Жирмунский — Л. К. Чуковской

Ленинград, 6.IX.66

...За это время, после получения двух Ваших писем, произошло следующее. И. Н. Пунина прислала ко мне в Комарово Аню, чтобы уговориться о встрече. Сегодня вечером я был у них, и выяснилось следующее. "Архив" И. Н. передает не в Пушкин<ский> Дом, а в Публ<ичную> библ<иотеку>, кое-что для начала уже передано. Описи существуют и были мне показаны. Они были составлены Аней при участии сотрудника Библиотеки. Они содержат материал действительно "периферийный", хотя переводы представлены не подстрочниками, а частью автографами, частью правленными машинописными копиями. Многое еще не вошло — "пока" не вошло, даже из "периферийного" — например, "пока" не описаны сборники иностранных переводов, которых у А. А. было большое число. Тетрадей, заключающих в себе специально стихи, нет. Впрочем, мне был показан сборник 1960 г. с письменным посвящением Ане и большим числом вклеенных стихов разного времени, большей частью напечатанных, а также сборник в темном переплете, содержащий машинописные копии стихов от "Вечера" до сороковых годов, с правкой А. А. — в этом сборнике много стихотворений, вписанных от руки, из которых небольшое число, по-видимому, издано не было (некоторые из вписанных стихов — второй половины 1950-х годов). Для какой цели этот сборник предназначен, Пунины мне сказать не могли; машинопись, по-видимому, очень старого времени.

Вообще и Аня и И. Н. утверждают, что в "наследии" А. А. осталось очень *мало* ненапечатанных стихов. Так ли это? Найман думает иначе, он говорит о 50—60—70-ти, но они обе утверждают, что цифры эти фантастические.

Я спросил о "1001 ночи" и "Лермонтове", которые мне пришлось видеть при жизни А. А. Получил ответ, что эти сборники будут переданы *отдельно*, на *закрытое хранение*, т. к. в них много интимного, не подлежащего огласке, — в частности, о Н. С. Гумилеве, о Леве. Думаю, что это не так, но, во всяком случае, И. Н. ссылается на "волю" А. А., которая будто бы не хотела, чтобы эти тетради пошли вместе с остальными архивными материалами. Когда я выразил желание посмотреть эти тетради, мне было сказано, что их на квартире нет, потому что они переданы на временное хранение в Литерат<урный> Музей в Москве, куда они в дальнейшем поступят на по-

стоянное “закрытое” хранение — в соответствии с “волей” А. А, будто бы разделившей эти две части своего наследия.

Разумеется, в таких разговорах я совершенно беспомощен, т. к. ничего *утверждать* не имею возможности, как можете Вы и мог бы Толя Найман.

С Левой... Он совершенно справедливо говорит, что у него право, но не *сила*. А что значит “сила”? Судебный процесс? Может быть, лучше было бы созвать еще раз Комиссию и попросить И. Н. доложить о своих мероприятиях?

6. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

11/IX 66

Москва

...Теперь о Леве, И. Н. и тетрадях.

Прежде всего — меня возмущает утверждение И. Н., будто в тетрадях “мало стихов”. Это ложь. И тетрадей *много*, и стихов, еще ненапечатанных, в них *много*. Толина цифра “около 60” — не взята с потолка и не преувеличена. После смерти А. А. за эти полгода уже напечатано в журналах около 10 стихотворений (одно в неполном виде); известны ли Вам публикации в “Р. Т.”, 1966, № 13; “Москве”, 1966, № 6; “Звезде Востока”, 1966, № 6? Так вот, число ненапечатанных на наших глазах уменьшилось уже на 10. Толя говорил 60; теперь, вероятно, осталось 50... Я прилагаю к этому письму список стихотворений, которые сама сейчас припомнила: их, как Вы видите, около 30. (Не считая “Поэмы без героя” и “Реквиема”.) *Подавляющее большинство*, безусловно, было записано Анной Андреевной в тетрадях (ибо не было причин не записывать); остались незаписанными весьма немногие.

Что касается “интимных” записей, то я сильно сомневаюсь в их интимности... М. б., их нельзя публиковать *сегодня*, так как люди еще живы, но это не основание, чтобы прятать их от Л<ьва> Н<иколаевича> и исследователей.

Что теперь делать Леве?

Мне кажется, *прежде всего* на основе показаний Толи, Ники, Ник. Ив. Харджиева, Нины Ант. Ольшевской и т. д. составить достоверный список бумаг — на основе показаний свидетелей — *список тетрадей и других рукописей А. А.* (С первого дня после смерти А. А. мы, ее друзья, требовали описи, но описи бумаг И. Н. не допускала.) По этому списку он — или Пушк. Дом — с помощью Комиссии — должен потребовать рукописи у Пуниных и, получив их, передать на госуд<арственное> хранение — в Пушк. Дом, или в ЦГАЛИ, или куда посоветуют специалисты.

Конечно, это очень непросто. Но другого пути я не вижу. А без тетрадей, т.е. без автографов, как же Вы будете печатать книгу в Б<иблитеке> П<оэта>? Нельзя же печатать стихи *по памяти*, хотя бы и хорошей, если существуют автографы?

7. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

[26.IX.66]

Дорогой Виктор Максимович.

Если Вы приедете в середине октября, это очень хорошо, очень удобно. Просьба одна: предупредите меня о дне приезда *загодя*. Я ведь живу то на даче у К<орнея> И<вановича>, то в Москве. Иногда мне бывает не с кем его оставить — нас мало... Но если знать заранее, что вот тогда-то надо быть в городе, — все великолепно устроится.

Жду почетного гостя!

Все, что Вам будет угодно увидеть, все, перечисленное Вами, я выложу на стол. И все неперечисленное — тоже. Вы укажете, какие документы нужны Вам для работы; я их дам сразу перепечатать на машинке, и Вы увезете их с собой.

Подумаем также вместе, как прорваться сквозь пунинские преграды.

Мне говорила Эмма Григорьевна, что она собирается послать Вам список тетрадей, составленный ею на основе свидетельств друзей. Получили ли Вы его? Я ей советовала послать такой же Суркову.

Очень советую Вам захватить с собою “Бег времени” и америк<анское> издание. Я хочу в Ваших экземплярах исправить ошибки.

Корней Иванович дружески кланяется.

Я жду от Вас известия о дне приезда.

Крепко жму руку Л. Чуковская

26/IX 66

Москва

8. В. М. Жирмунский — Л. К. Чуковской

[20-е числа октября 1966]¹

Мой последний разговор с И. Н., о котором я Вам уже докладывал, был достаточно прямой (хотя, разумеется, вежливый), и И. Н. сочла нужным послать мне обиженное письмо, смысл которого заключался в том, что мне следует заниматься “подготовкой научного издания” (дополняю от себя: а не вмешиваться в чужие дела!). “Рукописи А. Ахматовой”, написала мне И. Н., “являются только ее собственностью, а теперь они должны храниться по *существующим законам и согласно с ее пожеланиями*”.

Это письмо заставило меня ответить ей еще более прямо и поставить все точки над *i*. Я повторил ее приведенные выше слова и написал: “...К сожалению, все это совершенно не так. Вы распоряжаетесь рукописями А. А., как будто бы это была *Ваша* личная собственность, не считаясь ни с законом, ни с волей А. А. По закону и по воле А. А. ее наследником является Л. Н. Гумилев — распоряжаясь архивом, Вы не спрашиваете его совета и не считаетесь с его волей (как и с рекомендациями Комиссии). Вы разделили по непонятным причинам архив на две части, разрознили его, что со-

¹ Датируется на основании письма Л. К. Чуковской к отцу, в котором есть выдержки из этого письма Жирмунского. — См.: Корней Чуковский — Лидия Чуковская. Переписка. М.: НЛЮ, 2003, с. 425—426.

вершено не соответствует желаниям А. А., на которую Вы ссылаетесь, и ничем не может быть оправдано. Помимо всего прочего, А. А. никогда не могла предполагать и одобрить, что ее архив полностью или частично будет передан в Москву: Вы знаете, что Ленинград всегда был для нее “мой город” и что с Пушкинским Домом она была связана — через Пушкина.

Не могу не добавить, что Вы очень напугали меня и всех друзей А. А., отрицая существование в ее архиве автографов с ее стихами, в том числе и неизданными, тогда как А. А. как мне, так и другим всегда читала свои стихи не наизусть, а по своим записным книжкам. Не понимаю, почему при составлении описей и передаче архива в общественное хранение Вы систематически отказывались от помощи друзей А. А., которые хорошо знали состав ее архива, как видно по двум спискам ее творческих тетрадей, которые они мне передали.

В последнем разговоре со мной Вы отрицали наличие в архиве конверта с отрывками трагедии “Сон во сне”¹, переписанными А. Г. Найманом. Ирина Николаевна, если это или другое из поэтического наследия Анны Андреевны, известного ее друзьям, в архиве не окажется, то отвечать за это будет не Найман, а будете Вы — я говорю об ответственности не перед судом, а перед общественным мнением, перед историей, перед человечеством, потому что Вы сами отказались от помощи и от контроля общественности, который, как я Вам говорил уже при нашей первой встрече, в таких случаях абсолютно необходим и был бы Вашей лучшей защитой от всяких нареканий, независимо от степени их справедливости.

Ведь поймите, что речь идет действительно не о Вашей частной собственности, а о наследии большого поэта...”

9. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

18/XI 66 Москва

...Все, что Вы сообщаете о своей беседе с И. Н., чрезвычайно интересно и важно. И как я завидовала, читая письмо, Вашей находчивости и точности! Сама я в таких случаях совершенно теряюсь — один на один с ложью.

Я глубоко убеждена, что в ЦГАЛИ сдано *не все*. Вот об этом-то я и хотела говорить с Сурковым: Комиссия, на мой взгляд, обязана добиться передачи на госуд. хранение *всего* архива. Если И. Н. хочет — и может — получать за это деньги, пусть получает, но пусть отдаст *все*. Что она от Вас узнала о существовании наших описей — это отлично; но надо, чтобы борьбу возглавил Союз, т. е. Сурков, и надо, наконец, чтобы начал себя активно вести Лева.

Я Суркову все-таки дозвонюсь; но я думаю, Ваше слово для него важнее.

Люди, которые говорят Вам, будто “надо было сразу все опечатать”, — говорят, не зная реальных обстоятельств. Что и когда и как можно было опечатать? А. А. скончалась не дома, а в Домодедове; часть тетрадей были у нее с собой, в Домодедове; часть у кого-то в Москве... Кое-что оставалось в Ленинграде. Ну, опечатали бы всякую машинопись, а остальное? Да и машинопись ценную опечатать бы не удалось; я убеждена, что, получив известие о смерти, И. Н. сразу приняла свои меры в Л<енин-

¹ “Пролог, или Сон во сне”.

граде; Аня же отправилась немедленно за тетрадями в Москву. Кроме того, И. Н. немедленно объяснила Суркову, что в тетрадях “интимные записи”...

Нет, Виктор Максимович, ошибки не было (разве что со стороны Л<ьва> Н<иколаевича>, кот<орый> д<олжен> был *требовать* тетради сразу), а было роковое стечение обстоятельств.

Но как бы там ни было — надо продолжать записи стихов¹ и борьбу за тетради.

10. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

8/XII 66

...Очень умное предложение внес С. И. Липкин²: он предложил, чтобы Сурков взял с собою юриста Союза Писателей, знатока авторского права, Орьева³. Я Орьева знаю: человек весьма дельный, он поговорил бы с И. Н. без эмоций и устрашающе. (Я нахожу, что Вы беседовали с И. Н. великолепно — однако все же Вы литератор, а не юрист, Вы апеллируете к ответственности перед человечеством, а не законом; кроме того, для Вас она все же — знакомая дама — как и для нас всех; а Орьев может просто перечислить ей, что ей грозит и по каким статьям Уг<оловного> кодекса.) По всей видимости, Сурков настроен на этот раз весьма решительно. Понравилось мне и то, что он дважды приглашал к себе Толю и беседовал с ним весьма дружески.

Но вот что вносит путаницу и смущает всех: у Суркова дня три назад был Мыльников⁴. Он заявил Суркову, будто И. Н. и Л. Н. посетили его вместе и будто Л. Н. выразил свое согласие на продажу части архива в Библиотеку им. Салтыкова-Щедрина. Я сейчас же дала справку, сославшись на Ваше письмо ко мне, в котором Вы сообщаете, что Л. Н. начисто этот факт отрицает. “Придется устраивать очную ставку”, — сказал Сурков полушутя, полусерьезно.

(“И даже не одну”, подумала я, припоминая все лжи.)

Шел разговор и о Собр. соч., предлагаемом в Гослите, но мельком. И тут не обошлось без смешного: Сурков сказал, что он сердился на И. Н. за то, что она посмела отправиться к Косолапову беседовать о Собрании сочин.⁵, а потом, позвонив Косолапову, услышал от него: “И. Н. у меня не была”.

(Ну вот и поймите!)

Главная беседа шла, конечно, об архиве, о спасении архива. Сурков считает — и я с ним согласна, — что суд, даже если не выпарапает у нее всё, положит предел ее торговым возможностям. Говорили о необходимости опубликовать наконец состав Комиссии; и о том, что в ней необходимы — сверх Харджиева — еще и Толя, и Глен, и Герштейн. Сурков ответил, что секретариат пока согласен только на Харджиева, а публикация будет.

¹ Некоторые стихи Ахматовой не были записаны и хранились только в памяти ее друзей.

² Семен Израилевич Липкин (1911—2003), поэт, переводчик, прозаик, мемуарист.

³ Александр Иванович Орьев, председатель Правовой комиссии при Союзе писателей.

⁴ Александр Сергеевич Мыльников (1929—2003), библиограф, в те годы заведующий Отделом рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская Национальная библиотека).

⁵ Валерий Алексеевич Косолапов (1910—1982), директор Гослитиздата.

Мария Сергеевна поставила вопрос о том, совместимо ли поведение И. Н. с пребыванием в Комиссии? Но это пока отвели.

Я высказалась о том, что хотя не вижу причин перечить воле Л. Н. и ничего не имею против Пушк. Дома, но что мне вопрос, *где* будет храниться архив, не так важен: в Пушк. Доме или ЦГАЛИ? что мне важно, чтобы он находился на государственном хранении, а не в частных руках. Это — главное.

Очень сильно говорила Нина Ант<оновна>, но ей каждое слово доставляло такое страдание, что я на месте сыновей не пустила бы ее в Ленинград. Она хочет быть на заседании Комиссии, хочет быть на Суде, уверяет, что *при ней* И. Н. не посмеет *лгать*... В самом деле, никто ближе Нины не знал жизни А. А., ее отношений в семье и пр., и наверное никого из своих друзей А. А. так не любила, как Нину. Но я думаю, что И.Н. и ее *не устыдится*, и я не стала бы, ради пробуждения совести И. Н., рисковать здоровьем, а м.б. и жизнью, Нины Антоновны.

Была на этом собрании одна очень грустная нота. Кто-то сказал: “Вот мы с таким ожесточением говорим об И. Н. и Ане, а ведь А. А. любила Аню и всегда заботилась о деньгах, квартире, даче для этой семьи. Если бы сейчас А. А. вошла в эту комнату, она наверное решила бы так: пусть И. Н. и Аня получают деньги, а рукописи будут пусть не у них и не они пусть занимаются печатаньем...” *Это правда.* А. А. хотела, чтобы Аничка могла наряжаться, чтобы И. Н. могла лечиться и пр. Ради этого она, тяжело больная, в 76 лет брала нелюбимую работу — переводы... Но как исполнить ее волю? Как сделать, чтобы они не имели касательства к рукописям, но *получали деньги*? Кажется, вначале, Л. Н. был мягко настроен и хотел с ними делиться деньгами... М. б. он и теперь согласился бы делить с ними гонорар при условии, что они отдадут все рукописи? И. Н. тяжело неправа перед памятью А. А. и перед всеми — но подумайте об этом, дорогой Виктор Максимович, чтобы нам не чувствовать себя ничем виноватыми перед памятью А. А. Она никогда не считала И. Н. дочерью, но все же она о ней заботилась (во имя отца) — ну как же нам быть? У меня ум за разум заходит.

Теперь буду очень ждать от Вас сведений о ленинградских совещаниях.

Необходимо добиваться, чтобы Сурков был на суде. Ваши слова о необходимости для него посетить партийные инстанции Ленинграда ему, по-видимому, запали в душу: он сегодня заявил нам о своем намерении посетить их. Но и на суд придти он должен. И непременно, кроме Толи, — Ника Глен и Э. Г. Герштейн. В себе сомневаюсь, ибо и сегодня ездила в Союз втайне от врачей и домашних. Дело не во врачах: я сама еще не чувствую себя в силах ехать, жить не дома, говорить. Да я и не очень нужна там: довольно хорошо зная стихи А. А., я вовсе нехорошо знаю ее тетради...

11. В. М. Жирмунский — Л. К. Чуковской

Ленинград, 14.XII.66

Дорогая Лидия Корнеевна!

Спасибо Вам за подробное письмо от 8.XII. Оно информировало меня и В. Г. Адмони о Вашем московском совещании, которое, как мне кажется, было очень уместно, т. к. укрепило А. А. Суркова в его действиях (он сам на нашем собрании упомя-

нул о нем кратко, назвав имена участников). Сейчас я постараюсь поделиться с Вами кратко новостями, связанными с собранием комиссии в Ленинграде; подробно обо всем расскажут Вам Миша Ардов и Толя Найман, которые оба приедут в Москву, вероятно — в субботу или в воскресенье.

Но прежде всего два слова предварительно о других моих делах.

1) Представьте, что, вернувшись из Москвы, И. Н. Пунина позвонила мне по телефону из Ленинграда в Комарово, и, извинившись за то, что эта поездка задержала ее письменный ответ, пригласила меня, как ни в чем не бывало, заехать к ней на квартиру, чтобы поговорить и, в случае необходимости, предоставить мне какие-то материалы. Я в вежливой форме отказался. То же сделал Адмони, которому она позвонила после этого.

2) Я имел разговор с С. М. Лозинским по поводу архива его отца. Он предоставил все в мое распоряжение. Сейчас у него работает Е. Г. Эткинд¹, который хорошо знаком с архивом по другим публикациям. Представьте, что М<ихаил> Л<еонидович> сохранил весь архив “Гиперборей”, оригиналы стихов А. А. (из “Вечера” и “Четок”), печатавшихся в “Гиперборее”, и корректуры “Белой Стаи”, которой он был редактором. Со всех автографов будут сняты фотокопии. Очень прошу Вас пока *никому об этом не рассказывать*, потому что я за это время убедился в существовании “охотников за автографами”, которые испортят жизнь и С. М. Лозинскому, и мне, и нам всем².

Теперь о заседании 12.XII в Союзе Писателей. Присутствовали: из Москвы — только Тарковский, из Ленинграда — Адмони и я, Л. Гумилев, И. Н. Пунина и Аня, Толя Найман и Миша Ардов, кроме того, из Пушкинского Дома директор В. Г. Базанов и заведующий архивом Н. В. Измайлов, из Публ<ичной> библиотек<и> — зав. архивом Мыльников и работавшая на квартире Пуниных его сотрудница, поэт Дудин (председатель Лен<инградского> отдел<ения> ССП) и два (!) юриста (Пушк. Дома и Лен. отд. ССП). Надо сказать, что присутствие таких в общественном отношении авторитетных лиц, как Дудин и Базанов, очень помогло эффективности заседания, так как оба выступали очень решительно по тону, с указанием на всенародное и международное значение поэзии А. А., требующее особо бережного обращения к ее наследию. Выступления обоих юристов, людей, по-видимому, толковых, были тоже очень импозантны, т. к. они полностью разъяснили юридическую несомненность прав наследования Л. Н. Гумилева, полную неосновательность претензий И. Н. Пуниной и незаконность ее действий.

Заседание началось с выступления Суркова, который напомнил о решении комиссии передать архив Пушк. Дому, в соответствии с волей наследника, и о том, что за 6 месяцев ничего *не было* сделано по вине И. Н. Последняя немедленно же подала реплику, что такого решения никогда не было, что она заявляла о своем несо-

¹ Ефим Григорьевич Эткинд (1918—1999), профессор, специалист по французской и немецкой литературе.

² Поэт и переводчик Михаил Леонидович Лозинский (1886—1955) был другом Ахматовой. “Лозинский, — пишет Жирмунский, — был секретарем редакции литературно-художественного журнала “Аполлон”, где печатались... ранние стихотворения Ахматовой, владельцем издательства “Гиперборей”, литературным редактором “Четок” и “Белой стаи”, а также редактором и издателем стихотворного ежемесячника “Гиперборей” (октябрь 1912 — декабрь 1913)”. — См.: Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы / Сост., подг. текста и примеч. В. М. Жирмунского. (Б-ка поэта. Большая серия), 1976, с. 457. Сын М. Л. Лозинского — Сергей Михайлович Лозинский (1914—1985), математик.

гласии и суждения по поводу Пушк. Дома были разные. Тогда А<лексей> А<лександрович> велел огласить соответствующий пункт протокола, а я напомнил, что была создана специальная комиссия по передаче архива под моим председательством, с участием самой И. Н., Л. Н. и М. Ардова. Тем не менее И. Н. продолжала настаивать, что никакого решения не было.

Тогда я выступил в качестве “общественного обвинителя” и изложил всю историю моих (наших) переговоров с Н. В. Измайловым и пушкинодомцами (приготовившими все необходимое для принятия архива) и с самой И. Н. — вплоть до ее заявления, что “архив у нее можно отнять только силой”, после чего я сказал ей, что напишу обо всем подробную реляцию нашему председателю Суркову и буду вынужден сложить с себя поручение содействовать передаче архива ввиду занятой ею позиции, и т. д.

Выступали и другие в том же духе. В очень глупом положении оказались представители Публичной библиотеки, которые, несмотря на все бывшие им предупреждения, купили за 2000 с лишним рублей “ошметки” архива (письма читателей, подстрочники переводов). Мыльников, как он уже делал неоднократно, сослался на устное разрешение Л. Н. Гумилева (в присутствии И. Н.!), который, однако, еще раз подтвердил, что такого разрешения он не давал и не мог давать, считая себя связанным письменным соглашением с Пушк. Домом и не имея обыкновения отказываться от своего слова. Кстати, выяснилось, что существование “творческих тетрадей” И. Н. сперва, по-видимому, вообще скрыла от работников Публ<ичной> библ<иотеки>, а потом заявила, что эта часть архива, *согласно письменному распоряжению А. А.*, должна быть передана в ЦГАЛИ. Я думаю, что к концу заседания тов. Мыльников “осознал”, в какую глупую историю он влез, и был бы рад, если бы мог как-нибудь из нее вылезти. Затем А. А. Сурков предъявил И. Н. списки “творческих тетрадей” А. А., составленные А. Г. Найманом и Э. Г. Герштейн, спрашивая ее о каждом объекте и делая на своем экземпляре пометки о том, где эти материалы находятся. Однако И. Н. отвечала крайне невнятно и путано, ссылаясь на то, что часть передана в ЦГАЛИ, а часть ей вообще неизвестна, так что я не думаю, чтобы его пометки внесли ясность в дело.

Наконец было принято решение, не касаясь *пока* вопроса о материалах, уже переданных в другие государственные хранилища и принятых по соответствующим официальным описям, потребовать от И. Н. *немедленной (в течение трех дней)* передачи оставшегося у нее на квартире материала в Пушкинский Дом. Решение это было принято единогласно. И. Н. руки не поднимала, по-видимому, — желая оставить себе лазейку, но я спросил ее вслух: “А Вы голосуете *за* резолюцию или *против?*”, на что она ответила: “Голосую *за*”.

Затем возник вопрос о составе комиссии, имеющей поручение наблюдать за передачей. Сурков просил меня быть председателем. Я отказывался, говоря, что считаю это дело — безнадежным после длительных бесплодных разговоров с И. Н. и думаю, что добиться результатов можно было бы, только применив “силу” (как она сама о том сказала). Однако пришлось согласиться. Кроме меня в комиссию вошли А. Г. Найман, М. В. Ардов (как секретарь), Н. В. Измайлов (от Пушк<инского> Дома) и Мыльников (от Публ<ичной> библиотеки — по желанию Суркова). Мы были при-

глашены явиться к И. Н. на следующий день, где, по ее словам, всё будет выложено на столе.

Когда мы пришли, я должен был выступить в качестве руководителя “изъятия” (“судебного исполнителя” — что ли?). Я предложил, не входя в дальнейшие споры: 1) сотрудникам Пушк<инского> Дома переписать то, что им предлагается взять, после предварительного просмотра Толей; 2) затем составить *под диктовку самой* И. Н. список объектов, переданных (по ее словам) в ЦГАЛИ; 3) наконец, зафиксировать на отдельном листе те объекты, перечисленные в списках Толи и Э. Г. Герштейн, которых, по словам И. Н., у нее нет. Все это подписать в двух экземплярах И.Н., мне и Ардову.

После некоторых протестов И. Н. так было сделано.

1/ Передаваемое в Пушк. Дом оказалось очень пестрым по своему составу. Здесь был нашедшийся конверт с фрагментами трагедии “Сон во сне”, существование которого И. Н. отрицала, и около 20 папок очень пестрого содержания, частью с автографами, частью с машинописным материалом, не очень важным и значительным. Переписка этого сотрудницей архива отняла много времени и потребует еще одного “сеанса”. На этом “сеансе” возможны всякие неожиданности, т. к. весь материал должен быть передан в Пушк. Дом.

Очень характерно, что в поисках бумаги для описи Толя открыл ящик стола, на котором находился отобранный И. Н. материал. В ящичке оказались тут же на поверхности *три* папки с материалами, гораздо более значительными, чем все прочие (одна из них с подборкой заметок и материалов по истории акмеизма, о существовании которой сигнализировал в свое время Найман). Присутствовавшая при этом “открытии” И. Н. немедленно совершенно спокойно заявила: “Как, Вы не учли содержимого этого ящика? Ведь я сказала Вам, что там имеется еще материал”!!

2/ В список переданного в ЦГАЛИ И. Н. включила 14 или 15 номеров различных известных нам (по Найману) творческих тетрадей. Однако, когда я сказал ей: “Зачем нам составлять список наново, ведь у Вас должна быть официальная расписка ЦГАЛИ о приеме?” — И. Н. на это ответила очень резко: — Расписку я Вам показывать не обязана и не покажу! — Тогда я спокойно попросил Мишу Ардова записать все под ее диктовку.

Секрет, по нашему общему мнению, заключается в том, что расписка ЦГАЛИ (которую И. Н. показывала ранее Суркову в Москве) содержит только 3 наименования (что соответствует и Вашей информации). Остальное либо еще “готовится к передаче”, либо где-нибудь укрыто, *чтобы не передавать без денег в Пушк<инский> Дом.*

3/ Тетрадей, которых у И.Н. не оказалось и которых, по ее мнению, к моменту смерти А.А. в архиве *не было*, оказалось №№ 5—6. Среди этих потерь наиболее значительная — альбом Долгорукого, подаренный Харджиевым. “Я этой книги никогда не видела, вероятно, она давно пропала”, — гласил полученный нами ответ. Значит ли это, что тетради эти где-нибудь припрятаны или кому-нибудь уже проданы, покажет будущее.

“Альбом Долгорукого” — вероятно, для последней цели особенно подходит.

Наши дальнейшие действия будут таковы. А. А. Сурков созвонится с дирекцией ЦГАЛИ, чтобы официально проверить состав проданного, и будет просить о допущении в архив Толи, чтобы просмотреть, в каком виде проданы “Лермонтов” и “1001 ночь”, не выдрано ли из них что-нибудь. Особенно важно найти и скопировать составленный А. А. в “Лермонтове” список 70 стихотворений, ею не напечатанных, но *готовых к печати*. По этому списку (т.е. по первым строчкам) мы будем разыскивать самые стихи.

Должен сказать, что мы все-таки одержали *большую победу*. Список переданных в ЦГАЛИ “творческих тетрадей”, даже если они фактически не переданы, представляет подписанное самой И. Н. свидетельство о *существовании этих тетрадей*, о которых мы знали до сих пор только по воспоминаниям “свидетелей” (Толи, Герштейн и др.). Впервые мы имеем здесь *настоящий юридически бесспорный материал для судебного иска*, включая возможность уголовного дела за сокрытие этого материала. Этим И.Н. подписала себе, сама того не понимая, *смертный приговор*. Поэтому я надеюсь, что мы получим весь этот материал — так или иначе, в ЦГАЛИ или из ее рук (в каком виде, это, конечно, сказать трудно!).

Пушкинский Дом и Л. Н. Г<умиле>в передали дело в народный суд до нашего заседания, но дальнейшее течение дела (опрос свидетелей и т. д.) они отложили на несколько дней до завершения наших “больших операций”.

Два слова об И. Н. Мой вывод: 1) она спекулянтка в худшем смысле слова; 2) она совершенно не знала и не знает архива А. А. и потому в некоторых случаях путает неумышленно; 3) она страдает женской истерией в высшей форме (по счастью — без истерик!) — так врать в глаза каждому, притом за один присест, может только человек, психически больной.

Мне очень жалко Анечку, в особенности в ее нынешнем состоянии. Конечно, она очень привлекательна, но боюсь, что *внутренне* она совершенно развращена и некоторая игра в “наивность” и “чистоту” превращается у нее в сознательную маску для чувств и действий, отнюдь не невинных, а продуманно нечестных.

Мне было очень тяжело выступать в такой роли на квартире А. А. Иногда казалось, что покойница лежит в соседней комнате, а мы — гости, пришедшие выразить родственникам (как обычно — чужим покойнику!) свое соболезнование, или еще хуже — понятия^{ее} на обыске в квартире недавно умершего любимого человека. Я в эти дни пережил больше, чем за все случаи своих “проработок” в прошлом. К сожалению, я не могу отказываться, т. к. И. Н., как мне кажется, кроме Суркова боится меня одного, и как только я уйду, она старается уклониться от взятых на себя обязательств.

Мы постановили еще: 1) ходатайствовать о мемориальной доске на Фонтанном доме; 2) поддержать сборник воспоминаний, готовяемый Герштейн; 3) предложить сборник Лениздата на просмотр в части стихотворной — Вам, в части прозаической — Герштейн; 4) Собрание сочинений у Косолапова печатать в Москве, подготовив состав редакции и план. Я лично думаю, что Вам надо было бы и на этот раз заняться стихотворным томом, а Э. Г. Герштейн — прозаическим. Быть председателем редакционной коллегии мы предложили Суркову. Я должен войти в ее состав для связи с изданием “Библиотеки Поэта”.

Вижу, что написал Вам очень длинное письмо. Хотелось поставить Вас обо всем в известность. Поэтому, щадя Ваши глаза и зная свой неразборчивый почерк, переписал его на машинке.

Крепко жму Вашу руку

Дружески Ваш В. Жирмунский

12. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

[26.XII 66]

Собственно, ничего нового я Вам сообщить не могу: Толя, наверное, уже был у Вас и все рассказал. Но, не имея сообщить Вам ничего нового, я хочу принести Вам сердечную, глубокую, искреннюю благодарность за Ваше письмо — длинное и откровенное. Что Вы пережили за эти дни! Как у Вас хватило сил! По внешнему виду все эти происшествия — приключенческий роман с неожиданными поворотами сюжета; но ведь внутри, за этим, *под* этим — Ваша оскорбленная память и боль.

В сущности, практически, фактически — Вам, юристам, Суркову, Толе, Мише удалось добиться многого, очень многого: 2/3 или 3/4 архива А.А. уже находятся, так или иначе, на госуд<арственном> хранении; но я как-то не умею обрадоваться, п. ч. предчувствую множество клеветы, грязи, мерзости впереди.

Об архиве Лозинского я никому не скажу, разумеется, — но я уже слышала о нем (по поводу какого-то портрета А. А.) от Ник<олая> Ив<ановича>. Во всяком случае, это великое счастье — архив “Гиперборея”, корректура “Белой Стаи”! Сокровища.

Я получила от ЦГАЛИ в подарок (!?) список ахм<атовского> фонда, составленного до ее смерти. Я уже дала его машинистке и скоро пошлю Вам: кое-что интересное там все-таки есть — автографы ранних стихов, письма Б<ориса> Л<еонидовича> к А. А.¹, альбом стихов, посвященных ей, и т. д. Быть может, Вам пригодится.

Очень жду Ваших и Толиных писем о предстоящем суде. Приехать — у меня нет надежды, но м.б. надо написать какое-нибудь заявление? Какое? Подумайте, пожалуйста.

Ал<ексей> Ал<ександрович> в отпуске, но близко от Москвы — если будет надо, могу послать туда, что понадобится, с курьером.

Но, конечно, пишите ему про все сами — Вас он чтит и слушает.

Привет Иосифу, Толе и Влад<имиру> Григорьевичу.

Жму руку. Желаю Вам здоровья и побед на ахм<атовском> фронте в 1967 г.

Ваша Л. Чуковская
26/XII 66

P. S. Последние известия:

1) И. Н. предложила изд<атель>-ству “Искусство” сборник статей Ахм<атовой> о Пушкине (*на днях*).

¹ Письма Пастернака к Ахматовой см.: Борис Пастернак. Собр. соч.: В 5 т. Том 5. М., 1992, с. 184, 267, 268, 384 и 388.

2) И. Н. звонила вчера ночью Л. З. Копелеву¹ с вопросом, почему все против нее. Он ответил (он был под впечатлением своей поездки в ЦГАЛИ с Толей): “потому что вы ведете себя непорядочно, клеветаете, лжете и разбазариваете национальное достояние — архив А. А.”.

И повесил трубку.

Л. Ч.

13. В. М. Жирмунский — Л. К. Чуковской

Комарово, 11.XII.67

Дорогая Лидия Корнеевна!

Недавно я послал Вам с письмом копию автобиографических материалов, принадлежащих Толе, теперь пишу опять по следующим делам.

Прежде всего — суд назначен на 8 янв<аря>. Московские свидетели, по-видимому, получат вторичные приглашения. Я думаю, было бы хорошо, чтобы они приехали. Во-первых, казенный, полуграмотный протокол их показаний не произведет того впечатления, как живое слово. Во-вторых, ответчица и ее адвокат имеют право задавать вопросы, а там они могут дать свой комментарий в отсутствии свидетелей. Относительно Ваших показаний мы предварительно решили, что Пушкинский Дом отправит Вам письмо с просьбой приложить в связной форме Ваши показания по делу. Надо будет Вашу подпись засвидетельствовать — лучше всего в Союзе Писателей, в крайнем случае — даже у управдома. Юридической силы Ваше показание иметь не может, поскольку оно не будет оформлено обычным способом, но психологически оно, конечно, сыграет свою роль. Мы советовались с юристом и решили пойти таким путем, т. к. иначе Вы должны дать свои показания в Москве в судебных органах, а это может быть Вам по состоянию здоровья тяжело. Вы может вначале упомянуть о том, что состояние здоровья лишает Вас возможности явиться в суд, но, как лицо, бывшее в течение ряда лет близким другом АА, Вы хотели бы сообщить все, что можете, по этому важному делу о ее наследии.

Что существенно осветить — с юридической точки зрения? Можно ли в условиях тесной совместной жизни, общих [нрзб.] и литературных интересов рассматривать архив как нераздельное имущество фактической “семьи” АА (или такой ситуации не было)? Каковы были отношения АА слевой? Можно ли считать, что они разошлись, были далеки друг от друга и что А. А. была бы против того, чтобы Лева, а не Пунины распоряжались ее литер<атурным> наследием? Есть ли основание думать, что АА не хотела, чтобы ее архив перешел к П<ушкинскому> Дому, и что она сама предполагала передать эти материалы в Публ<ичную> биб<лиотеку> или ЦГАЛИ?

Я думаю, что Вы сами сумеете по совести и со свойственным Вам жаром изложить всю правду об этом деле, как Вы ее знаете. Поэтому я и настаивал, чтобы в той или иной форме Ваше показание было приобщено к делу. Как только всё это будет

¹ Речь идет о германисте Льве Зиновьевиче Копелеве (1912—1997). Л. З. Копелев был знаком с Ахматовой и часто виделся с нею во время ее приездов в Москву.

окончательно решено, официальное письмо Вам послано, московские свидетели вызваны, я напишу Вам еще раз.

Возможно, что в 20-х числах декабря я приеду в Москву. Мы хлопочем о рассекречивании “Лерм<онтова>” и “1001 ночи” и просмотре всего состава проданного специальной комиссией (как в ЦГАЛИ, так и в П<убличной> библиотеке). Прошу считать это *между нами*. Если суд в этом откажет, я возможно, приеду на несколько дней (числа 25 дек<абря>), чтобы поработать в ЦГАЛИ.

Мне, наконец, удалось побеседовать с юристом Академ<ии> Наук. Он был длительно болен, находился в больнице, и из-за этого (а также из-за предполагавшейся, а м. б. состоявшейся командировки Левы в Москву) слушание дела было отложено. Юрист настроен весьма оптимистически: по его мнению, юридическая сторона дела ясна, архив и право им распоряжаться *должны* быть возвращены законному наследнику. Но у меня создалось впечатление, что Пунины и Публ<ичная> библиотека ведут себя очень уверенно. М. б., у них есть для этого основания неюридического порядка? Мы же к делу остыли, ведем себя очень вяло, Пушк<инский> Дом не защищает достаточно активно свои права; комиссия по наследству *бездействует* (у нас нет даже секретаря, после отъезда Миши Ардова в Крым!). А. А. Сурков сочувствует, но не действует. По словам юриста (по-моему — справедливым!), я являюсь единственным лицом, которое проявляет интерес к этому делу.

На суде П<ушкинский> Дом будет представлять свои позиции (юрисконсульт А<кадемии> Н<аук>), Лева имеет свою юристку (очень толковую молодую женщину!), И.Н. и Аня, как говорят, будут иметь каждая по юристу, П<убличная> библиотека — своего юрисконсульта. В. Г. Адмони является официальным представителем Лен<инградского> отд<еления> Союза Писателей. Таким образом, действующих лиц соберется достаточно. Имена своих свидетелей И. Н. пока не обнародовала. К сожалению, состав суда будет новый. Судья, слушавшая дело весной и принявшая показания московских свидетелей очень близко к сердцу, была лицом временным; теперь вернулась постоянная, к которой И. Н. и Аня бегали неоднократно. Она сделала попытку предложить сторонам “примирение” как родственникам (раздел?), но Лева категорически отказался. Разумеется, заседатели тоже будут новые.

Все это я пишу для Вас, и лучше не рассказывать! [На этом письмо обрывается. — Е. Ч.]

14. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

27/XII 67

Дорогой Виктор Максимович.

Посылаю Вам копию моего письма в Пушкинский Дом. Не знаю, как Вам покажется. Писать было противно.

Получила Вашу открытку, что 26 и 27-го Вы и “Поэма” в Москве. Но не знаю, увидимся ли: я опять лежу и мне не позволено разговаривать.

Просьба к Вам: обороните меня при случае от пунинской клеветы. Она теперь говорит, что отдала архив в ЦГАЛИ *по моему наущению!* Между тем я только колебалась, п. ч. считала, что раз в П<ушкинский> Д<ом> она не отдает, то лучше уж ЦГАЛИ, чем у нее!

“ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЧЛЕНУ-КОРР. АН СССР В. Г. БАЗАНОВУ¹

Глубокоуважаемый Василий Григорьевич!

В ответ на Ваше письмо от 12 декабря 1967 г., в котором Вы предлагаете мне высказать свои соображения о судьбе архива Анны Ахматовой, считаю своим долгом изложить следующее:

I

Анна Андреевна Ахматова, как известно, скончалась под Москвой, в Домодедове. Ахматова — национальная гордость России, могила ее — национальная святыня. Можно было похоронить ее в Москве, на Новодевичьем кладбище. Тем более, что в последнее десятилетие Ахматова каждый год многие месяцы проводила в Москве. Однако ни у кого ни на минуту не возникло сомнений, что печальная честь принять ее прах принадлежит именно ленинградской земле. И это вполне естественно. В ахматовской поэзии Петербург, Ленинград обрели новую жизнь. Свою неразрывную связь с Ленинградом Ахматова запечатлела с совершенною ясностью:

А я один на свете город знаю
И ощупью его во сне найду...

И в знаменитых строках “Поэмы без героя”:

Разлучение наше мнимо,
Я с тобою неразлучима.

Какие же могут быть у нас основания разлучать архив Ахматовой с Ленинградом после ее смерти? По моему убеждению, ахматовский архив следует хранить в Ленинграде, и именно в Пушкинском Доме, куда и пожертвовал его после кончины Анны Андреевны Лев Николаевич Гумилев.

С Пушкиным Ахматову соединяет не менее прочная связь, чем с Ленинградом.

Напомню, что она — видный пушкинист, исследователь творчества Пушкина, деятельная участница работ Пушкинской Комиссии.

Пушкинский Дом не раз видел Ахматову в своих стенах.

К тому же имена Пушкина и Ахматовой навеки связаны и в истории нашей литературы: “на многих ее страницах незримо присутствует Пушкин” — это сказано об ахматовской поэзии уже давно.

¹ Письмо к В. Г. Базанову печатается по копии, сохранившейся в архиве Лидии Чуковской.

Таким образом, раздробление ахматовского архива по двум городам и по нескольким хранилищам представляется мне актом необоснованным, противоречащим смыслу поэзии Ахматовой и ее биографии; центром ахматоведения должен, на мой взгляд, стать Пушкинский Дом, где следует собрать ее бумаги, ее портреты, вещи, воспетые ею (связанные с ее собственным обликом или с героиней “Поэмы”, О. А. Глебовой-Судейкиной): венчальные свечи, гребень с Анненковского портрета, ожерелья, перстни и т. д., а также шаль и шкатулку, которую Ахматовой подарила Цветаева.

Со мною Анна Андреевна о будущей судьбе своих бумаг и вещей никогда не говорила. Но однажды, показывая тетрадку, дорогую ей по особым причинам, произнесла:

— Этому место в музее. В Пушкинском Доме.

Вот почему, когда стало известно, что Л. Н. Гумилев пожертвовал архив своей матери в Пушкинский Дом, я сочла это совершенно логичным. Таким же логичным, вытекающим из всей жизни и поэзии Ахматовой, как и то, что похоронили ее под Ленинградом. Правда, был момент, когда я заколебалась между Пушкинским Домом и ЦГАЛИ. В архивах я никогда не работала, с ними не знакома, а видные знатоки, литературоведы, историки стали объяснять нам, что качество хранения в ЦГАЛИ выше, чем в Пушкинском Доме. Довод этот показался мне веским, и я на некоторое время заколебалась...

II

На пути в государственное хранилище ахматовский архив постигла катастрофа. Она оказалась настолько серьезной, что перед нею вопрос о том, в каком именно из наших государственных хранилищ должен находиться архив Ахматовой, отступил на задний план.

Имя этой катастрофы — Ирина Николаевна Пунина и ее желание распорядиться бумагами Ахматовой по собственному усмотрению, бесконтрольно и с материальной выгодой для себя.

Когда, после смерти Ахматовой, архив ее оказался в руках Пуниной, меня это несколько удивило: Ирина Николаевна не принадлежала к числу душевно близких Анне Андреевне людей. Но поначалу мне представлялось и не особенно существенным, где именно побудет архив до передачи его на государственное хранение. У Пуниной так у Пуниной. Лишь бы скорее была произведена полная опись и бумаги переданы в музей.

Первым сигналом тревоги явилось для меня отстранение Наймана.

Анатолий Генрихович Найман, литературный секретарь и большой друг Ахматовой, поэт и переводчик, переведший вместе с нею книгу стихов Леопарди, явился к И. Н. Пуниной, чтобы исполнить свою прямую обязанность: совершить опись. Пронумеровать каждую страницу.

Но не был допущен к архиву, лучшим знатоком которого бесспорно является.

Потому, видимо, и не был допущен, что очень уж хорошо знал его содержимое: тетради, рукописи, папки, письма.

Сначала я объяснила это происшествие личной неприязнью И. Н. Пуниной к А. Г. Найману.

Однако с каждым днем замысел И. Н. Пуниной становился все яснее. Стало известно, например, что Ирина Николаевна утверждает, будто в тетрадях Ахматовой нету неопубликованных стихов. А все мы знали: они есть, и в большом количестве... Затем произошел такой эпизод: незадолго до своей кончины Анна Андреевна сказала мне, что пишет мне одно деловое письмо. Я не получила его. Обратилась к Ирине Николаевне с просьбой мне отдать. Та подтвердила, что такой документ есть и что она мне его непременно пришлет. И действительно прислала фотокопию. В промежутке один из друзей объяснил мне, что это "письмо" написано не на отдельных листках, как я предполагала, а в последней тетради Анны Андреевны.

— Зачем же вы мне прямо не сказали, что письмо "для Лиды" вписано в тетрадь? — спросила я у Ирины Николаевны при встрече. — Я сейчас же, разумеется, перестала бы настаивать, чтобы мне переслали его! Мы столько раз говорили с вами об этом по телефону — и вы ни слова!

— Я вообще не хотела называть наименования тетрадей, — ответила Ирина Николаевна.

Она хотела темнить. И темнота сгущалась.

Не имея возможности, по болезни, приехать в Ленинград на заседание ахматовской комиссии, я написала туда (в июне 1966 г.) специальное заявление о необходимости срочно, не откладывая, во что бы то ни стало произвести опись архива.

Оно было прочитано на заседании. Вот что я тогда написала:

"Те из друзей Анны Андреевны, которых она сама, в разные периоды своей долгой жизни, приглашала себе в помощники для отбора стихов и вариантов, для составления журнальных циклов и сборников; те, с кем она изо дня в день советовалась о своих стихах и о своей прозе, те, кто по ее просьбе читал ее тетради, переписывал ее произведения, держал корректуры, те, кому знаком почерк ее руки и почерк ее мысли, — те и должны иметь честь, право и обязанность разобрать ее бумаги и привести их в надлежащий, то есть удобный для хранения и изучения вид".

Сделать это, объясняла я, необходимо как можно скорее.

Далее я предлагала Комиссии поручить эту работу старому другу Анны Андреевны литературоведу Эмме Григорьевне Герштейн; Нике Николаевне Глен (переводчице, составительнице ахматовского сборника для Болгарии, одно время исполнявшей при Анне Андреевне обязанности секретаря и потому хорошо знающей ее бумаги) и, конечно, А. Г. Найману.

Предложение мое исполнено не было. И. Н. Пунина желала распорядиться архивом бесконтрольно.

И распорядилась.

А мы теперь так никогда и не узнаем с должной точностью, каково было содержимое архива Ахматовой ко дню ее смерти.

Когда-то Ахматова показывала мне, например, три синие школьные тетрадки, куда ею от руки была переписана "Поэма без героя". Что случилось с этими тетрадками впоследствии? Существовали ли они в архиве до 5 марта 1966 г.? Если да — то где

они теперь? Если нет — то куда и когда они исчезли? Из-за отсутствия своевременно сделанной описи каждый из нас таких вопросов может задавать десятки.

Задавать — без ответа.

III

Ирина Николаевна Пунина прожила возле Ахматовой, вместе с Ахматовой много лет. Однако поэзии Ахматовой, ее творческому труду она была и осталась чужда. Анна Андреевна была очень памятьлива на суждения о своих стихах: очень их собирала и ценила, исходили ли они от специалистов или от так называемых рядовых — но одаренных чуткостью — читателей. Мне — как, вероятно, и другим — часто приходилось слышать из ее уст: “Про эти стихи Борис Михайлович говорил... Про “Поэму” интересно сказал Николай Иванович... Это стихотворение мой Левушка считает лучшим... Об этом мне написал моряк с Балтики... Мария Сергеевна радовалась этим стихам... Эмма говорит... Школьник из Лодейного Поля пишет мне о “Беге времени””. Ценила она и суждения своих молодых друзей — Иосифа Бродского, Анатолия Наймана, но я ни разу не слышала в подобном контексте упоминаний об И. Н. Пуниной.

Напротив, Анна Андреевна жаловалась, бывало, что она нисколько не интересуется ее стихами.

Помню такой случай. В конце 1963 г. в Ленинграде вышел очередной сборник “Дня поэзии”. Там впервые полностью была опубликована поэма Ахматовой “Путем всея земли”, написанная в марте 1940 г. Анна Андреевна никогда не делала из этой вещи никакого секрета, часто при мне и без меня читала ее друзьям в Ленинграде и в Москве, отрывки из этой поэмы появлялись в печати. Когда в 63 г. поэма была опубликована целиком, Анна Андреевна рассказывала мне с обидой:

— Ира поглядела и спрашивает: ты это сейчас написала?

У Ахматовой поэм не очень много. Двадцать три года Ирина Николаевна не удосуживалась прочесть одну из них.

Случай это очень характерный. Доказательств неосведомленности Ирины Николаевны в творческом пути Ахматовой я могу привести множество и не привожу только, чтобы не удлинять письмо.

Неосведомленность, однако, не помешала Ирине Николаевне после кончины Анны Андреевны почувствовать себя вправе предлагать свои услуги издательствам в качестве публикатора ахматовских текстов, самостоятельно разбираться в бумагах Ахматовой и самостоятельно решать: куда продавать какую тетрадку и на сколько лет следует объявить ту или иную тетрадь запечатанной.

Планы Ирины Николаевны относительно архива раскрывались постепенно; она искусно сбивала с толку и друзей Анны Андреевны и членов ахматовской Комиссии.

Приведу один пример.

Теснимая со всех сторон требованиями описи, Ирина Николаевна вдруг объявила, что она над ней работает вместе со специалистами и, окончив, пошлет ее Алексею Александровичу Суркову в Москву. В один прекрасный день мне позвонила секретарша А. А. Суркова и сообщила радостную весть: Пунина прислала опись! Я

попросила перечислить по телефону хоть несколько номеров, рассчитывая услышать знакомые наименования тетрадей. И услышала перечисление рукописей, полученных Анной Андреевной на отзыв с разных концов страны, а также перечисление полученных ею читательских писем! И подстрочников. То есть опись чужих бумаг в архиве Ахматовой.

Через некоторое время меня навестила Ирина Николаевна. Тогда степень ее лживости была неясна мне, я считала своим долгом тратить силы на переписку и беседы с ней.

— Как же так, — спросила я, — в вашей описи не зарегистрирована ни одна тетрадь Анны Андреевны и ни одно стихотворение! Какая же это опись ахматовского архива?

— Лидия Корнеевна, — ответила Ирина Николаевна, ясно глядя мне в лицо, — собственные стихи Ахматовой не могут считаться ее архивом.

Комментировать, по-моему, излишне.

IV

Скажу несколько слов об отношениях между Пуниными и Ахматовой.

Анна Андреевна, безусловно, была в какой-то мере привязана и к Ирине Николаевне, и к Ане, в особенности к Ане и в особенности в последние годы. Любила рассказывать о том, как обучала маленькую Иру французскому языку. Она беспокоилась о здоровье Ирины Николаевны, радовалась Аниным успехам, делала обеим подарки, хлопотала об Анином муже... С благодарностью вспоминала о том, как Аня секретарствовала при ней в Лондоне.

И Пунины по-своему были, безусловно, привязаны к Анне Андреевне. Анна Ахматова всю их жизнь, с детства и одной и другой, была для них человеком привычным, домашним, "своим".

Однако совместная жизнь Пуниных и Ахматовой хоть и складывалась в разное время по-разному, хоть и менялась то к худшему, то к лучшему — никогда не протекала идиллически. Анна Андреевна много, не по силам, работала, много болела, с каждым годом становилась в быту все беспомощнее. За ней требовался постоянный, внимательный уход — такой, каким она была окружена в Москве, в доме у Н. А. Ольшевской (Ардовой), или хотя бы у М. С. Петровых, или у Н. Н. Глен, или у Л. Д. Большинцовой (список этот можно продлить). Тут не спускали любящих глаз с ее работы, занимались ее врачами, ее лекарствами, ее диетой, ее гостями, ее одеждой, и она чувствовала себя среди родных. И любила приезжать в Москву. Ни от кого из нас она не скрывала, что "дома", в Ленинграде, ей неприятно, неудобно, одиноко, что там не умеют или не хотят как следует о ней заботиться.

Здесь я должна сделать одну оговорку, то есть строго указать периоды личных своих наблюдений.

Живя в Ленинграде, я познакомилась с Анной Андреевной Ахматовой осенью 1938 г.; виделась с нею регулярно, 2—3 раза в неделю, с осени 38-го по май 41-го. Тогда она только что разошлась с отцом Ирины Николаевны, Николаем Николаевичем Пуниным, хотя и оставалась жить в той же квартире. Для Анны Андреевны это были

особенно тяжелые годы. Она жила в заброшенности, бедности, горе, поглощенная хлопотами о Льве Николаевиче. Изредка соседка, Таня Смирнова, давала ей какой-нибудь суп или ходила для нее в магазин. Никакого общего быта, общего хозяйства тогда, в те годы, у Анны Андреевны с семьей ее бывшего мужа не было; *тогда* это были просто соседи по квартире и при том — неприязненные. Анна Андреевна горько жаловалась мне, что Пунины заняли своими дровами весь сарай, и ей свои поместить негде, что они запрещают своей домработнице покупать для нее продукты, и т. д. Нести бремя тюремных очередей Пунины тоже ей не помогали... В то время я вела дневник и регулярно записывала все, касающееся Ахматовой. Перечитывая его теперь, обнаруживаю: я встречала Ирину Николаевну в кухне, в коридоре, на лестнице, но в комнате у Анны Андреевны не видела ее ни разу.

Таковы были отношения Анны Андреевны с Пуниными на моих глазах между 1938 и 1941 годом.

Почему и при каких обстоятельствах, вернувшись из эвакуации в Ленинград в июне 1944 г., Анна Андреевна через некоторое время снова воротилась в ту же квартиру и снова поселилась в Фонтанном Доме вместе с Пуниными и какие возникли между ними отношения — я рассказать не могу, *п<отому> ч<то>* с 1943 г. сама обосновалась в Москве, не виделась с Анной Андреевной чуть ли не 10 лет, а с чужих слов рассказывать не хочу.

В пятидесятые годы в Ленинграде я виделась с Анной Андреевной лишь однажды — когда она жила с Пуниными на улице Красной конницы. Застала я ее нездоровой и при этом в полном одиночестве: ни Ирины Николаевны, ни Ани, ни Романа Альбертовича, ни домашней работницы не было дома. Анна Андреевна встретила меня словами:

— Как я рада, что вы пришли. Я дичаю в этой пустыне.

В пятидесятые и шестидесятые годы мы постоянно виделись с Анной Андреевной в Москве, но две осени подряд я жила кроме того в Комарове, в Доме Творчества — в октябре 63-го и в ноябре 64 г. — и каждый день ходила на дачу к Анне Андреевне. Не могу сказать, бывали ли там в ту пору Ирина Николаевна или Аня; если и бывали, то мельком; я их не запомнила. Жили там и обслуживали Анну Андреевну с заботой и любовью в 1963 г. Ханна Вульфовна Горенко, а в 64-м — Сарра Иосифовна Аренс.

В мае 1965 г. — то есть за 10 месяцев до кончины Анны Андреевны — я приехала к своей приятельнице в Ленинград с намерением навестить в Комарово Ахматову. Чтобы не явиться некстати, я позвонила в городе Ирине Николаевне, попросила ее сообщить Анне Андреевне о моем приезде и узнать, когда нам удобно увидеться. Ирина Николаевна была со мной, как всегда, очень любезна, записала мой телефон, сказала, что завтра по делам поедет к Анне Андреевне в Комарово, заодно передаст мой вопрос и привезет ответ.

Однако звонка от нее не последовало.

Прождав дня три, 10 мая я взяла такси и отправилась в Комарово.

Анна Андреевна очень мне обрадовалась, увидев меня у калитки — вышла встречать на крыльцо, привела в комнату, усадила. Но была при этом удивлена. “Каким это вы здесь чудом, каким ветром вас занесло?” Оказалось, Ирина Николаевна

позабыла сказать ей о моем приезде. Это, разумеется, сущие пустяки, не стоящие упоминания, но примечательны слова, в гневе произнесенные тогда Анной Андреевной и в тот же день, как и весь наш тогдашний разговор, записанные мною:

— Они никогда не помнят ничего, что меня касается. Они хотят жить так, будто меня не существует на свете... И им это удается виртуозно!

Лидия Чуковская 27/XII 67
Москва"

15. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

23/I 68

...Насчет суда... Думаю, было бы важно вызвать Нику Николаевну Глен. Я писала об этом Вл<адимиру> Гр<игорьевичу> и говорила Мише Ардову.

Мне звонила Нина Константиновна Бруни, свидетельница со стороны Пуниных. Я ее знаю мало, но АА ее не терпела, подозревала во всех смертных грехах и не пускала на порог. Говорила о ней с яростью¹. И вот она ездила в Л<енингра>д, на суд, и, вернувшись, мне позвонила. Я была больна и оттого склонна к лаконизму.

— Л<идия> К<орнеевна>, — сказала нежно Нина Конст<антиновна>, — Аничка поручила мне зайти к Вам и порассказать об их житье-бытье.

— Передайте, пожалуйста, Аничке, — сказала я, — что я ровно ничего не хочу знать ни о ней, ни о ее маме.

Это, по-видимому, была разведка.

Конечно, мне было неприятно произносить такие грубые слова. Но — как я могла ответить иначе? И визита Н<ины> К<онстантиновны> я не могла допустить.

Л. Чуковская

А что написала Над<ежда> Як<овлевна>²? Хорошо? Ардов же написал потому, что его попросил Леня Зыков, Анин муж. Мне это сказал Миша, кот<орый> горячо возмущен отцом. Бедняга же Нина Ант. может только плакать.

16. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

25/II 68

Дорогой Виктор Максимович.

...Как разоблачить Пуниных? И главное: как отнять у них бумаги АА, не проданные ими в архивы, а припрятанные? Как заставить распечатать "1001 ночь" и "Лермонтова"?

Я не знаю.

Кроме 8 000 они хотят еще и уважения общества. И кое-кто ловится. Напр., П. Н. Лукницкий всерьез уверял меня, что И. Н. — "очень порядочный человек".

Об Ирине же есть страшная запись. Объяснять повод — длинно, но АА сказала мне (в больнице, болея тифом):

¹ Н. К. Бруни (1900—1989), жена художника Л.А. Бруни, дочь поэта Константина Бальмонта.

² Мандельштам.

— Ирине было всегда все равно, живая я или мертвая. Анна Евг^{ен}ьевна всегда меня ненавидела¹.

17. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

13/III 68

Дорогой Виктор Максимович.

Пишу только для того, чтобы извиниться перед Вами. Я своего обещания не забыла — насчет примечаний и текста “Поэмы” — и непременно его исполню. Но заболела машинистка, а пока мне на стол легла другая работа, трудоемкая и срочная. Таким образом, я все обещанное исполню — но чуть-чуть *позднее*, чем рассчитывала. В чем и прошу меня извинить.

До меня дошли слухи, будто Наталья Борисовна, вопреки высочайшим указаниям Ирины Николаевны, решила распечатать “1001 ночь” и “Лермонтова”². И будто бы у нее был разговор со Львом Николаевичем и тот назвал трех лиц: Жирмунский, Герштейн, Харджиев. Выбор хорош и правилен, не хватает только Толи, который мог бы установить, все ли страницы целы... Однако Лев Николаевич считает достойными доверия только тех, кого *он сам* знал в детстве, т. е. 40 лет назад... Э. Г. обещала поговорить с ним о Толе. Не знаю, что из этого будет. Но что бы ни было, большая победа!

По-видимому, победа заставит Вас скоро приехать в Москву?³

Будьте здоровы. Крепко жму руку. Обещанное исполню.

Преданная Вам

Л. Чуковская

18. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

30/I 69

...Я совершенно согласна с Вашим взглядом на предстоящий суд. Позволю себе сделать все-таки два замечания:

1) Хотя и мне дело есть только до наследия, а не до наследства, хотя и мне все равно, кому пойдут деньги, — я считаю полезным *общественно*, чтобы вслух была ска-

¹ Анна Евгеньевна Арнс (1892—1943), первая жена Н.Н. Пунина, мать И.Н. Пуниной.

² Наталья Борисовна — Волкова, директор ЦГАЛИ. Почти за год до этого решения В. М. Жирмунский писал А. А. Суркову: “Мне пишет Э. Г. Герштейн, что Н. Б. Волкова разрешила ей, по Вашему представительству, работать над теми материалами архива, которые Пунина передала на хранение (или продала?) ЦГАЛИ. Это — большой шаг вперед в смысле собирания неизданного. Главное, что меня продолжает беспокоить, — это запрет, наложенный Пуниной на самые важные творческие тетради Анны Андреевны — “Лермонтов” и “1001 ночь”, так как совершенная бессмысленность этого распоряжения вызывает опасение, что не все в этих тетрадях сохранилось неприкосновенным. Надеюсь, что решение суда позволит преодолеть и это препятствие... Лишь бы только в результате разных спекуляций не были бы утрачены на долгое время ценные творческие материалы” (печатается по копии из архива Л. К. Чуковской).

³ 28 марта 68 года Л. К. записывает в дневнике: “Приезжал и провел у меня вечер Жирмунский. Привез и выложил мне на стол все, накопанное им в архивах. Работает ежедневно в ЦГАЛИ с 9 до 6. Любуюсь этим стариком, сильным, знающим и благородным” (Архив Л. К. Чуковской).

зана правда, т. е. что Пунина поступила с рукописями как базарная торговка. Общественное мнение интеллигенции — в каждом конкретном случае, всегда — важнее всего. И если Л. Н. прав (хоть и несимпатичен), а И. Н. неправы — пусть это будет выражено в громком слове.

2) Я убеждена, что Пунина продала государству *не всё* наследие А. А. Многое она еще где-то прячет. И если суд решит дело правильно и справедливо, то ей труднее будет утаивать остальное, ибо будет публично заявлено, что оно — краденое.

И знаете, к каким мыслям я пришла? Вот мы чувствовали себя такими беспомощными, неумелыми в борьбе с этой ловкой и бессовестной интриганкой. И будто бы все проворонили и будто бы ничего не успели добиться. А ведь это неверно. Если бы не подняли тогда хотя бы наш неумелый крик — не писали бы списков и заявлений — Суркову, в Пушк<инский> Дом — не добивались бы (хотя бы и тщетно!) описи — не видать бы ЦГАЛИ ни “1001 ночи”, ни “Лермонтова” — всё по листочкам ушло бы налево... “А. А. подарила “Лермонтова” мне, а “1001 ночь” — Ане”, — ведь говорила же это И. Н. ... Наши крики и списки заставили ее убедиться, что мы знаем больше, чем она думала. И она струхнула. И “Лермонтов”, и “1001 ночь” все-таки не погибли.

Так пусть струхнет еще раз. И посильнее. И пусть задумается, что ей делать с остальным. Пусть хоть через подставных лиц, хоть через перекупщиков продаст — чтоб избавиться! — государству, Леве, мне, Вам... Пусть подбросит. Знаете, как воры, украв бумажник, подбрасывают со временем владельцу паспорт.

Пусть — после суда — ей станет страшно что-то скрывать и прятать.

Ваша Л. Чуковская

19. Л. К. Чуковская — В. М. Жирмунскому

[21/II 69]

...Я не писала Вам долго, дорогой Виктор Максимович, полагая, что Вы, вблизи, еще более чем я, на расстоянии, выбиты из колеи судебной грязью¹. Что ж поделаешь: “неволя заставит пройти через грязь”², зато теперь эта лужа уже позади и можно спокойнее заниматься своим трудом.

Л. Чуковская

21/II 69

¹ 16 февраля Л. К. записывает в дневнике: “Был Толя... Подробно рассказал о суде... Пунинские адвокаты каждого свидетеля подмачивали так: “а скажите, Глен, почему вы не сдали в ЦГАЛИ книгу, кот<орую> вам давала на время АА”. “А скажите, Найман, куда делись подстрочники к Леопарди?” (Пунины воображают, что подстрочники к Леопарди — ценность!); “А скажите, Найман, какая часть ахм<атовского> архива — у вас?” — “Я уже отвечал: никакая. У меня письма Ахм<атовой> ко мне и ее стихи, подаренные ею мне с надписями”... Больше всех терзали Мишу Ардова, который опровергал гнусные показания отца... Жирм<унский> говорил полтора часа в суде (а потом на Комиссии докладывал о своем издании и читал новонайденные стихи АА).

Теперь, по болезни Ирины, продолжение суда отложено до вторника.

Аня ломалась и лила женственные слезы.

Смешна была одна свидетельница со стороны Пуниных, кот<орая> говорила:

“И. Н. ей всю жизнь отдала, так о ней заботилась, как родная. Да ведь Анне Андреевне ничего не надо было, я видала ее постель в Комарове — она на кирпичках спала””.

² Строка из баллады А. К. Толстого “Змей Тутарин”.